ЯСНАЯ ПОЛЯНА

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Академия наук СССР — Государственный музей
Л. Н. ТОЛСТОГО

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

СТАТЬИ
ДОКУМЕНТЫ

Составители:

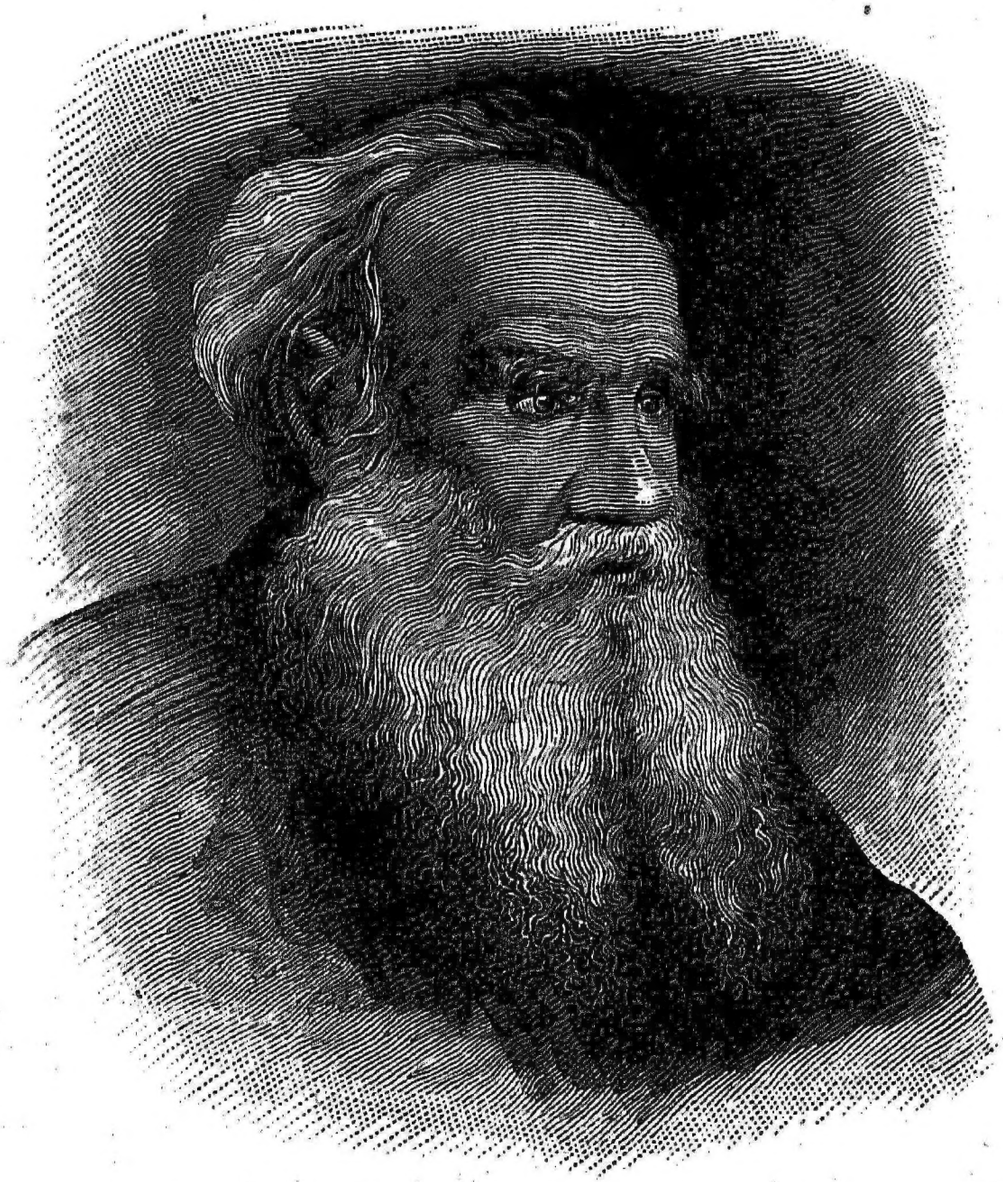
С. А. ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА
Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР
Е. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

☆

Под редакцией
И. И. МИНЦА
С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

Огиз • Госполитиздат • 1942

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СС



Л. Н. ТОЛСТОЙ

От составителей

Настоящий сборник ставит своей целью познакомить широкого читателя с историей Ясной Поляны — крупнейшего культурного памятника народов Советского Союза. Статьи сборника последовательно рассказывают, что такое Ясная Поляна, чем она была для Толстого, как она отразилась в его творчестве, как заботилось о ней и охраняло ее советское правительство с первых дней своего существования и как беспощадно разгромили ее фашисты.

Близкое знакомство читателя с историей Ясной Поляны возбудит еще большую жажду мщения, гнев, ненависть против гитлеровских варваров, посягнувших на этот драгоценный памятник, любовно охраняемый всем советским народом.

EB_1942_AKS_870

ИЗ НОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТОВ. В. М. МОЛОТОВА

о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях

...В злобном преследовании русской культуры немецкие захватчики показали всю мерзость и вандализм германского фашизма. В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших гениев человечества — Лев Толстой. Этот прославленный памятник русской культуры, очищенный от оккупантов частями Красной Армии 14 декабря, нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли. Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины были либо разворованы немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены. Германский офицер Шварц, в ответ на просьбу сотрудников музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого».

Москва, 6 января 1942 г.

Член-корреспондент Академии наук СССР
И. И. МИНЦ

ФАШИСТСКИЕ ВАНДАЛЫ-ГРОМИЛЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Опубликованные в ноте Народного Комиссара Иностранных Дел Вячеслава Михайловича Молотова от 6 января 1942 г. материалы о фашистских зверствах вызвали возмущение всего культурного человечества против озверелых немецких оккупантов. Все, в ком бьется свободолюбивое сердце, кому дороги достижения человечества, требуют привлечь банду гитлеровских преступников к самому суровому и беспощадному суду.

Трепеща перед грядущим возмездием, гитлеровцы пытаются «опровергнуть» обвинение в совершенных ими преступлениях. Покрытый с головы до пят кровью и мозгом раздавленных им народов, людоед Гитлер, как трусливый волк, которому крепкий капкан прищемил хвост, мечется из стороны в сторону. Презренный палач народов то визгливо кричит, что он ведать не ведает и знать не знает про ужасы, чинимые его армией мародеров, то, прикидываясь простачком, умильно уверяет, что фашистам приписывают чужие преступления.

Напрасный труд! Ни увертки, ни наглая ложь, ни новые преступления не помогут скрыть или замести следы чудовищных злодеяний.

Трудно подыскать слова, которые могли бы в какой-нибудь степени передать всю омерзительность фашистского террора. Пораженные неслыханными насилиями гитлеровцев, очевидцы, описывающие ужасы, принесенные немцами, говорят иногда: «Воистину это бессмысленный террор».

Отнюдь нет! Фашистские зверства — это *продуманный, систематический, организованный* террор. Гитлеровские бандиты не только отбирают продовольствие, не только стаскивают одежду с населения. Эта черта—поживиться за

чужой счет — давным-давно отмечалась как одно из свойств многих немцев. Великий русский сатирик Салтыков-Щедрин писал в свое время:

«Немец не пропустит случая попользоваться чем-нибудь даром. Мне кажется даже, что если бы немцу сказали, что в таком-то месте будут его бить *даром,* то он и тут не отказал бы себе в даровом удовольствии...»

Это свойство немцев гитлеровцы превратили во всеобщую характерную черту всей немецкой армии. Гитлеровские мародеры уничтожают все живое. Они обрушились на мирное население, уничтожая не только тех, кто может выступить против них, но и детей, женщин, стариков. Гитлеровские мерзавцы превзошли своих учителей — генералов и политиков Вильгельма II.

В одном из приказов, захваченных героической Красной Армией, гитлеровский полковник Шитниг цинично и откровенно перечисляет, что должен забирать немецкий солдат у населения. Опытный погромщик и «сих дел мастер» приказывает солдатам:

«В целях улучшения условий зимнего расположения, разрешаю брать из разрушенных селений все: продукты питания, картофель, пшено, лук, огурцы, пряности, керосин, стекло, гвозди, сковородки, горшки, лампы, стулья, ведра, мешки, веревки, оборудование для конюшен».

Отныне имя немецкого полковника Шитнига должно стать таким же нарицательным для всех германских фашистов, как прозвище людоед, данное Гитлеру.

Но гитлеровский полковник-грабитель действовал не один и не по своей инициативе.

Преступления фашистов отнюдь не являются случайными эксцессами отдельных солдат и офицеров или недисциплинированных воинских частей. Все эти зверства совершаются по приказам и планам, заранее разработанным германским правительством и его военным командованием. В руки советских войск попал секретный документ Геринга: «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях (Зеленая папка)» от июня 1941 года. В этих «директивах» с поразительной откровенностью разработан чудовищный план ограбления советского народа, превращения его в раба германских фашистов и систематического уничтожения его лучших представителей. Со времени Чингис-хана не было в истории человечества такого неслыханного варварства. Завое-

ванные города и села отдаются на поток и разграбление фашистской солдатне. В одном из разделов геринговского документа приказывается: «Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов для удовлетворения потребности войск...» (Из раздела «Снабжение войск из ресурсов страны», глава I, параграф 2.)

Вслед за Герингом фашистские генералы в официальных приказах открыто поощряют мародерство. Регулярным частям предоставляются специальные вагоны для того, чтобы солдаты могли отправить награбленное в тыл.

Как средневековые варвары, немецкие фашисты расстреливают не отдельных людей, а уничтожают целые села. Гитлеровцы грабят не отдельные предметы потребления, а подчистую обирают население. Пьяные, разнузданные бандиты насилуют женщин, а потом зверски убивают свои жертвы. Этим всеобщим разорением гитлеровцы полностью воспроизводят средневековых варваров. Но только этим чудовищным грабежом и насилием. Во всем остальном они превзошли варваров, ибо средневековые завоеватели несли с собой смерть и запустение, но они не посягали на душу народа. Они часто оставляли в живых искусных ремесленников. А гитлеровские грабители пытаются растоптать душу народа, искоренить его национальную культуру, уничтожить его национальное самосознание.

Эта иссушающая душу народа, зловещая истребительная политика гитлеровцев проявилась особенно ярко в Ясной Поляне. И тут, как и везде, немцы прежде всего ограбили население. Немецкие офицеры, ворвавшись в музей-усадьбу Толстого, прежде всего кинулись ловить кур. Одна из научных сотрудниц музея-усадьбы рассказывает об этой охоте фашистских офицеров:

«В этот же вечер началась погоня за курами. В первый момент я даже не могла понять, что они от нас требуют, потому что плохо знаю немецкий язык. Я обратилась к одному из офицеров на французском языке, и он на французском же языке объяснил мне, что им нужны куры».

Другая сотрудница музея образно нарисовала картину поведения фашистских носителей «культуры»:

«К нам в квартиру притащили одиннадцать зарезанных кур и жестами предложили нам начать их щипать. Я ска-

зала, что не понимаю. Тогда один из немцев взял меня за голову и с такой силой пригнул меня к мешку с курами, что я сразу поняла, что мне нужно делать. Пришлось щипать кур. Как же не щипать, если они чуть мне голову не оторвали?»

Таким сравнительно безобидным «развлечением» немецкие фашисты занимались походя, мимоходом. Дальше повторилась обычная для немецких фашистов расправа.

Как и везде, фашисты раздевали колхозников, снимали с прохожих валенки, оставляя владельцев на снегу без обуви.

Фашистские солдаты грабили население; врывались в дома, отбирали продовольствие, выгоняли на мороз семьи колхозников и поджигали их дома, особенно расположенные недалеко от шоссе. Фашисты повесили первых попавшихся колхозников только за то, что кто-то где-то пытался повредить немецкую машину. Колхозник Николай Иванович Власов был повешен на перекладине перед окнами своей избы. Мать и жена его в течение нескольких дней могли видеть из окон дома или с крыльца висевший труп сына и мужа.

Все это было, как и везде. Но дальше началось гнусное издевательство над самым дорогим для народов Советского Союза, над памятником великого писателя Льва Николаевича Толстого. Имея возможность разместить своих раненых в прекрасной больнице, гитлеровцы очистили два дома в усадьбе Толстого и расположили госпиталь в доме, где жил и творил великий писатель. В сводчатой комнате, расположенной внизу, в комнате, известной всему культурному миру, ибо в ней Толстой писал «Войну и мир», фашисты переломали мебель и устроили буквально хлев: набросали соломы, поставили кровати, заполнили бутылками из-под вина, изгадили пол. В спальне Толстого фашистские варвары устроили казино, где непрерывно шел пьяный кутеж. Организаторы кабака потребовали от научных сотрудников музейные вещи в качестве мебели. Один из немецких офицеров пытался втащить в комнату диван, на котором родился Толстой. Когда сотрудница музея сказала немецкому варвару, что этот диван принадлежит Толстому, обнаглевший насильник цинично заметил: «Надо прежде позаботиться о живых, а потом о мертвых».

В Ясной Поляне была расположена часть полка эсэсовцев «Великая Германия», состоявшая из отборных гитле-

ровских молодчиков, из тех, по поводу которых поэт Маршак писал:

Из такого молодца
можно сделать подлеца.

Надменные офицеры издевались над всем русским. Один из фашистских офицеров, указывая пальцем на грудного ребенка, лежавшего на руках у советской учительницы, сказал другому офицеру: «Этот уж безусловно не будет говорить ни слова по-русски». А второй фашист добавил: «Ну да, разве только старые люди будут помнить отдельные русские слова. Все будут говорить по-немецки».

Так фашистские оккупанты проводили в жизнь программу людоеда Гитлера по онемечиванию временно захваченных районов.

Фашисты уничтожали все, что связано с именем великого писателя. Они разворовали картины, висевшие в музее Толстого, они вытащили из кучи, куда сами же свалили, рисунки внука Толстого и на обратной стороне рисовали фашистскую свастику или порнографические сценки и развешивали потом на стенах. Они сожгли школу имени Толстого—великолепное здание, прекрасно оборудованное: одних микроскопов в школе было больше полсотни. Фашистские вандалы-грабители сожгли дотла общежитие учителей, предварительно выгнав учителей на улицу. Когда учителя попросили разрешения взять с собой вещи, немецкие офицеры приказали им притти завтра. Явившись на следующий день, педагоги уже не нашли своих вещей. Фашисты превратили больницу имени Толстого в конюшню, а амбулаторию сожгли так же, как и общежитие для медперсонала и домик для врачей. Фашистские осквернители сломали изгородь, изрубили садовые скамейки, мебель, среди которой были вещи, сделанные лично Толстым.

Но самое большое надругательство было произведено над могилой великого писателя. Могила находится почти в километре от музея. Дорога туда идет через парк. Когда начался снегопад, она покрылась снегом. Носить по этой дороге покойников представляло известную трудность. На площадке, где расположена могила Льва Николаевича, много вековых деревьев, корни которых густо переплетаются между собой. Копать землю было трудно. Кругом десятки открытых полян, вполне достаточных для 7500 могил, а не только для 75. И тем не менее немецкие

фашисты предпочли каждый день плестись километр взад и вперед, предпочли рыть могилы в неудобном месте, чтобы рядом с могилой классика русской и мировой литературы похоронить своих солдат. Все было сделано для того, чтобы оскорбить национальное достоинство русского народа, оскорбить культурную святыню советских народов.

Этим надругательство над памятью Толстого не кончилось. Уходя, фашисты подожгли и самый дом. 14 декабря немцы поспешно отступили под ударами героических бойцов Красной Армии. Фашистские части на станции Ясная Поляна были окружены, а отряд, стоявший в музее-усадьбе, боясь окружения, бежал. Но с дороги, — и это подчеркивает продуманность совершенного преступления, — три офицера вернулись на машине, вбежали в музей, наскоро набросали сена, соломы, дров в спальне Толстого в том месте, где стояла кровать писателя, в комнате Софьи Андреевны Толстой и в библиотеке и подожгли. Когда из окон дома повалил дым, сотрудники кинулись было тушить пожар, но немецкие офицеры закричали им, что дом минирован. Убедившись, что пожар уже охватил пол, потолок и двери здания, немецкие преступники вскочили на машину и умчались. Сотрудники приступили к тушению пожара. Но оказалось, что немцы предварительно испортили огнетушители, уничтожили пожарные принадлежности. Сотрудники, рискуя жизнью, проникли в дом и увидели, что пожар можно еще ликвидировать. С большим трудом разыскали два ведра, но не оказалось воды. Случайно вода нашлась в старом заброшенном колодце, о наличии которого немцы не знали. После четырех часов тяжелой борьбы с огнем самоотверженным сотрудникам удалось, наконец, ликвидировать пожар и спасти дом Толстого от полного уничтожения.

Разгром Ясной Поляны особенно отчетливо показал всему миру лицо фашизма, звериный облик обреченных на гибель.

В январе 1919 г. части 2-й Украинской повстанческой дивизии, разгромив немецко-петлюровские банды, ворвались в Полтаву. Взбешенные неудачей, петлюровские погромщики решили выместить свою досаду на мирном населении. Они кинулись грабить склады, стали шарить по частным квартирам. Красная Армия приняла меры против погромщиков. Армия тогда только-только создавалась.

Красноармейцы были голодны, разуты, у них нехватало боевых припасов. Но первый же параграф приказа по дивизии гласил: «Поставить взвод красноармейцев на охрану у дверей дома писателя Владимира Галактионовича Короленко».

В этом акте сказался весь облик Красной Армии — армии освободительницы, защитницы и носительницы культуры. Такой она вошла в историю.

Когда много лет спустя об этом было рассказано великому пролетарскому писателю Горькому, Алексей Максимович сказал: «Хозяева пришли. Пришли люди, которые верят, что будущее принадлежит им».

Подло, вероломно напав на Советский Союз, гитлеровцы в числе других инструкций имели одну, требовавшую: удушить всякое сопротивление в тылу. Среди командиров Гитлера немало таких офицеров, которые побывали на Украине в 1918 г., которые помнят, что такое гнев народа. Они обрушились на мирное население, уничтожая не только тех, кто может выступить против них, но и детей, женщин, стариков. Если бы Алексей Максимович Горький, погибший от рук гитлеровских агентов, мог наблюдать сейчас поведение гитлеровцев, он сказал бы: уходят из жизни; они обречены на гибель и вместе с собой стараются уничтожить все.

Все передовое человечество с гневом узнало о чудовищном надругательстве гитлеровских вандалов-громил над памятником великого писателя. Все с новым чувством стали перечитывать бессмертные произведения Льва Толстого, и по-новому предстали волнующие образы и картины романа «Война и мир». Американский журнал «Нью-Уоркер» писал:

«Гитлер заставил многих людей перечитать роман «Война и мир», а также признать, что Толстой является автором прекрасного описания русской кампании Гитлера».

15 декабря в девять часов утра в Ясной Поляне появились первые красные разведчики. Они с боями догоняли немцев и, узнав, что в двух километрах находится музей-усадьба Толстого, свернули с шоссе и попросили сотрудников музея показать им музей. «Увы, мы можем показать вам только то, что осталось от музея», — заявили сотрудники и показали бойцам результаты фашистского варварства. Красноармейцы были возмущены. Они оставили следующую запись в книге: «Дом-музей великого писателя

посетили после изгнания фашистов. Возмущены до глубины души. Этого им не простим. Уничтожим всех до единого. Группа командиров Красной Армии».

А сбоку десятка подписей немцев красные бойцы приписали: «Жаль, что часть этой сволочи пока что унесла ноги».

Нет, не унесла и не унесет. Героическая Красная Армия не даст фашистам закрепиться, раздавит сопротивление, истребит их и освободит временно оккупированные территории. Освобождена уже Ясная Поляна. Советский народ восстановил сейчас, во время боев, разрушения, нанесенные фашистами Ясной Поляне. Красная Армия выполнит задачу, поставленную перед ней советским правительством и советским народом, выраженную в следующих словах ноты т. Молотова:

«Советское правительство и его агенты ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия».

ПРОКЛЯТЬЕ И МЕСТЬ ФАШИСТСКИМ ВАРВАРАМ

Передовая статья газеты «Правда» от 21 декабря 1941 г. № 353

В Ясной Поляне немецко-фашистские захватчики учинили омерзительное, кощунственное надругательство над одним из величайших культурных памятников русского народа — над домом, где жил и работал Лев Николаевич Толстой. Свято оберегая память великого писателя, дорогую нашей стране и всему культурному человечеству, советское правительство превратило Яснополянскую знаменитую усадьбу в государственный, национальный музей. Сотни тысяч человек совершали туда паломничество, знакомясь с той обстановкой, в которой сотворена была «Илиада» русского народа — «Война и мир».

Захватив на время Ясную Поляну, немцы превратили русский национальный музей в казарму для солдат и офицеров. Вшивый немецкий сброд загадил все комнаты дома, топил печи музейной мебелью, покрыл стены порнографическими рисунками, расхитил картины и другие музейные ценности, обратил в хлев комнату, в которой жил Толстой, вырубил деревья в знаменитой толстовской роще и осквернил могилу Толстого, похоронив рядом с ней фашистскую падаль — своих солдат.

Это надругательство над культурным памятником, дорогим русскому народу, не случайно. Его нельзя приписать невежеству или злому умыслу отдельных лиц. Захватив на время Клин, немцы точно так же, с тем же нарочитым кощунством надругались над домом-музеем Чайковского, великого русского композитора. В Тихвине немцы разгромили музей знаменитого русского композитора Римского-Корсакова, родившегося в этом городе.

В старинном русском городе, который можно назвать городом-музеем, в Новгороде, немцы сожгли и уничтожи-

ли древние русские соборы и церкви, являющиеся замечательными образцами древнего русского искусства — зодчества и живописи.

Так всюду, где проходят немцы по нашей стране, за ними стелется зловонный дым пожарищ, в которых гибнут культурные сокровища. Они ломают с особым ожесточением, разрушают, оскверняют все, на чем лежит печать национальной культуры. Они разрушили памятник Мицкевича во Львове. Они цинически надругались над могилой Шевченко в Каневе.

Немецкие офицеры слышали о Толстом и о Чайковском. Среди тех бандитов в офицерских мундирах, которые разрушали Ясную Поляну, был и известный генерал Гудериан. Нельзя говорить только о невежестве этих мерзавцев. Тут сознательная политика разрушения русской культуры. Тут ненависть немецких погромщиков к русскому народу, к русской интеллигенции. Гитлер и его банда поставили своей задачей прекратить культурное развитие русского народа, как и других советских народов, как и всех славянских народов. В разрушении дома-музея Толстого, в разрушении дома-музея Чайковского, в разрушении памятника Мицкевича, памятника Шевченко выразилось существо германского фашизма. Он несет с собой порабощение народов, уничтожение национальной культуры этих народов.

Гитлер и его банда питают ненависть к Толстому, к Чайковскому, ко всей русской литературе, ко всему русскому искусству, потому что гениальные писатели и композиторы русского народа свидетельствуют о высокой культуре и о талантливости народа, потому что произведениями своих великих людей русский народ безмерно обогатил мировую культуру. Но именно мировую культуру, созданную тысячелетиями, и хотят уничтожить фашистские погромщики. Этой культуре они противопоставляют свою звериную натуру каннибалов, людоедов.

Фашистские погромы культуры входят составной частью в общую разбойничью программу Гитлера и его банды. Они неотъемлемы от разбойничьего гитлеровского империализма, который является вызовом всему культурному человечеству. Те, кто кощунственно глумится над народными святынями, отвергают и все нормы международных отношений, все договоры и конвенции, имеющие своей целью охранить в войне слабых, больных, раненых, мир-

ных жителей, женщин и детей. Погромщики — они же палачи. Они же мародеры и насильники. Те, кто громил дом-музей Толстого, повесили колхозников, учеников Толстого. Они же изнасиловали женщин в Ясной Поляне. Фашистские погромы сопровождаются всюду массовым изнасилованием советских женщин, потому что понятия женской чести и человеческого достоинства так же чужды и враждебны Гитлеру и его банде, как чужды и враждебны понятия культуры.

Полторы тысячи лет назад предки нынешних немцев варварски разрушили Рим. Они уничтожали, жгли, ломали классические памятники искусства, рвали на мелкие части ценные рукописи. Они нанесли огромный, непоправимый ущерб мировой культуре. Под именем вандалов эти древние германцы вошли в мировую историю, и слово «вандализм» осталось навсегда памятником дикого, бессмысленного разрушения культуры.

Но нельзя этих первобытных дикарей сравнивать с их потомками. Во главе немецкого народа стоят люди, одичавшие на улицах больших капиталистических городов, подонки цивилизации, бандиты, гангстеры, сутенеры. Нет ничего опаснее, чем бандит, получивший государственную власть. Таков Адольф Гитлер, такова его банда.

Фашистский погром культуры в нашей стране лишний раз показывает, какую огромную международную опасность представляет гитлеровский разбойничий империализм. Гитлеризм должен быть истреблен с корнем, коричневая чума должна быть уничтожена, как всякая чума. Пусть немецкий народ знает, что сообщения о погромах музеев, памятников русской, советской культуры отдаются глубокой болью в душе каждого советского человека, что надругательство над памятью Толстого, Чайковского, святынями Новгорода, над могилой Шевченко — это оскорбление самых святых чувств советского человека, и никогда этого советский народ не забудет, никогда этого не простит.

В нашей стране партией Ленина — Сталина, советским правительством воспитывается глубокое уважение к культуре, к драгоценному культурному наследию русского и других народов. Имена Толстого и Чайковского дороги каждому советскому человеку, как и каждому культурному человеку во всем мире. И мстить за память наших великих людей мы будем так же, как мстим за наших

сыновей, братьев, отцов, замученных фашистами, за наших сестер и дочерей, поруганных фашистскими скотами.

В каждом фашисте, в каждом солдате немецко-фашистской армии, в каждом офицере и генерале гитлеровской банды наш боец видит осквернителя наших культурных святынь. Смерть осквернителям нашей культуры! Уничтожать фашистских гадин без пощады!

I

ТОЛСТОЙ И ЯСНАЯ ПОЛЯНА

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Толстой.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

Е. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Исторический очерк

еревня Ясная Поляна Тульской губернии Крапивенского уезда, которая теперь, в 1879 году, принадлежит мне и 290 душам временно обязанных крестьян, 170 лет тому назад, т. е. в 1709 году, в самое бурное время царствования Петра 1-го, мало в чем была похожа на теперешнюю Ясную Поляну. Только бугры, лощины остались на старых местах, а то все переменилось. Даже и две речки — Ясенка и Воронка, которые протекают по земле Ясной Поляны, и те переменились — где переменили теченье, где обмелели, а где выбили бучилы, где было мелко, и везде обеднели водой. Где были леса, стали поля, где было не пахано, все теперь разодрано, давно выпахано и опять заброшено. Заповедная казенная засека, которая на полкруга окружает землю Ясной Поляны, теперь вся порублена. Осталось мелколесье там, где были нетронутые засечные леса, только заруба вилась по краям, чтобы не давать ходу татарам. Где теперь три дороги перерезают землю Ясной Поляны, одна старая, обрезанная на 30 сажен и усаженная ветлами по плану Аракчеева, другая — Каменная, построенная прямее на

EB_1942_AKS_870

моей памяти, 3-я — железная Московско-Курская, от которой не переставая почти доносятся до меня свистки, шум колес и вонючий дым каменного угля,—там прежде, за 170 лет, была только одна Киевская дорога и та не деланная, а проезжанная и, смотря по времени года, переменявшаяся, особенно по засеке, которая не была еще прорублена, по которой прокладывали дорогу, то в одном, то в другом месте. — Народ переменился еще больше, чем произрастания земли, воды и дороги. Теперь я один помещик, у меня каменные дома, пруды, сады; деревня, в которой считается 290 душ мужчин и женщин, вся вытянута в одну слободу по большой, Киевской дороге. Тогда в той же деревне было 137 душ, пять помещиков и у двух помещиков свои дворы были (не лучше теперешнего хорошего мужицкого) и стояли дворы эти в середине своих мужиков, и деревня была не на том месте, где теперь (барский двор был пустырь, а где теперь деревня, было поле), а крестьянские и помещичьи дворы как расселились, кто где сел, так и сидели на том месте над прудом (под лесом, где стоят старые две сосны), которое теперь называется селищами и на котором с тех пор, как я себя помню, 40 лет сеют без навоза и где на моей памяти находили в земле кубышки с мелкими серебряными деньгами... тогда избы были маленькие, 6, 7 аршин с сенцами и клетью, все топились по черному, а семьи были большие, по 20 и больше душ в одном дворе... Теперь мужики ходят в сапогах, картузах, и бабы в ситцах и плисах, тогда кроме самодельных рубах, кафтанов и шуб других не знали. Мужики носили летом только шляпы черепениками, а зимой треухи и малахаи. Шубы шили без сборок, а с двумя костышками на спине. (лыко свое не переводилось), онучи были черные, лапти липовые. Бабы носили кики деревянные с назатыльниками и с бисерными подвесками. Вместо серег носили пушки гусиные, занавески и рубахи шитые шерстями на плечах.— ...Тогда заработков за деньги нигде никаких не было. Все занимались землею, лесом в засеке, и только и деньги бывали, когда продаст мужик на базаре в Туле овцу, корову, лошадь, хлеба или меду, у кого были пчелы. И у кого деньги были рублей 50, тот считался богачом и зарывал деньги в землю. Теперь в Казенной засеке разделены леса по участкам, просеки поделаны и караул строгий, так что не только лесом, но и за орехи и за грибы

баб ловят и штрафы с них берут, а прежде подзасечные и помещики и мужики в Казенный лес как в свой ездили за лесом. Караул был малый и за штоф водки любых дерев нарубить можно было. Теперь хлеб не родится и по навозу, а для скотины корму в полях уж мало стало, и скотину стали переводить, много полей побросали и народ стал расходиться по городам в извощики и мастеровые, а тогда, где ни брось, без навоза роживался хлеб, особенно по расчищенным из-под лесу местам, и у мужиков и у помещиков хлеба много было. Кормов для скотины было столько, что, хоть и по многу и мужики и помещики держали скотины, кормов никогда не выбивали. —

(Мужики все были господские). В то время во всей России вольных не было... И в Ясной Поляне мужики все были господские. Помещиков в Ясной Поляне тогда, в 1708 году, было 5...»

Этим описанием в одном из черновых вариантов начинает Толстой свой неоконченный роман из эпохи Петра I.

Толстой любил свою Ясную Поляну, интересовался ее историческим прошлым. История же теперешней Тульской области действительно героична и величественна. Ее роль в защите русского государства в течение всего его существования привлекала Толстого художника и патриота. По Тульской области через Козлову засеку проходили с юга на север славянские племена, теснимые татарами; Тульская область защищала Москву от набегов диких орд крымских татар; в Тульской области поселены были первые пограничники — служилые люди, на которых лежала обязанность охранять эту границу русского государства; в Тульской же области на Куликовом поле произошло великое сражение с татарами, которое подорвало их господство над Русью.

Богатая природа этой местности привлекла к себе густое население, которое жило в многочисленных селах и городах. В записках иностранных путешественников, посещавших русское государство в XV и XVI веках, говорится, что земли теперешней Тульской области являются самыми заселенными, и притом заселенными «племенем весьма отважным и воинственным». Разбросанные повсеместно курганы, селища и городища указывают на правильность этого сообщения иностранцев. Прежние городища — это места древних укреплений, которые были совершенно необходимы в этом крае.

Значительная часть теперешней Тульской области, — уезды Веневский, Тульский, Епифанский, Ефремовский и Богородицкий — входила в состав княжества Рязанского, которое вследствие своего географического и исторического положения подвергалось постоянным набегам воинственных соседей. Населению этих местностей приходилось с оружием в руках отстаивать свое имущество и свою независимость. Эта непрестанная борьба развивала в населении воинственный дух и мужество.

Соседние князья, муромские и суздальские, часто с ожесточением разоряли княжество Рязанское. Жителям приходилось спасаться; они уходили в окружавшие их дремучие леса или же за городские стены.

Но были страшнее враги — хищные степные кочевники: печенеги, половцы и, наконец, татары. Как ураган налетали дикие полчища на мирных жителей. Грабили деревни и города, жгли их, угоняли скот, мучили и убивали людей, уводили их в полон, клеймили и продавали в рабство. Не раз русские князья высылали войска против захватчиков, но численно преобладавшие вооруженные орды татар гнали и разбивали русские дружины. Наконец, в 1380 году князь Дмитрий, прозванный Донским, дал отпор татарам.

Набеги татар не прекратились, однако, и после разгрома их на Куликовом поле. Особенно страдали Московское и Рязанское княжества от нападения крымских татар. Татары приходили на Русь каждый раз одними и теми же дорогами — шляхами. Главный шлях назывался Моравский (Муравский). Он шел от самого Перекопа до Тулы, не пересекая на всем своем протяжении ни одной большой реки. Это было удобно для татар, избегавших переходов через реки. Если же на пути татар встречались маленькие речушки, кочевники искали брода и запоминали эти места для следующих походов. Такие места назывались «перелазами». Этих перелазов было очень много. Около Тулы два: через реку Упу переправлялись татары у Костомарова брода, в 20 верстах от Тулы, против Дедилова, и через речку Шать был перелаз, в 8 верстах от Тулы. Далее уже через Щегловы ворота-засеки татары пробирались к Москве. В тех местах, где были перелазы, хорошо известные русским, устраивались различные заграждения, вбивались сваи, дубовые колья. Для охраны перелазов и наблюдения за ни-

ми устроены были сторóжи, караульные башни. Иногда даже строились города и крепости. В XVI веке по всей степной полосе вытянулась длинная цепь городов. Тула была среди них. Она была окружена каменными стенами, тогда как остальные города обнесены были или частоколом, или земляным валом. Кроме городов, препятствием для нападения татар служили «крепости великие», как их называли древнерусские памятники, — это леса и болота. Для затруднения продвижения кочевников через леса русские устраивали «засеки». Они состояли из срубленных и наваленных в кучу деревьев. Высота засеки достигала от 9 до 30 сажен. Понятно, что кочевникам на конях невозможно было перейти такую преграду. Им приходилось спешиваться и разбирать кучи, а в это время русские отряды нападали и избивали их. Но чтобы эти кучи нельзя было разобрать, деревья не срубали, а засекали и наклоняли макушками на юг, не отрубая их от корня. Засеки с незапамятных времен служили защитой в местах, богатых лесом. Часто они устраивались на скорую руку для местной обороны. Но иногда в древней Руси засеки превращались в оборонительную систему, которая сохранялась десятилетиями и даже столетиями. Оборонительные леса тянулись непрерывно с южной части государства по Тамбовской, Тульской, Рязанской и Калужской губерниям. Леса в засеке считались заповедными. Ширина засек доходила от 5 до 50 километров. В состав южной оборонительной линии входила и Козлова засека (место, где находится железнодорожная станция Козлова Засека, теперь Ясная Поляна). Козлова засека располагалась между двумя полянами — Малиновой на юге и Ясной на севере. Долговечные засеки состояли не из одних засеченных деревьев; в них лесные завалы только восполняли и смыкали естественные препятствия местности — реки, болота, овраги. Иногда лесные завалы заменялись частоколами, надолбами, земляными валами, рвами. Такие рвы находились около Ясной Поляны. Одна из ближайших к Ясной Поляне деревень называлась Рвы (в настоящее время эта деревня сожжена фашистами). Сооружение этой засечной черты Московского государства закончилось в 60-х годах XVI века.

На население деревень и селений, отстоявших от засеки не далее как на 25 верст, были возложены обязанности сохранять нерушимой границу засек, а также оборо-

нять засеки во время набегов. Для этого назначалось в этих селениях особое ополчение, состоявшее из известного количества ратников, так называемых «подымовных людей», в полном вооружении. Население чувствовало себя всегда настороже, привыкало к боевым действиям. В некоторых местах для проезда оставлялись укрепленные ворота, где поселялись особые вооруженные люди. Такие ворота находились на поле между Козловой засекой и Щегловой. Эти ворота назывались Малиновыми и находились на месте будущей усадьбы Ясная Поляна. На новом шоссе, около деревни Новое Басово, также уничтоженной германскими полчищами, до сих пор можно видеть остатки земляных укреплений. Это почти целое поле, огороженное рядом земляных валов и рвов, которое раньше называлось Завитай. От него в две стороны шли леса — Козлова Засека и за Тулой — Щеглова Засека.

Когда надобность в защите от татар миновала, засеки были обращены в казенные леса. Сохранилось 35 тысяч десятин этого заповедного леса вокруг Ясной Поляны.

Еще во времена детства и молодости Толстого Засека представляла девственный лес. Полновластными хозяевами здесь были многовековые дубы. Где вырубали дубы, вырастала береза, ясень, клен, липа и осина. В лесу водилось множество пушного зверя: волки, зайцы, лисицы, и птицы: тетерева, вальдшнепы. До сих пор в Засеке водятся лоси.

Засека с ее малохоженными дорогами, густыми чащами и глубокими оврагами была любимым местом охоты, а потом прогулок Толстого. Он совершал туда прогулки и пешком и верхом на лошади. Засека привлекала Толстого своей дикостью, безлюдьем. Здесь перед художником раскрывались чудесные тайны, полнота и богатство жизни живой природы. Там, вдали от людей, во время своих одиноких прогулок он обдумывал свои произведения. Когда Толстой был здоров, он почти не пропускал дня без прогулки в Засеку и каждый раз старался отыскать все новые и новые места.

Три исторические дороги с самых древних времен шли на Тулу и на Москву: Киевская — из Мценска, Дедиловская—из Ельца, с прилегающим к ней Муравским шляхом, и Чулковская — из старой Рязани. При Петре I главный тракт был московско-воронежский — на Азов; он шел из Тулы на Дедилово, Богородицк, Ефремов и Елец. С 1696

по 1708 год Петр I часто проезжал по нему в Воронеж, когда строил для Азовских походов суда. По этому же тракту ехали на юг послы Русского государства в Персию и Турцию, проезжала Екатерина II. В 1502 году Иоанн III положил начало почты; он учредил по дороге «ямы» — станции для проезда гонцов из Москвы и обратно. Пролегающих по Тульской губернии почтовых трактов было семь, а именно: в Москву, в Рязань, в Тамбов, в Воронеж, в Калугу и два в Орел.

Толстой очень любил совершать прогулки на Киевское шоссе, которое он называл «Невским проспектом». Там он беседовал с людьми, шедшими и ехавшими со всех сторон России, особенно с севера на юг. Здесь проходили на работы сезонные рабочие на Украину, в Донбасс, богомольцы в Киев и Оптину пустынь. Эти прогулки по шоссе открывали Толстому богатства русского народного языка с бесчисленными его наречиями, там слышал он легенды и рассказы, которые впоследствии переплавлял в художественные произведения.

Толстой так же часто бывал в Туле, иногда хаживал туда пешком по шоссе. Сюда привлекали его многочисленные дела. Он посещал тульские тюрьмы, оружейный завод, судебные процессы, бывал на репетициях своей пьесы «Плоды просвещения», впервые поставленной в Туле, а главное, много и часто бывал ходатаем по делам крестьян, защищая их перед начальством.

Город Тула, окруженный засеками: с востока — Щегловой, с запада — Завитаем, Малиновой и с юга — Карницкой и укрепленный каменными и деревянными стенами, представлял как бы центр или главные ворота всей тульской засечной черты, прикрывавшей подступы к Москве.

Положение Тулы как пограничной крепости Московского государства содействовало тому, что в Тульской области издавна развивалось оружейное дело. Тульская область богата неглубоко лежащей, а вследствие этого и легко добываемой железной рудой. Еще в XVI веке крестьяне Тульского уезда добывали руду, в домодельных печах перерабатывали ее в железо, а это железо продавали тульским кузнецам, которые выделывали из него всякое холодное оружие: ножи, топоры, а иногда случалось и огнестрельное. С XVI века кузнецы жили в особой слободе и платили в казну оброк. Оружейники при каждом нападении на Московское государство оказывали

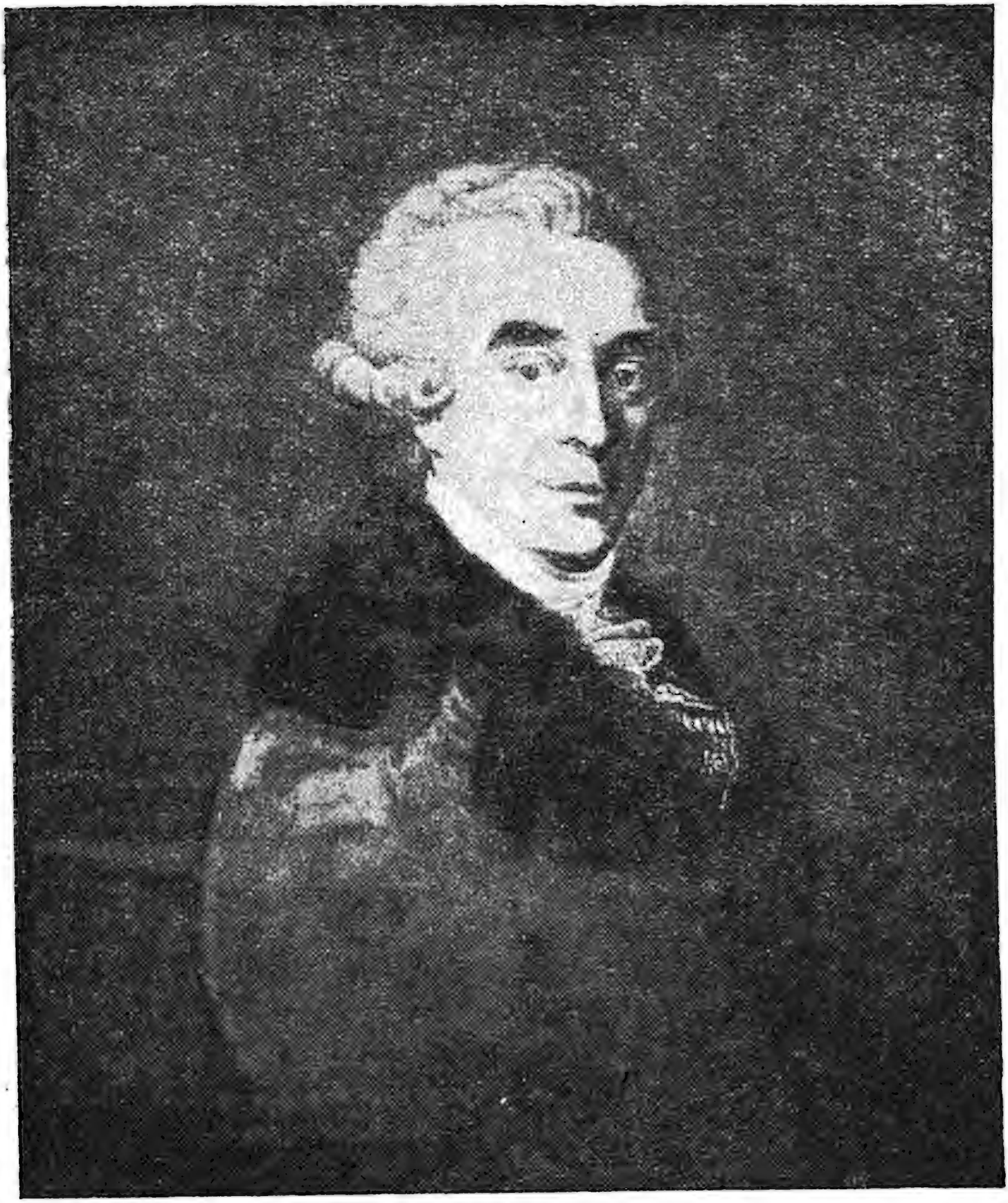
ему большую помощь. Москва особенно заботилась о тульских кузнецах во время войн со Швецией и Польшей и всячески старалась взять их на учет и заставить работать только на казну, но в свою очередь давала им некоторые льготы. Потребность в оружии все увеличивалась. Частные, хотя и очень крупные оружейники, не могли развить производство в достаточной степени, и в 1712—1714 годах был построен Тульский оружейный завод. Петр I всемерно заботился об увеличении числа тульских оружейников, набирая кузнецов из других губерний и переселяя их в Тулу.

Во время первой Отечественной войны 1812 года помощь тульских оружейников была особенно велика. Объятые патриотическим чувством, оружейники работали день и ночь над изготовлением нового огнестрельного оружия и над починкой старого. За три года оружейники приготовили более полумиллиона ружей. Наполеон хорошо понимал значение Тульского оружейного завода и после взятия Москвы намеревался итти на Тулу.

В 1919 году, в годы гражданской войны, войска белых под предводительством Деникина двигались на Тулу со стороны Орла. В этот ответственный для страны момент Тула вновь была готова стать оборонительным рубежом для Москвы. Вооружился тульский пролетариат, поднялись потомственные оружейники на защиту молодой советской власти. Вокруг Тулы выросли проволочные заграждения, окопы. Но Деникин до Тулы не был допущен Красной Армией.

В декабре 1941 года, во время напряженных боев за Тулу, в защите родного города участвовали рабочие батальоны, в которых дрались тульские оружейники. Продолжая великие героические традиции своих предков, туляки отстояли и сейчас свой древний воинственный город и преградили фашистским варварам путь к Москве.

Ясная Поляна расположена в 14 километрах к югу от Тулы. За время ее существования в Ясной Поляне переменилось много владельцев и, наконец, в 1763 году она была куплена у С. В. Поздеева прабабкой Толстого княгиней М. Д. Волконской, урожденной Чаадаевой. Князья Волконские — рюриковичи, происходят от князя Михаила Черниговского, который был в Золотой Орде замучен татарами. Князья Волконские владели поместьями в западной части Тульской губернии и не раз отражали набеги крым-



Н. С. Волконский, дед Толстого. Строитель Ясной Поляны.

ских татар. Представители рода князей Волконских и в дальнейшем участвовали в ряде войн.

Л. Н. Толстой очень любил своего деда Николая Сергеевича Волконского и даже восхищался им. В «Воспоминаниях детства» он называет его «умным, гордым и даровитым человеком». Толстой пишет: «Про деда я знаю то,

что, достигнув высоких чинов генерала-аншефа при Екатерине II, он вдруг потерял свое положение вследствие отказа жениться на племяннице и любовнице Потемкина, Вареньке Энгельгард... Он не только остановился в своей служебной карьере, но был назначен воеводой в Архангельск, где пробыл, кажется, до воцарения Павла, когда вышел в отставку и, женившись на княжне Екатерине Дмитриевне Трубецкой, поселился в полученном от своего отца Сергея Федоровича имении Ясная Поляна.

Княгиня Екатерина Дмитриевна рано умерла, оставив моему деду единственную дочь Марию. С этой-то сильно любимой дочерью и ее компаньонкой француженкой и прожил мой дед до своей смерти около 1816 года. Дед мой считался очень строгим хозяином... Я часто расспрашивал про него... и... слышал только похвалы его уму, хозяйственности и заботе о крестьянах и в особенности огромной дворне моего деда. Он построил прекрасные помещения для дворовых и заботился о том, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одеты и веселились бы... Еще более он заботился о благосостоянии крестьян... и они благоденствовали тем более, что высокое положение деда, внушая уважение становым, исправникам и заседателю, избавляло их от притеснения начальства. Вероятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таков же разбитый им парк перед домом.

Вероятно, он также любил музыку, потому что только для себя и матери держал свой хороший небольшой оркестр».

Все главные постройки, которые мы видим в Ясной Поляне, построены Н. С. Волконским, и все они прочны, удобны и красивы. Издали, со станции железной дороги, виден длинный двухэтажный дом, архитектуры XVIII века. Этот дом первоначально предназначался для ткацкой фабрики и для размещения крепостной дворни. Позднее он использовался как помещение для служащих.

Как только Н. С. Волконский поселился в Ясной Поляне, он начал строиться. Усадьбу он разбил по своему собственному плану. Прежде всего были построены два совершенно одинаковых флигеля. В левом флигеле в 60-х годах Толстой устроил школу для крестьянских ребят Ясной Поляны. Позднее в нем жили приезжие гости

и родственники. По имени Татьяны Андреевны Кузминской, сестры С. А. Толстой, которая почти каждое лето проводила в Ясной Поляне, этот флигель назывался «домом Кузминских». В настоящее время это—Литературный музей, посвященный жизни и творчеству Толстого. Второй флигель — это дом, где жил почти 70 лет Толстой. Он сделал к флигелю две пристройки, и дом изменил свой первоначальный вид.

15 декабря 1941 года этот дом—великий памятник мирового значения — был подожжен фашистскими вандалами и спасен только благодаря исключительному мужеству и находчивости музейных работников Ясной Поляны.

В середине между флигелями Н. С. Волконский начал строить большой барский дом. Был уже выложен фундамент и кирпичный первый этаж, но смерть Н. С. Волконского прервала постройку дома. Остальные два этажа достроил уже из дерева отец Толстого Николай Ильич Толстой. Всего в доме было 42 комнаты.

28 августа 1828 года в старом доме родился Л. Н. Толстой. Этот дом в настоящее время не существует. В молодости Толстой продал его на своз помещику Горохову, который перевез его в село Долгое, Крапивенского уезда. На месте старого дома Толстой посадил липы, дубы, ясень и другие деревья. Сын Толстого Илья Львович пишет в своих воспоминаниях: «Когда кто-нибудь спрашивал отца, где он родился, он показывал на старую лиственницу, растущую на месте старого фундамента: «Вот там, где теперь макушка этой лиственницы, была маменькина комната, там я и родился на кожаном диване», — говорил он».

При въезде в усадьбу князь Волконский поставил две белые каменные башни, находящиеся там до настоящего времени. Между ними помещались железные ворота. В этих башенках стояла стража, охранявшая усадьбу. За башнями в гору поднималась широкая дорога, первоначально обсаженная березами, так называемый «прешпект». Перед домом был луг, отец Толстого посадил там яблоневый сад. Направо от «прешпекта» Н. С. Волконский разбил парк, заканчивавшийся липовыми аллеями («Клины»). Внизу были выкопаны два пруда: «большой» и «нижний», и в парке «верхний» и «средний».

Когда Н. С. Волконский умер, владелицей усадьбы осталась его дочь, Мария Николаевна Волконская, мать

Толстого. Она вышла замуж за Николая Ильича Толстого, отца Толстого. Ясная Поляна перешла в род Толстых.

В 1847 году 11 апреля дети Николая Ильича и Марии Николаевны Толстых: Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и сестра Мария произвели раздел движимого и недвижимого имущества. По этому разделу Толстому досталось сельцо Ясная Поляна, бывшего Крапивенского уезда, с 233 крепостными и деревни Ясеньки, Ягодная, Пустошь, Мостовая и Малая Воротынка бывшего Богородицкого уезда.

Такова краткая история Ясной Поляны, неразрывно связанной с жизнью и творчеством гения русской и мировой культуры — Льва Николаевича Толстого.

По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России,— он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху до низу пропитывают всю современную жизнь.

В. И. Ленин.

С. А. ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА

ТОЛСТОЙ ОБ ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Никто не расскажет, чем была для Толстого Ясная Поляна в течение всей его жизни, лучше, чем рассказывает об этом сам Толстой в своих дневниках и в письмах к родным и друзьям. Записи эти дают яркое представление о впечатлениях жизни, которые давала Толстому Ясная Поляна, начиная с «яркого, нежного, поэтического любовного, таинственного детства» (*«Воспоминания детства», гл. VIII*) и до того времени, когда та же, так радовавшая его Ясная Поляна, в последние годы жизни писателя доставляла ему ужасные душевные страдания. Жизнь в имении, в условиях сравнительной роскоши, тогда как окружающее крестьянское население погибало в вечной нищете, темноте и болезнях, становилась для Толстого невыносимой пыткой. «...кричу от боли, — записывает он в дневнике 26 июля 1896 г. — Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь». И прежде всего Толстому казалось, что он должен изменить свою собственную жизнь. «Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена», — записывает Толстой в дневнике 1908 года, и, наконец, в 1910 году он покидает Ясную Поляну.

Детские впечатления, попытки юного Толстого улучшить положение своих крепостных крестьян, увлечение

хозяйством, общественная деятельность, посредничество, школа, физический сельскохозяйственный труд, общение с крестьянством — все нашло отражение в этих записях и все это дало материал для творчества Толстого. Усадьба, природа, люди Ясной Поляны, события яснополянской жизни, свидетелем или участником которых был Толстой, отразились в его сочинениях. Все его чувства, мысли, образы зародились и воплотились в Ясной Поляне. Ясная Поляна не просто памятник его жизни — это место его вдохновения и огромный материал для его творчества.

В Ясной Поляне Толстой провел детство, бо́льшую часть молодости, а после женитьбы в 1862 году поселился в ней на постоянное жительство, выезжая лишь в течение нескольких лет на зиму в Москву. Толстой страстно любил Ясную Поляну, ее тишину и величественную природу. До старости он остро, молодо и всегда взволнованно чувствовал и видел красоту и силу родной земли. «Замечая красоту природы, мы не всегда восхищаемся. Лев Николаевич ежедневно похвалит день за красоту его», — вспоминает о Толстом брат жены его С. А. Берс. В 1897 году, начиная с 12 апреля и до сентября, Толстой в отдельной записной книжечке записывал ежедневно свои наблюдения над природой (опубликована в «Литературном наследстве» 1939 г., № 37—38). Но кроме этой специальной книжечки, такие же наброски картин, пейзажей любимого места находим в письмах к близким и в дневниках. Наброски эти — прелестное описание Ясной Поляны во все времена года, сделанное великим мастером. Так, до старости глазами художника Толстой воспринимал Ясную Поляну.

Бесконечна и разнообразна связь творчества Толстого с Ясной Поляной. Многие произведения его задуманы и выношены во время долгих одиноких странствий Толстого по Засеке или ежедневных утренних прогулок по старинным липовым аллеям парка, которые Толстой совершал ежедневно перед тем, как сесть за работу. Постоянное общение с народом, изучение его жизни, его нужд и чаяний, его быта, языка и искусства — все это взрастило в Толстом того гениального художника, о котором Ленин говорил: «...до этого графа подлинного мужика в литературе не было».

В истории русской общественной мысли Ясная Поляна — это место, где жил великий протестант и обличитель,

Л. Н. Толстой. 1848 год.

Въезд в усадьбу Ясная Поляна.

куда стекались тысячи людей со всех концов мира, куда шли письма, запросы, мысли, надежды. «Весь мир, вся земля смотрит на него, из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты какие-то живые, трепетные нити, его душа — для всех и — навсегда!» — писал о Толстом Горький. В архиве Толстого сохранилось около 50 тысяч писем к нему, большинство которых послано в Ясную Поляну. В самых отдаленных краях земли знали Ясную Поляну. Сохранились письма с адресом: Россия. Льву Толстому. — Этого было достаточно, чтобы письма были направлены в Ясную Поляну.

Для всего прогрессивного человечества Ясная Поляна была местом, откуда звучал голос человека, срывающего «все и всяческие маски» *(Ленин)*. Для правительства царской России Ясная Поляна была ненавистна, но недоступна. «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост»,— записал в своем дневнике реакционный журналист А. С. Суворин.

Для всех людей, любящих русскую литературу, Ясная Поляна и Толстой нераздельны. Ясная Поляна во многом определила Толстого как художника и как идеолога. Нельзя по-настоящему, глубоко понять самого Толстого и его произведения, не зная Ясной Поляны.

Родился я и провел первое детство в деревне Ясная Поляна.

«Первые воспоминания».

Природа до пяти лет не существует для меня. Все, что я помню, все происходит в постельке, горнице. Ни травы, ни листьев, ни неба, ни солнца не существует для меня... лет до пяти, до шести нет ни одного воспоминания из того, что мы называем природой. Вероятно, надо уйти от нее, чтобы видеть ее, а я был природа.

«Первые воспоминания».

EB_1942_AKS_870

Воспоминания более определенные начинаются у меня с того времени, как меня перевели вниз к Федору Ивановичу и к старшим мальчикам... Мне было жалко покидать привычное (привычное от вечности), грустно было, поэтически грустно расставаться не столько с людьми, с сестрой, с няней, с теткой, сколько с кроваткой, с положком, с подушкой, и страшна была та новая жизнь, в которую я вступал... на душе было страшно грустно, и я знал, что я безвозвратно терял невинность и счастье, и только чувство собственного достоинства, сознание того, что я исполняю свой долг, поддерживало меня... помню халат с подтяжкой, пришитой к спине, который на меня надели, как будто отрезал меня навсегда от верха, и я тут в первый раз заметил не всех тех, с кем я жил наверху, но главное лицо, с которым я жил и которое я не понимал прежде. Это была тетушка Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нежную, жалостливую. Она надевала на меня халат, обнимая подпоясывала и целовала, и я видел, что она чувствовала то самое, что и я: что жалко, ужасно жалко, но должно...

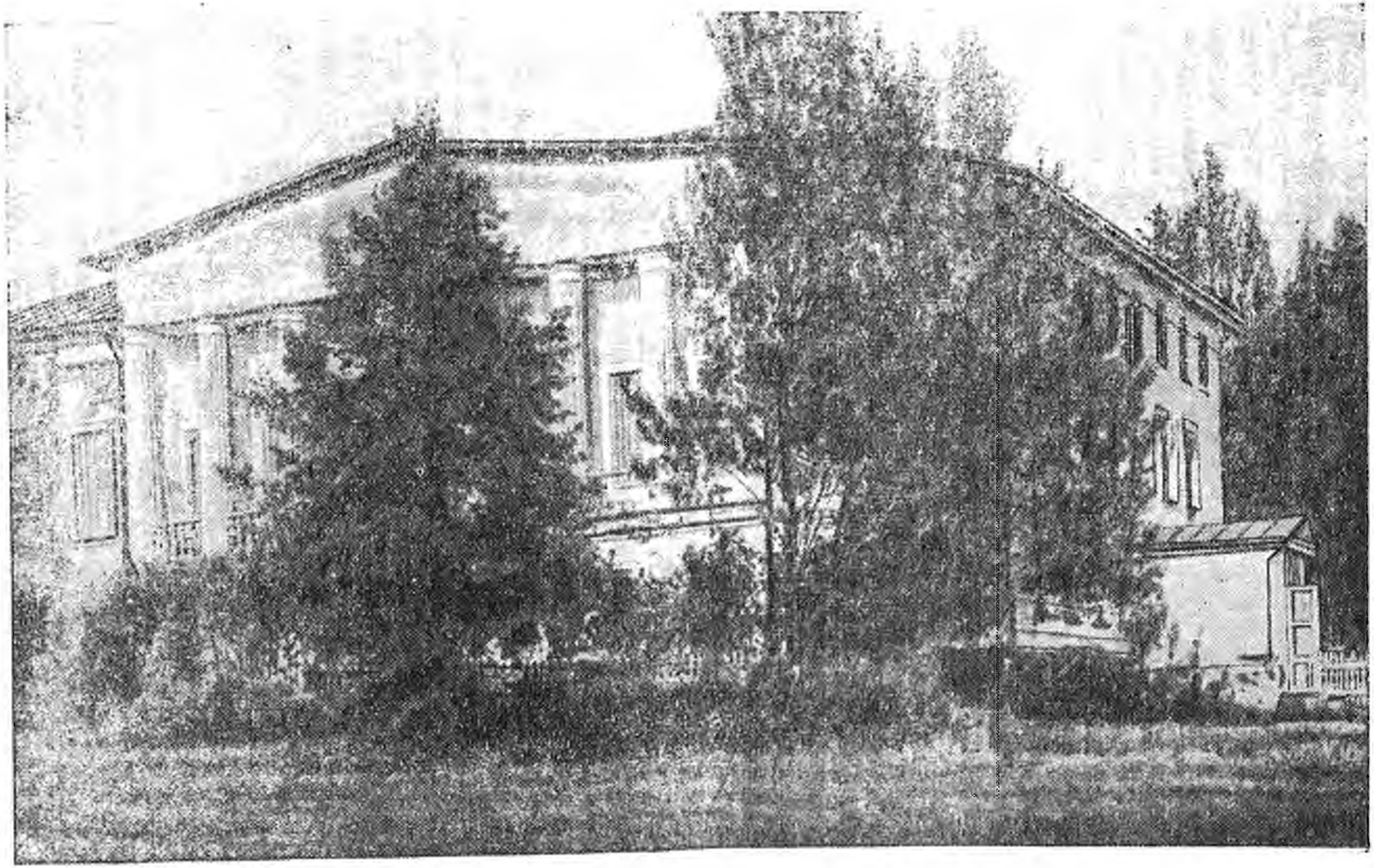
«Первые воспоминания».

Матери своей я совершенно не помню. Мне было 1½ года, когда она скончалась... все, что я знаю о ней, все прекрасно... Впрочем, не только моя мать, но и все, окружавшие мое детство лица, от отца до кучеров — представляются мне исключительно хорошими людьми...

Детей нас было пятеро: Николай, Сергей, Дмитрий, я, меньшой, и меньшая сестра Машенька... Замужняя очень короткая жизнь моей матери, — кажется не больше 9-ти лет, — была счастливая и хорошая... жила она тогда очень уединенно. Никто почти, кроме близких соседей Огаревых и родственников, случайно проезжавших по большой дороге и заезжавших к нам, не посещали Ясной Поляны.

Жизнь моей матери проходила вся за занятиями с детьми, в вечерних чтениях вслух романов для бабушки и серьезных чтениях как «Эмиль» Руссо для себя, и рассуждениях о читанном; в игре на фортепиано, в преподавании итальянского языка одной из теток, в прогулках и домашнем хозяйстве.

«Воспоминания детства».



Дом, в котором родился Толстой.

Начну с того, что я ясно помню: с того места и тех лиц, которые окружали меня с первых лет.

Первое место среди этих лиц занимает, хотя и не по влиянию на меня, но по моему чувству к нему, разумеется мой отец... Отец, кроме занятий хозяйством и нами, детьми, еще много читал. Он собирал библиотеку, состоящую по тому времени в французских классиках, исторических сочинениях и естественно-исторических сочинениях... Он был не то, что теперь называется либералом, а просто по чувству собственного своего достоинства не считал для себя возможным служить ни при конце царствования Александра I, ни при Николае...

Помню его в его кабинете... где он с трубкой сидел на кожаном диване и ласкал нас и иногда к великой радости нашей пускал к себе за спину на кожаный диван и продолжал читать или разговаривать... Но более всего помню его в связи с псовой охотой. Помню его выезды на охоту... Помню, как в день охотничьего праздника 1-го сентября мы все выехали в линейке к отъемному лесу, в который была посажена лисица, и как гоняли гончие ее и где-то — мы не видели — борзые поймали ее.

«Воспоминания детства».

Бабушка Пелагея Николаевна была дочь скопившего себе большое состояние слепого князя Николая Ивановича Горчакова... После... женитьбы отца моя бабушка поселилась с моим отцом в Ясной Поляне, и тут я застал ее уже старухой и хорошо помню ее.

«Воспоминания детства».

Третье, после отца и матери, и самое важное лицо в смысле влияния на мою жизнь была тетенька, как мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская.

«Воспоминания детства».

Немца, нашего учителя Федора Ивановича Ресселя, я описал, как умел, подробно в «Детстве» под именем Карла Ивановича. И его история, и его фигура, и его наивные счеты все это действительно так было.

«Воспоминания детства».

Итак, о прислуге... Прасковью Исаевну я довольно верно описал в «Детстве»... Все, что я об ней писал, было действительно.

«Воспоминания детства».

Николай Филиппович был кучер, которого мы не только любили, но к которому, как большею частью господские дети, питали великое уважение. У него были особенно толстые сапоги, пахло от него всегда приятно навозом, и голос у него был ласковый и звучный.

«Воспоминания детства».

Тихон, официант... был у дедушки в оркестре флейтистом... Он был природный актер. Ему очевидно самому доставляло удовольствие представлять, что попало, и делать комические гримасы, которые приводили нас, детей, в восхищение... По утрам он в чулках и куртке с веничком из прудового тростника убирал комнаты, днем сидел в передней и вязал чулки...

«Воспоминания детства».

Надо упомянуть о буфетчике Василье Трубецком. Это был милый ласковый человек, очевидно любивший детей и потому любивший нас... Помню добрую кривую улыбку его бритого лица, которое с морщинами и шеей было близко видно, и тоже особенный запах, когда он брал нас на руки и сажал на поднос (это было одним из больших удовольствий: «и меня! теперь меня!») и носил по буфету, таинственному для нас месту, с каким-то подземным ходом.

«Воспоминания детства».

Вот мы кончили уроки, кончили прогулку и приведены в гостиную, чтобы итти к обеду. Гостиная — диван, большой, круглый, красного дерева стол, под прямым углом к столу — по четыре кресла. Напротив дивана балконная дверь и в простенках между ней и высокими окнами два зеркала в резных золоченых рамах. Бабушка сидит на левой стороне дивана с золотой табакеркой в чепце с рюшей. Тетушки... все собрались, ждут папеньку из кабинета.

«Воспоминания детства».

За обедом... все удовольствие, все радостно, все вкусно, все весело... Бывает за обедом и еще удовольствие, когда на меня обращают внимание и выставляют перед публикой мое искусство составлять шарады.

— Ну-ка, Левка, пузырь (меня так звали, я был очень толстый ребенок), отличись новой шарадой, — говорит отец. — И я отличаюсь шарадой в таком роде: мое пер-

вое —буква, второе — птица, а все маленький домик. Это: б, утка — будка.

«Воспоминания детства».

Святочные увеселения происходили так: дворовые все, очень много, человек 30, наряжались, приходили в дом и играли в разные игры и плясали под игру старика Григория... Это было очень весело. Ряженые были, как всегда: медведь с поводырем и козой, турки и турчанки, разбойники, крестьянки-мужчины и мужики-бабы... Иногда тетенька наряжала и нас... и очень я себе казался хорош с усами, наведенными жженой пробкой. Помню, как, глядя в зеркало на свое, с черными усами и бровями лицо, я не мог удержать улыбки удовольствия, а надо было делать величественное лицо турки. Ходили по всем комнатам и угощались разными лакомствами...

Такие увеселения происходили первые дни Рождества, и под Новый год, иногда и после — до Крещенья.

«Воспоминания детства».

В трех верстах от Ясной Поляны есть деревушка Грумант. ...Там был скотный двор и домик, построенные дедом для приезда летом... Домик стоял за деревушкой в четыре или пять дворов, в месте, называемом садом — очень красивой с видом на вьющуюся по долине в лугах Воронку, с лесами по ту и другую сторону... Изредка летом, когда была хорошая погода, мы все ездили туда кататься. Тетушка, папенька и девочки в линейке, а мы четверо с Федором Ивановичем в желтом дедушкином кабриолете.

«Воспоминания детства».

События в детской деревенской жизни были следующие: поездки отца к Киреевскому и в отъезжее поле, рассказы об охотничьих похождениях, к которым мы, дети, прислушивались, как к важным событиям. Потом приезды моего крестного Языкова... приезды Исленева с детьми, одна из которых стала потом моей тещей. Потом приезды Юшкова, который всегда привозил что-нибудь странное: карикатуры, кукол, игрушки.

«Воспоминания детства».

Да, Фанфаронова гора, это одно из самых далеких и милых и важных воспоминаний. Старший брат Николенька был на 6 лет старше меня... Так вот он-то, когда нам с

братьями было, мне 5, Митеньке 6, Сереже 7 лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья.) И я помню, что слово — муравейные — особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживая их ящиками, завешивали платками и сидели там, в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру. Муравейные братья были открыты нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги на краю оврага Старого Заказа...

«Воспоминания детства».

Когда мы делились, мне по обычаю отдали именье, в котором жили [1] — Ясную Поляну.

«Воспоминания детства».

Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжение 2 лет. — 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в Университете. — 2) Изучить практически Медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: Французский, Русский, Немецкий, Английской, Итальянской и Латинской. 4) Изучить Сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить Историю, Географию и *статистику*. 6) Изучить Математику, Гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в Естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать.

Дневник, 17 апреля 1847 г.

Уже около двух недель я в Ясном, конечно, со всеми нашими, однако я только с завтрашнего дня начну вести

образ жизни, согласный с моими правилами... Нужно тебе сказать, что я занимаюсь, и серьезно, хозяйством, потому что во-первых, это — занятие для меня, а во-вторых, это развлечение, так как я придумываю разные машины и усовершенствования.

Письмо Н. Н. Толстому, середина мая 1847 г.

«Он видел пред собой огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро, и в которой следовательно будет счастлив. Ему не надо искать сферы деятельности: она готова; у него есть прямая обязанность, — у него есть крестьяне... И какой отрадный и благородный труд представляется ему: действовать на этот простой восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастию, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность!» [2]

«Утро помещика», глава XVIII.

Я распустился, предавшись светской жизни. Теперь мне все это страшно надоело, я снова мечтаю о своей деревенской жизни и намерен скоро к ней вернуться [3].

п. к Т. А. Ергольской, декабрь 1848 г.
Петербург [4].

Я писал вам, что хочу поступить в Министерство иностранных дел; бросаю это намерение, запишусь чего-нибудь в Туле, буду готовиться к экзамену и всю зиму пробуду в Ясной, чтобы экономить.

п. к Т. А. Ергольской 20—26 мая 1849 г.
Петербург.

Я завел школу с 1849 года.

«Проект общего плана устройства народных училищ».

Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже; слишком трудно, почти невозможно; даже сначала на день, потом на два дни, — сколько дней я буду верен определениям, на столько дней задавать себе вперед...

На 14 июня. От 9 до 10 купаться и гулять, 10 до 12 музыка, 6 до 8 письма, 8 до 10 хозяйство и контора.

Дневник, 14 июня 1850 г.

Вчера исполнил в точности все назначенное.

На 15 июня. От 4½ до 6 в поле, хозяйство, купаться. От 6 до 8 продолжать дневник. От 8 до 10 писать методику музыки. От 10 до 12 играть на фортепиано. От 12 до 6 завтрак, отдых и обед. От 6 до 8 чтение и правила. От 8 до 10 купаться и хозяйство.

Дневник, 15 июня 1850 г.

Для того, чтобы я не мог отговариваться тем, что не успел составить систему, буду вписывать в дневник, как правила общие, так и правила по части музыки и хозяйства... *Всякое приказание обдумать со стороны его пользы и вреда. — Ежедневно лично осмотреть всякую часть хозяйства. Приказывать, бранить и наказывать не торопиться,* помнить, что в хозяйстве, больше чем в чем-нибудь нужно терпение.—Всякое *данное приказание, хотя бы оно оказалось и вредным, отменять только по своему усмотрению и в крайней необходимости.*

Дневник, 17 июня 1850 г.

1851 года апреля 30 дня Крапивенский помещик коллежский регистратор граф Лев Николаев сын Толстой, доставшуюся мне по разделу с братьями моими... крепостную дворовую мою девку Марью Иванову дочь, написанную по 9 ревизии Крапивенского уезда в сельце моем Ясной Поляне, отпустил я вечно на волю.

«Крепостная книга Тульской Палаты Гражданского Суд на записку отпускных в 1854 году».

...я переношу и утомления, и лишения... (разумеется не физические, их и не может быть для 23-х летнего здорового малого), не чувствуя их, переношу как бы с радостью, думая о том счастье, которое меня ожидает. — И вот как я его себе представляю. «Пройдут годы, и вот я уже не молодой, но и не старый в Ясном — дела мои в порядке, нет ни волнений, ни неприятностей; вы все еще живете в Ясном. Вы немного постарели, но все еще свежая и здоровая. Жизнь идет по-прежнему; я занимаюсь по утрам, но почти весь день мы вместе; после обеда, вечером я читаю вслух то, что вам не скучно слушать; потом начинается беседа. Я рассказываю вам о своей жизни на

Кавказе, вы — ваши воспоминания о прошлом, о моем отце и матери; вы рассказываете страшные истории, которые мы бывало слушали с испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаем о тех, кто нам были дороги, и которых уже нет; вы плачете, и я тоже, но мирными слезами. Мы говорим о братьях, которые наезжают к нам, о милой Машеньке, которая со всеми детьми будет ежегодно гостить по несколько месяцев в любимом ею Ясном. Знакомых у нас не будет; никто не будет докучать нам своим приездом и привозить сплетни. Чудесный сон, но я позволю себе мечтать еще о другом. Я женат — моя жена кроткая, добрая, любящая, и она вас любит так же, как и я. Наши дети вас зовут «бабушкой»; вы живете в большом доме, наверху, в той комнате, где когда-то жила бабушка; всё в доме по-прежнему, в том порядке, который был при жизни папá, и мы продолжаем ту же жизнь, только переменив роли: вы берете роль бабушки, но вы еще добрее ее, я — роль папá, но я не надеюсь когда-нибудь ее заслужить; моя жена — мама, наши дети — наши роли: Машенька—в роли обеих тетенек, но не несчастна, как они; даже Гаша и та на месте Прасковьи Исаевны. Не хватает только той, кто мог бы вас заменить в отношении всей нашей семьи. — Не найдется такой прекрасной любящей души. Нет, у вас преемницы не будет. Три новых лица будут являться время от времени на сцену — это братья и, главное, один из них — Николенька, который будет часто с нами. Старый холостяк, лысый, в отставке, по-прежнему добрый и благородный...

Ежели бы меня сделали русским императором, ежели бы мне предложили Перу, словом, ежели бы явилась волшебница с заколдованной палочкой и спросила меня, чего я желаю, положа руку на сердце, по совести, я сказал бы: только одного, чтобы осуществилась эта моя мечта.

п. к Т. А. Ергольской, 12 января 1852 г.
Моздок

Я давно уже имел в виду, для скорейшей уплаты долгов, продать одно из двух — Мостовушку или Грецовку... Хлопот будет гибель, денег не только для устройства Ясной, но и для уплаты половины моих долгов не достанет, а доходов уменьшится значительно.

Ясенской дом [5] — не потому, чтобы я его ценил во сколько-нибудь, но потому, что он мне дорог по воспоми-

наниям, — я не продам ни за что, и это — последняя вещь, с которой я решусь расстаться.

п. к С. Н. Толстому, 28 марта 1852 г.
Старогладковская

...я часами мечтаю об Ясной, о чудесном времени, которое я проводил там, и в особенности об одной тетеньке, которую день ото дня я люблю все сильнее. — Чем дальше эти воспоминания, тем дороже они становятся, и тем больше я их ценю.

п. к Т. А. Ергольской, 30 мая 1852 г.
Пятигорск

Не знаю почему, но ничего не доставляет мне такого удовольствия, как сознание, что вы в Ясном; как-то этим вы мне кажетесь ближе, и я иначе вас себе не представляю, как в вашей маленькой комнате во флигеле, на «пироговском диванчике» со сфинксовыми головами, за вашим любимым столиком, рядом с шифоньеркой, в которой все есть. — Когда у нас нет, чего нам нужно, — мы с Николенькой говорим: нет тетенькиной шифоньерки.

п. к Т. А. Ергольской, 3 июня 1852 г.
Пятигорск

Ездил на почту, получил деньги и письмо, в котором пишет о поданных векселях Капылова... Я могу лишиться Ясной и, несмотря ни на какую философию, это будет для меня ужасный удар.

Дневник, 1 июля 1852 г.
Старогладковская

Мысли прелестные и возможные, но слишком хорошие, чтобы сбыться. Жить втроем: Николенька, Маша и я... 2) Отдать Ясную Николеньке и получать ежегодно 600 рублей серебром. Ежели я останусь служить здесь, то сделаю это.

Дневник, 10 июля 1852 г.
Старогладковская

Я узнал, что вы приняли на себя всю скуку и неприятности моего хозяйства... Скажите, пожалуйста, Валериану, что проект Сережи продать леса мне совсем не нравится. Я желаю, чтобы продали прежде всего *Мостовую* (ежели это возможно), затем *Грецовку*, даже *большой дом раньше лесов*. А впрочем, предоставляю ему делать так, как он считает лучшим, и продать то, что я переименовал, как и по какой хочет цене. Главное для меня полу-

чить 4.000 р. сер., чтобы расплатиться с долгами; нет того, чем бы я не пожертвовал, чтобы исполнить это мое желание и чем скорее, тем лучше.

п. к Т. А. Ергольской, 15 августа 1852 г.
Старогладковская

Только о том и мечтаю, как бы опять и навсегда поселиться в деревне и начать тот же самый образ жизни, который я вел в Ясной, приехав из Казани... Теперь бы я сумел воздержаться от необдуманности, самоуверенности, тщеславия, которые тогда портили все мои добрые предприятия.

п. к С. Н. Толстому, 10 декабря 1852 г.
Старогладковская

Лета 1853 июня в 6 день я нижеподписавшийся артиллерист фейерверкер 4-го класса граф Лев Николаевич Толстой, отпустив холостого крепостного крестьянина Александра Михайлова... для поступления ему Александру Михайлову в монашеское звание в каком монастыре он жить пожелает...

«Крепостная книга Тульской Палаты Гражданского Суда на записку отпускных в 1854 году», л. 148.

2 февраля приехал в Ясную, усталый и нездоровый, нашел дела в порядке, а себя отставшим, исправившимся и устарелым.

Дневник, 6 февраля 1854 г.

...поехал на мельницу и осмотрел место для конного двора. Болтал все больше о хозяйстве... Хозяйство очень в порядке.

Дневник, 3 февраля 1854 г.

Ездил после обеда на Грумант, кое-что прибавил к распоряжениям и завтра еду в Тулу.

Дневник, 5 февраля 1854 г.

Починить ранжерею, купить лошадь, продать магазейной хлеб...

Глухое место, лопух, крапива, развaленный кирпич в тени ракиты от жара. — Сильно впечатленье воспоминанья.

Записная книжка, 28 мая 1856 г.

В Ясном грустно, приятно, но не сообразно как-то с моим духом. Впрочем, примеривая себя к прежним своим

ясенским воспоминаниям, я чувствую, как много я переменился в либеральном смысле. Татьяна Александровна даже мне неприятна. Ей в 100 лет не вобьешь в голову несправедливость крепости... Нынче делаю сходку и говорю. Что бог даст. Был на сходке. — Дело идет хорошо. Мужики радостно понимают. И видят во мне афериста, потому верят. Я по счастию ничего слишком не соврал и говорил ясно... Написал страниц 5 дневника помещика [6].

Дневник, 28 мая 1856 г.

11 часов, у высоких окон на сад стоят пяльцы и какая-нибудь женщина шьет в них, сторы до половины опущены и отдувают, темнозеленый сад блестит в окна и сквозь деревья бегает по пяльцам. Есть наслаждение в мысли, что вся, вся эта зеленая земля — моя. Лесная грязная дорога тотчас после дождя. Тени дерев блестяще-черны, и солнце уже светит. Идешь по выколосившейся ржи, она хрустя прямо падает под ногами — жалко. —

Записная книжка, 29 мая 1856 г.

...пошел на сходку. Совсем было расстроилось, но теперь идет на лад.

Дневник, 29 мая 1856 г.

5-й час утра, ясная погода, у окна в густой сад. Звуки просыпающихся галок с балкона, горлинки, кукушки, иволги, лягушек в саду и мелких птичек: воробьев, малиновок и неизвестных. С дворни слышны гуси, которых выгоняют, и девичьи голоса...

В тени высокой аллеи прорывается солнце, и на этих местах жужжа, звездообразно вьются и садятся зеленые мухи.

Девки босиком, в розовых платках, ходят в утро троицына дня по мокрому от ночного дождя лугу собирать цветы для венков в церковь.

Василий сказал: Осип говорит 10 р. нельзя платить; один Резун согласен, в его понятии мира нет.

Вчера винный поверенный Беленко... рассказывал Василию про соседние именья. Большую часть описаний он начинал так: «Тоже мужичонки раззорены, но богатое именье».

Ужасно жарко, 2-й час, иду мимо амбаров по сохнущей дороге; пахнет мукой, пылью и беленой.

На изразцовом резном столике вечером стоит в стакане вода, которая позеленела. Сирени и розан почти бутоном увядает и пахнет сильно...

Едешь после заката солнца лугом, рысью. Росистый холод в лицо и запах меду в Крыму, а здесь полыни... Едешь в жар, пахнет кожей от уздечки.

Проезжаешь по тому месту, где прошло стадо, так и пахнет запахом бычка, который, с белыми кружками около глаз, слюнявя, ест из рук хлеб с солью...

Дерев стволы, окрашенные тенью, как будто движутся, перебегая друг за другом, а это я иду.

Тетенька согласна на освобождение крестьян. Потом к слову говорит, что уже ей недолго тут осталось жить, скоро ты отпустишь, мой друг, на волю крестьян. Они не будут повиноваться. —

Записная книжка, май 1856 г.

Троицын день. Приехал в 5-ом часу и, пройдя сквозь насквозь провоненный дом, испытал огромное наслаждение у окна на сад... Сладко грустные воспоминания так и льются мне в душу. Вечером сходки не было. Но узнал от Василья, что мужики подозревают обман, что в коронацию всем будет свобода, а я хочу их связать контрактом. Что это сделка, как он выразился.

Дневник, 3 июня 1856 г.

Решил писать Дневник Помещика, казака [7] и комедию [8]... Завтракал, спал, обедал, гулял, купался в Воронке, читал Пушкина и пошел к мужикам. Не хотят свободу.

Дневник, 4 июня 1856 г.

...целый день ничего не делал, исключая маленького неловко написанного проекта договора [9].

Дневник, 6 июня 1856 г.

Вечером беседовал с некоторыми мужиками, и их упорство доводило меня до злобы, которую я с трудом мог удерживать.

Дневник, 7 июня 1856 г.

У детей бывают игры, в которых условия неясны, даже противоречащи, но игра идет, и все согласны. Мы играли в зайца, гончие выгоняли зайца, но не имели права его ловить, спрашивается, зачем же он бежал от них на борзых. Так и условия сходки, мира... неясны, противо-

речащи, нелогичны, потому что им только играть приходится, а взаправду не выдержать.

Записная книжка, 8 июня 1856 г.

К Роману русского помещика. Как ему сначала все показалось трудно, потом немного омерзительно, потом приятно, легко, вследствие будто одоленных трудностей, а потом невозможно... Дать по осьминику крестьянам.

Крестьяне говорили, что их земли им мало.

Записная книжка, 9 июня 1856 г.

Пришло в голову письмо Блудову о крепостных, которое набросал [10]... Вечером делал расчет рабочих дней: что за нелепые отношения! Всех дней строгой половиной без праздников мужицких 10,500. Нужно же для обработки полей самым большим числом 5,000; а всегда поголовная. Летом приходится от Мая до Октября как раз на бумаге ровно с положением, а зимой нечего делать мужикам и уйти они не могут. Два сильных человека связаны острой цепью, обоим больно, как кто зашевелится, и как один зашевелится, невольно режет другого и обоим простора нет работать.

Дневник, 9 июня 1856 г.

Гулял по заказу, кое-что придумал. Главное, что Юность надо писать предпочтительно, не оставляя других: Записок Русского помещика, Казака, и Комедии, особенно для последней главная тема окружающий разврат в деревне... Вечером была сходка. Окончательно отказались от подписки. Об оброке речь осенью. И я буду осень в деревне. Теперь же свободен.

Дневник, 10 июня 1856 г.

Вчера нашли повешенного солдата в засеке, ездил смотреть на него... Говорил нынче с Агафьей Михайловной, она рассказала про слепого мужика, который все-таки работает, вертит какую-то машину. С завтрашнего дня пойду по всем мужикам; узнаю о их нуждах и буду отдельно уговаривать в обязанные.

Дневник, 13 июня 1856 г.

Едешь рысью вечером по дороге между рожью, которая цветет. Запах свежести и ржаного цвета так и обхватывает.

Записная книжка, 25 (?) июня 1856 г.

Рано утром иду по овсу навозному. Он только выколосился, густой, темнозеленый, мокрый. Кажется, видишь как он прет.

Записная книжка, 1 (?) июля 1856 г.

Ночью, в ущерб месяца, перед зарей в Июле. Свежо, идет пар... Есть прелестная особенность в Июльском вечере росистом. Солнце заволочено длинными тучами, после невыносимо жаркого дня.

Записная книжка, 10 июля 1856 г.

Лошадь грызет удила, дергает, я сижу, договариваю и горжусь чему-то (Счет навозных десятин). Зачем бросили яровой клин. Брошенные десятины через три года сеять гречихой, где можно. В тени дерев малина густая и крупная, крапива поднимается выше ее. Пчелы жужжат.

Записная книжка, 13 июля 1856 г.

Поехал верхом на овсы, через Бабурино в Мясоедово. Они выморочные, вольные. Дворовые сели на землю. Я долго говорил с одним.

Дневник, 13 июля 1856 г.

Смотришь на закат солнца в Июле, а потом на зелень. Она голубовата, переливами, как будто под дымкой. — В самый жар воробьи лениво, однообразно перепрыгивают и чирикают под застрехой амбара.

Вечером сидишь на балконе, стрижи делают круги над домом, иногда один отделяется и, как пуля, звуком пролетает над головой... Ночью после дождя иду по саду домой. Все тихо, за аллеей яблоко падает на мокрые листья. — В ущерб месяца месячная заря имеет характер волшебный. — От дождя пол балкона темносерый, зелень выставленных цветов темная.

Записная книжка, 14 июля 1856 г.

Перламутровый прозрачный оттенок в тучах серого дня и мутные тучи; первые к погоде, вторые к дождю (Старосте) косить жнивье, заказать луга все. Сад увеличить и яблони.

Записная книжка, июль 1856 г.

Косые нити дождя видны на зелени завороченных берез, сквозь мутные стекла рам — грустно.

Записная книжка, 31 июля 1856 г.

Вышел на балкон и подумал, что ежели бы дом цел [11], и там отец и бабушка.

Записная книжка (без даты) (август) 1856 г.

Был в засеке на охоте.

Дневник, 11 августа 1856 г.

Мужики идут на оброк, человек 20.

Дневник, 14 августа 1856 г.

С утра на охоте до Меленина, затравил трех. Встреча с мужиком.

Дневник, 24 августа 1856 г.

Ездил на охоту, поймал двух на логовах, одного застрелил... Много думал на охоте. Надо больше жить жизнью.

Дневник, 30 октября 1856 г.

Я бы готов был жить всю жизнь в деревне. У меня бы было три занятия: любовь к Д. [12] и заботы о ее счастье, литература и хозяйство так, как я его понимаю, т. е. исполнение долга в отношении людей, вверенных мне. При этом одно не хорошо: я бы невольно отстал от века, а это грех.

п. к В. В. Арсеньевой, 12 ноября 1856 г.

Скажите, тетенька, пожалуйста, Василью, чтобы он непременно писал мне каждый месяц и написал бы подробно, сколько в Ясной и Грецовке душ — крестьянских и дворовых, сколько тягол, сколько земли пахотной крестьянской, пахотной господской, сколько под усадьбой, сколько всего земли. Это мне нужно для соображения.

п. к Т. А. Ергольской, 4 апреля 1857 г. Женева

Главное — сильно, явно пришло мне в голову — завести у себя школу в деревне для всего околотка и целая *деятельность* в этом роде.

Дневник, 23 июля 1857 г.

С подрядчиком утром, отправлял старосту... Приступил к отпуску с выкупом дворовых.

Дневник, 13 августа 1857 г.

В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие... Ежели бы вы видели, как я, в одну неделю, как барыня на улице палкой била свою девку, как становой велел мне сказать, чтобы я прислал ему воз сена, иначе он не даст законного билета моему человеку, как в моих глазах чиновник избил до полусмерти 70-летнего больного старика за то, что чиновник зацепил за него, как мой бурмистр, желая услужить мне, наказал загулявшего садовника тем, что кроме побой послал его босого по жнивью стеречь стадо, и радовался, что у садовника все ноги были в ранах, — вот, если бы вы это все видели и пропасть другого, тогда бы вы поверили мне, что в России жизнь — постоянный, вечный труд и борьба с своими чувствами.

п. к А. А. Толстой, 18 августа 1857 г.

С утра хозяйство. Плохо во всех отношениях, а больше всего, что вновь втягивает меня в крепостную колею. Не хочется мучаться, чтобы заводить новое. Решил купить землю в Бабурине. После обеда замолотье... Дал 5 вольных. Что будет — бог знает, а делать людям лучше, хотя и не пользуясь нисколько благодарностью, все-таки дело и в душе что-то остается.

Дневник, 26 августа 1857 г.

С утра рано, ходил по хозяйству. В риге мне было даже приятно. Так я заскорузлеваю.

Дневник, 5 сентября 1857 г.

Воскресенье. Послал по мужикам. Юхван 55 лет. Все испуганно на меня смотрели, а добрые.

Дневник, 8 сентября 1857 г.

Я все жил в деревне, и с утра до вечера был занят навозом, лошадьми, мужиками, и занятия хоть нехорошо, но шли... В то самое число, когда вы писали из Петербурга, я ездил по хозяйству. День был счастливый, все

шло хорошо, кстати все мужики сделались вдруг необыкновенно умные и добрые, и я, возвращаясь верхом домой (славный был яркий, холодный осенний вечер), испытал чувство радости в том, что Лев Николаевич жив и дышит, и чувство благодарности к кому-то, что он позволил дышать Л. Н.

п. к А. А. Толстой, октябрь 1857 г.

Вот уже с неделю, я в деревне один и мне хорошо. Счеты за московское житье, за все сведены, и я квит со всеми, в приходе и расходе ровно... чем ближе я подъезжал к деревне, тем мне все грустнее и грустнее становилось мое будущее одиночество. Так что, приехав в деревню, мне показалось, что я вдовец, что недавно жило тут целое мое семейство, которое я потерял. И действительно, это семейство моего воображения жило там. И какое прелестное семейство! Особенно жалко мне старшего сына! И жена была славная, хотя и странная женщина. Вот, бабушка, научите, что делать с собой, когда воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничто не подходит... Этот идеал не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни. Без него я и жить не хочу.

п. к А. А. Толстой, 14 апреля 1858 г.

Пришла весна, как ни вертелась, а пришла. Воочию чудеса совершаются. Каждый день новое чудо. Был сухой сук — вдруг в листьях. Бог знает откуда-то снизу, из-под земли лезут зеленые штуки — желтые, синие. Какие-то животные, как угорелые, из куста в куст летают и зачем-то свистят изо всех сил, и как отлично. Даже в эту минуту под самым окном два соловья валяют. Я делаю с ними опыты и можете себе представить, что мне удается призывать их под окно сикстами на фортепьяно. Я нечаянно открыл это. На-днях я, по своему обычаю, тапотировал сонаты Гайдна, и там сиксты. Вдруг слышу на дворе и в тетенькиной комнате (у нее канарейка) свист, писк, трели под мои сиксты. Я перестал — и они перестали. Я начал — и они начали (два соловья и канарейка). Я часа три провел за этим занятием, а балкон открыт, ночь теплая, лягушки свое дело делают, кара-

ульщик свое — отлично! Уж вы меня простите, ежели письмо это будет диковато. Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве... Бывают минуты счастия сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастия.

И ринься бодрый, самовластный
В сей животворный океан.

— Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки.

Вчера я ездил в лес, который купил и рублю, и там на березах распустились листья и соловьи живут, и знать не хотят, что они теперь не казенные, а мои, и что их срубят. Срубят, — а они опять вырастут, и знать никого не хотят. Не знаю, как передать это чувство, — совестно становится за свое человеческое достоинство и за произвол, которым так кичимся, — произвол проводить воображаемые черты и не иметь права изменить ни одной песчинки ни в чем — даже в себе самом.

п. к А. А. Толстой, 1 мая 1858 г.

Что за весна была и есть чудная! Я в одиночестве смаковал ее чудесно... Какой Троицын день был вчера! Какая обедня с вянущей черемухой, седыми волосами и ярко-красным кумачем и горячее солнце.

п. к А. А. Фету, 12 мая 1858 г.

Не пишу, не читаю, не думаю. Весь в хозяйстве.

Дневник, 19 июня 1858 г.

Приходит мысль описать нынешнее лето. Какая форма выйдет? [13]

Дневник, 22 июня 1858 г.

...целое лето я с утра до вечера пахал, сеял, косил и т. д.

п. к А. А. Толстой, август 1858 г.

Были выборы. Я сделался врагом нашего уезда [14].

Дневник, 4 сентября 1858 г.

Обещал Коршу описание лета; [15] но узость задачи претит мне.

Дневник, 15 сентября 1858 г.

Описание лета не пойдет.

Дневник, 16 сентября 1858 г.

Много все говорили о будущем освобождении крестьян, и я говорил не меньше других. Понятно, что этот вопрос занимает всех, в особенности же нас, маленьких помещиков, живавших в деревне, родившихся в деревне и любящих свой уголок, как свою маленькую родину. Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны, я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его.

Хорошо ли, дурно ли, но я не знаю другого чувства родины и не понимаю и не уважаю в другом чувства родины, не вводящего его в любовь и несправедливость. — Вследствие этого чувства, кроме разговоров об освобождении, я еще с 3-го года задумал освобождение в своей Ясной Поляне, и теперь, когда случилось так счастливо, что основания освобождения, изложенные в Рескрипте, сходились совершенно с теми, которые я сам положил себе, я с новым рвением принялся за это дело.

Я уж лет 12 урывками занимался хозяйством, живал летом, толковал на сходках, но до нынешней весны никогда сам не был в непосредственных отношениях с крестьянами. Всегда между мной и ими была контора, начальство, и я чувствовал себя более или менее бесполезным и лишним членом. С нынешней же весны, приехав в деревню, я убедился, что для новых отношений, установившихся между мной и крестьянами, у меня нет посредников, и я невольно стал с ними лицом к лицу. —

Все, что я видел и узнал в продолжении нынешнего лета, казалось мне совершенно новым, несмотря на то, что, я повторяю,— я уже не новичок в хозяйстве и в продолжении 12 лет управления имением года проводил в деревне и старался сколько мог и умел узнавать крестьянина. — Эти-то наблюдения я здесь и намерен сообщить публике, почти в том порядке, в котором они мне представлялись...

3-го апреля я приехал в свою милую Ясную... Хоть и не молод, но все еще не могу отвыкнуть от преждевременных мечтаний, особенно при переезде на новое место, — «Ну, теперь начинается настоящее! Деятельность, аккуратность, стойкость, ласковое [?] изучение. — Сад, книги, фортепьяно, все прочь, — соха, борона, записная книга, и деятельность, деятельность, деятельность!».

«Лето в деревне» (отрывок написан 20 сентября 1858 г.

Что ни делай, а между навозом и каростой нет-нет да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себе не позволяю и не позволю.

п. к А. А. Фету, 24 октября 1858 г.

В четверг я уехал в деревню, встретил с своими праздник и весну, перецеловался с мужиками (у них бороды пахнут удивительно хорошо весной), попил березового соку... набрал цветов, желтеньких и лиловых, и вернулся назад в Москву, — зачем? не знаю. Как будто забыл что-то, а не знаю... Какая прелесть в деревне! И зачем я вернулся, решительно не знаю.

п. к А. А. Толстой, 15 апреля 1859 г.

Еще горе: хозяйство мое идет отвратительно, а я персеверирую и, кажется, скоро совсем разорюсь. И сверх того еще рожь пропала нынешний год.

п. к А. А. Толстой, 3 мая 1859 г.

В деревне хорошо, тепло, ясно. Изо всех сил ем, сплю, ничего не делаю, и стараюсь задушить червяка, который там где-то все хочет бунтовать. Пора успокоиться.

п. к А. А. Толстой, 11 мая 1859 г.

Весна, а плохо жить на свете — в первый раз со мной случается.

п. к А. А. Толстой, 16 мая 1859 г.

Я все живу в деревне, в Троицу не пошел от дел, которые, как ни противны мне, совсем овладели мной. Вы приняли слишком au pied de la lettre то, что я разоряюсь. Я не могу разориться, потому что один и умею (с гордостью говорю) сам заработать свой хлеб. Я забавляюсь или, скорее, стараюсь отуманиться, забыться в занятиях делами, хлебопашеством, которое, хотя я и люблю, а не умею — не довольно сух, чтобы вести выгодно.

п. к А. А. Толстой, 12 июня 1859 г.

С 28 мая и по нынешний день я был в деревне. Беспорядочен, желчен, скучлив, безнадежен и ленив.

Дневник, 9 октября 1859 г.

Хозяйство опять всей своей давящей, вонючей тяжестью взвалилось мне на шею. Мучусь, ленюсь.

Дневник, 16 октября 1859 г.

Я доживаю зиму хорошо. Занятий пропасть и занятия хорошие [16], не то что писать повести.

п. к И. П. Борисову, 15 февраля 1860 г.

[Сообщая А. А. Фету свое мнение о новых сочинениях Тургенева и Островского, Толстой пишет:]

Другое теперь нужно. Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что мы знаем.

п. к А. А. Фету, 23 февраля 1860 г.

...пришлите мне, посоветовавшись с Пикулиным, что есть хорошего из лечебников людских для невежд и еще лечебников ветеринарных (до 10 руб.). Спросите у брата Сергея, заказал ли он мне плуги? Ежели нет, то зайдите к машинисту Вильсону и спросите, есть или когда могут быть готовы шесть плугов Старбука? Спросите в магазине семенном Мейера на Лубянке, почем семена клевера и тимофеевской травы. Я хочу продать.

п. к А. А. Фету, 22 февраля 1860 г.

Нынешний год (с осени), кроме хозяйства я занимаюсь еще школой, для мальчиков, девочек и больших, которую я завел для всех желающих. У меня набралось около 50 учеников и все прибавляются. Успехи учеников и успех школы во мнении народа неожиданны. Но всего не расскажешь, как и почему: надо или книгу написать или самому посмотреть. Дело вот в чем... Насущнейшая потребность Русского народа есть народное образование. Образования этого нет. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будет заведывать им... Чтобы народное образование пошло, нужно, чтобы оно было передано в руки общества... Вопрос может быть только в том, существует ли потребность образовывать и образовываться. Для меня это вопрос решенный. Полгода моей школы породили три таких же в околодке, и везде успех был одинаковый. Дело вот в чем: что скажет правительство, ежели ему представят следующий проект:

«Общество народного образования (или более скромное название) имеет целью распространение образования

в народе. Средства общества будут состоять из взноса членов по 100 или 0/0 рублей, из платы учеников (где это возможно), из выручек за издания Общества и из пожертвований. Действия общества будут состоять:

1) В издании журнала, состоящего из отдела собственно педагогического (о законах и способах первоначального преподавания), отдела первоначальных руководств для учителей и чтений для учеников, и отдела сведений о действиях Общества.

2) В учреждении школ в тех местах, где их нет и где чувствуется в них потребность.

3) В составлении курса преподавания, в назначении учителей, в надзоре за преподаванием, за хозяйственным учетом, вообще за управлением таких школ.

4) В надзоре за преподаванием в тех школах, где учредители того пожелают.

До сих пор общество составляю я один. Но говорю вам без фразы, что, возможно будет или нет такое общество, я положу все, что могу, и все мои силы на исполнение этой программы... Позволят или нет, а я хоть один, а все буду составлять тайное общество народного образования.

п. к Е. П. Ковалевскому, 12 марта 1860 г.

...я в большом разладе сам с собою. Хозяйство в том размере, в каком оно ведется у меня, давит меня; юфанство[17] где-то вдали виднеется только мне... Вообще все мне нескладно теперь.

п. к А. А. Фету, 20 июня 1860 г.

Скажите старосте, что я очень интересуюсь хозяйством, но, по правде сказать, если только нет ничего особенно неприятного, мне ни до чего нет дела.

п. к Т. А. Ергольской, 28 августа 1860 г. Гиер

Вы знаете, верно, мое занятие школами с прошлого года. Совершенно искренно могу сказать, что это теперь один интерес, который привязывает меня к жизни.

п. к А. А. Толстой, 6 декабря 1860 г. Париж

Цель одна — образование народа... Одна надежда знать — это знать всем вместе, слить все классы в знании науки.

Записная книжка, 18 марта 1861 г. Брюссель

Подал прошение о школе. Я — приходской учитель.

Дневник, 12 мая 1861 г.

... здесь в деревне я был так счастлив и так занят, что только теперь начинаю опоминаться... Занят же я был во-первых делами, во-вторых школой, которую надо было с самого начала поставить на новую лучшую ногу, в 3-х меня назначили мировым посредником, и я не почел себя вправе отказаться[18]. Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия чувствую на себе 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы.

п. к А. А. Толстой, 14 мая 1861 г.

Друг — хорошо; но он умрет, он уйдет как-нибудь, не поспеешь как-нибудь за ним; а природа, на которой женился посредством купчей крепости, или от которой родился по наследству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и не сговорчивая, и важная, и требовательная, да за то уж такой друг, которого не потеряешь до смерти, а и умрешь все в нее же уйдешь. Я впрочем теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другие дела, втянувшие меня; но все без этого сознания, что она тут, как повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить.

п. к А. А. Фету, 19 мая 1861 г.

Посредничество поссорило меня со *всеми* помещиками окончательно и расстроило здоровье, кажется, тоже окончательно.

Дневник, 25 июня 1861 г.

Есть и у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться — это школа. Вырвавшись из канцелярии и от мужиков, преследующих меня со всех крылец дома, я иду в школу, но так как она переделывается, то классы рядом в саду под яблонями, куда можно пройти только нагнувшись, так все заросло. И там сидит учитель, а кругом школьники, покусывая травки и пощелкивая в липовые и кленовые листья. Учитель учит по моим сове-

там, но все-таки не совсем хорошо, что и дети чувствуют. Они меня больше любят. И мы начинаем беседовать часа 3—4, и никому не скучно. Нельзя рассказать, что это за дети — надо их видеть. Из нашего милого сословия детей я ничего подобного не видал. Подумайте только, что в продолжение двух лет, при совершенном отсутствии дисциплины ни один и ни одна не была наказана. Никогда лени, грубости, глупой шутки, неприличного слова. Дом школы теперь почти отделан. Три большие комнаты — одна розовая, две голубые заняты школой. В самой комнате, кроме того, музей. По полкам кругом стен разложены камни, бабочки, скелеты, травы, цветы, физические инструменты и т. д... Раз в неделю класс ботаники, и мы все ходим в лес за цветами, травами и грибами. Пения четыре класса в неделю. Рисования шесть... Землемерство идет так хорошо, что мальчиков уже приглашают мужики. Учителей всех, кроме меня, три... Классы положены с 8-ми до 12-ти часов и с 3-х до 6-ти, но всегда идут до двух, потому что нельзя выгнать детей из школы — просят еще. Вечером же часто больше половины останется ночевать в саду, в шалаше. За обедом и ужином и после ужина мы — учителя — совещаемся. По субботам же читаем друг другу наши заметки и приготовляем к будущей неделе.

Журнал я думаю начать с сентября. Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне des batons dans les roues со всех сторон.

п. к А. А. Толстой, июль 1861 г.

Я попал в мировые посредники совершенно неожиданно и несмотря на то, что вел дело самым хладнокровным и совестливым образом, заслужил страшное негодование дворян. Меня и бить хотят, и под суд подвести, но ни то, ни другое не удается. Я жду только того, чтобы они поугомонились, и тогда сам выйду в отставку. Существенное для меня сделано. В моем участке на 9000 душ в нынешнюю осень возникли 21 школа—возникли совершенно свободно и устоят, несмотря ни на какие превратности.

п. к В. П. Боткину, 26 января 1862 г.

На днях вышел 1-й № моего журнала [19]... нынче еду назад в деревню. Дела у меня пропасть и по посредничест-

ву, и по школе, и по журналу, и по роману, который я обещал напечатать в нынешнем году в Русском Вестнике [20].

п. к А. А. Толстой, 10 февраля 1862 г.

Мне пишут из Ясной: 1-го июля приехали 3 тройки с жандармами, не велели никому выходить, должно быть и тетеньке, и стали обыскивать. Что они искали — до сих пор неизвестно... грязный полковник перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, который будет мне тогда ближе всех; перечитал две переписки, за тайну которых я бы отдал все на свете,— и уехал, объявив, что он *подозрительного* ничего не нашел. Счастье мое и этого вашего друга, что меня тут не было, — я бы его убил [21].

п. к А. А. Толстой, около 20 июля 1862 г.

...чем дольше я в Ясной, тем больней и больней становится мне нанесенное оскорбление и невыносимее становится вся испорченная жизнь... Дела этого оставить я никак не хочу и не могу. Вся моя деятельность, в которой я нашел счастье и успокоенье, испорчена. Тетенька больна так, что не встанет. Народ смотрит на меня уже не как на честного человека, мнение, которое я заслуживал годами, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся... О помещиках что и говорить,— это стон восторга. Напишите мне, пожалуйста, посоветовавшись с Перовским или А. Толстым, или с кем хотите, как мне написать и как передать письмо государю? [22] Выхода мне нет другого, как получить такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление (поправить дело уже невозможно), или экспатриироваться, на что я твердо решился... Я и прятаться не стану, я громко объявляю, что продаю именья, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут,— и уеду...

Вы знаете, что такое была для меня школа, с тех пор, как я открыл ее. Это была вся моя жизнь, это был мой монастырь, церковь, в которую я спасался и спасся от всех тревог, сомнений и искушений жизни. Я оторвался от нее для больного брата и еще более усталый и ищущий труда и любви, вернулся домой и неожиданно получил назначение в посредники. У меня был журнал, была

школа, я не посмел отказаться перед своей совестью и ввиду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, которое обещалось меня съесть, ежели я пойду в посредники... Все это шло год — посредничество, школа, журнал, студенты и их школы, кроме домашних и семейных дел. И все это шло не только хорошо, но отлично. Я часто удивлялся себе, своему счастью и благодарил бога за то, что нашлось мне дело тихое, неслышное и поглощающее меня всего. К весне я ослабел, доктор велел мне ехать на кумыс. Я вышел в отставку и только желал удержать силы на продолжение дела школ и их отраженья — журнала... 6-го июля с колокольчиками и вооруженными жандармами подскакали три тройки к Ясенскому дому... Я твердо уверен, что ни один петербургский дворец в 1/100 долю не оказался бы так невинен при обыске, как невинна оказалась Ясная Поляна... Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то верно бы уже судился, как убийца.

п. к А. А. Толстой, 7 августа 1862 г.

Фетушка, дяденька и просто милый друг Афанасий Афанасьевич. Я две недели женат и счастлив и новый, совсем новый человек... Заезжайте познакомиться со мной[23].

п. к А. А. Фету, 9 октября 1862 г.

По правде сказать, журнальчик мой начинает тяготить меня, особенно необходимые условия: студенты, корректуры etc. etc. А так и тянет теперь к свободной работе de longue haleine — роман и т. п.

п. к Т. А. Берс, начало октября 1862 г.

Журнал решил кончить, школу тоже — кажется.

Дневник, 15 октября 1862 г.

Счастье семейное поглощает меня всего.

Дневник, 5 января 1863 г.

Мы в Ясной... мне так хорошо, так хорошо, я так ее люблю. Хозяйство и дела журнала хороши.

Дневник, 25 января 1863 г.

... я в юхванстве опять по уши. И Соня со мной. Управляющего у нас нет, есть помощники по полевому хо-

зяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу. У меня пчелы, и овцы, и новый сад, и винокурия. И все идет по-немножку, хотя, разумеется, плохо сравнительно с идеалом.

п. к А. А. Фету, 7 апреля 1863 г.

Я целый день был погружен в хозяйство.

Дневник, 3 марта 1863 г.

Мы во всем разгаре хозяйства.

Дневник, 11 апреля 1863 г.

Мы юхванствуем понемножку. Я сделал важное открытие... Приказчики и управляющие и старосты есть только помеха в хозяйстве. Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часов, и все пойдет наверное *не хуже*. Я сделал этот опыт и остался им вполне доволен.

п. к А. А. Фету, 15 мая 1863 г.

Соня! Один ушел и пойман. Два отроились. Когда отделаешься дома, пришли мне жаровенку и воск и за мной пришли лошадь и полотенце перед обедом.

Записка к С. А. Толстой, июнь 1863 г.
с пчельника, версты полторы от дома.

У меня и теперь бывает иногда хорошая погода в Швейцарии — в Ясной Поляне в детской и в кабинете... Помните, я как-то раз вам писал, что люди ошибаются, ожидая какого-то счастья, при котором нет ни трудов, ни обманов, ни горя, а все идет ровно и счастливо. Я тогда ошибался: такое счастье есть, и я в нем живу 3-й год и с каждым днем оно делается ровнее и глубже. И материалы, из которых построено это счастье, самые некрасивые — дети, которые (виноват) мараются и кричат, жена, которая кормит одного, водит другого и всякую минуту упрекает меня, что я не вижу, что они оба на краю гроба, и бумага и чернила, посредством которых я описываю события и чувства людей, которых никогда не было. На днях выйдет 1-я половина 1-й части романа 1805.

п. к А. А. Толстой, январь 1865 г.

Я послал вчера на ваше имя семян. Будьте так добры, отдайте их садовнику и скажите, чтобы семена оранжерейных растений, как то азалий, камелий, акаций и т. п. не

сеял до моего приезда, ежели он не знает верно, в какой земле и как их надо сеять.

п. к Т. А. Ергольской, 8 марта 1865 г.
Москва

Погода чудная... Хозяйство скотное веселит и хорошо.

Дневник, 21 марта 1865 г.

Вальдшнепы все еще тянут, и я каждый вечер стреляю *по ним*, т. е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идет хорошо, т. е. мало тревожит меня, — все, что я от него требую... Последнее время я своими делами доволен, но общий ход дел, т. е. предстоящее народное бедствие голода с каждым днем мучает меня больше и больше. Так странно и даже хорошо и страшно. У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях, рады, что жарко и тень, а там этот злой чорт голод делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыта скотины и всех их проберет и расшевелит, пожалуй так, что и нам под тенистыми липами в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном блюдце достанется. — Право, страшная у нас погода, хлеба и луга.

п. к А. А. Фету, 16 мая 1865 г.

Рано поехал на порошу, приятно убил зайца.

Дневник, 30 сентября 1865 г.

Хозяйственные дрязги расстроили на весь день.

Дневник, 13 октября 1865 г.

У нас весь овес в копнах, и рожь подкошена. Ежели так простоит, то на следующей неделе все будет в гумне. Овес обходится меньше семи копен.

п. к А. А. Фету, 25 июля 1866 г.

Я получил ваше письмо, любезный друг Афанасий Афанасьевич, возвращаясь потный с работы, с топором и заступом, следовательно за 1000 верст от всего искусственного и в особенности от нашего дела...

Я только что отслужил неделю присяжным и было очень, очень для меня интересно и поучительно.

п. к А. А. Фету, 11 мая 1870 г.

Я теперь вот уже 6-й день кошу траву с мужиками по целым дням и не могу вам описать, не удовольствие, но счастье, которое я при этом испытываю.

п. к С. С. Урусову, лето 1870 г.

Я, благодаря бога, нынешнее лето глуп, как лошадь. Работаю, рублю, копаю, кошу и о противной лит-т-тературе и лит-т-тераторах, слава богу, не думаю.

п. к А. А. Фету, лето 1870 г.

Дома все хорошо и дом вы наш не узнаете: мы всю зиму уж пользуемся новой пристройкой. Еще новость, это — что я опять завел школу, и жена, и дети, мы все учим и все довольны.

п. к А. А Фету, 20 февраля 1872 г.

Моя жизнь все та же, т. е. лучше не могу желать. Немножко есть умных и больших радостей, ровно сколько в силах испытывать, и толстый фон глупых радостей, как-то: учить грамоте крестьянских детей, выезжать лошадь молодую, любоваться на вновь пристроенную большую комнату, рассчитывать будущие доходы с новокупленного имения, хорошо переделанная басня Эзопа, отбарабаненная в 4 руки симфония с племянницею, хорошие телята, все телки и т. п. Большие же радости — это семья *страшно*-благополучная — все дети живы, здоровы, и, почти уверен, умны, и неиспорчены, и занятия.

п. к А. А. Толстой, март (?) 1872 г.

Нежданно, негаданно на меня обрушилось событие, изменившее всю мою жизнь.

Молодой бык в Ясной Поляне убил пастуха, и я под следствием, под арестом, — не могу выходить из дома... и на днях должен обвиняться и защищаться в суде—перед кем? Страшно подумать, страшно вспомнить о всех мерзостях, которые мне делали, делают и будут делать.

С седой бородой, с 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием,

чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России с страхом, что каждый мальчик, которому мое лицо не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге; но перестану злиться. Всю эту историю вы прочтете в печати. Я умру от злости, если не изолью ее, и пусть меня судят за то еще, что я высказал правду...

Если я не умру от злости и тоски в остроге, куда они, вероятно, посадят меня (я убедился, что они ненавидят меня), я решился переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено.

п. к А. А. Толстой, 18 сентября 1872 г.

Нынче — сейчас — я получил письмо от председателя суда; он пишет, что все мерзости, которые мне делали, была ошибка и что меня оставят в покое. Если это так, то я никуда не уеду...

п. к А. А. Толстой, 19 сентября 1872 г.

Пришла дурная погода, и дух работы и тишины приближается, и я ему радуюсь. Немножко охоты и хозяйственные заботы и потом жизнь с собой и семьей — и только. Я с радостью думаю об этом, и потому верю, что я счастлив.

п. к А. А. Фету, 15 октября 1872 г.

Всегда часто об вас вспоминаешь, но особенно теперь при празднике. Вчера ездил в Тулу закупать к елке. Я это очень люблю, а нынче окна моют, игрушки в коробках везде, люди в баню идут, дети заглядывают куда не следует, догадываются. Мы придумываем, как что подарить барышням, успеем ли и т. д.

п. к Т. А. Кузминской, 22 декабря 1872 г.

Я не приехал в Москву особенно потому, что перед вашим приездом только что был там, а вы не можете себе представить, как мне все тяжелее и тяжелее уезжать из дома, т. е. выбрасывать из жизни те дни, которые я вне дома; и тем тяжелее, чем меньше их остается...

Мы живем по-старому, заняты так, что всегда недостает времени. Дети и их воспитание все больше и больше забирают нас, и идет хорошо. Я стараюсь и не могу не гор-

Толстой возвращается с купанья.

Толстой с семьей. Сентябрь 1892 г.

БИБЛИОТЕКА

Вид со стороны подъезда. На переднем плане «дерево бедных».

Толстой на косьбе.

Рис. Л. О. ПАСТЕРНАКА.

БИБЛИОТЕКА
Акад. Наук СССР
Отд. Зап. Фонд

диться своими детьми. Кроме того я пишу, и начал печатать роман [25], который мне нравится, но едва ли понравится другим, потому что слишком прост.

п. к А. А. Толстой, март 1874 г.

Чудесная жара, купанье, ягоды привели в любимое мною состояние праздности умственной

п. к А. А. Фету, 24 июня 1874 г.

...завален так делами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успеваю ходить.

п. к А. А. Фету, 22 октября 1874 г.

Я теперь весь из отвлеченной педагогики перескочил в практическое, с одной стороны, и в самое отвлеченное, с другой стороны, — дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми я имею дело. Я у всех спрашиваю, зачем мы хотим дать образование народу; и есть 5 ответов... А мой вот какой: я не рассуждаю; но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас в роде того, который испытывал бы при виде тонущих людей... Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех, тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо.

п. к А. А. Толстой, декабрь 1874 г.

Работы же у меня в эту зиму было и есть очень много — роман, новая азбука, которая теперь печатается, другие еще работы и особенное дело, практическое, которое я веду в нашем уезде и результаты которого необыкновенно хороши.

п. к П. Д. Голохвастову, март 1875 г.

Несмотря на бывшие морозы и жары, нынешнее лето на меня почему-то особенно сильно действует, и, если бы я был вы, я все писал бы стихи. Очень все красиво нынешний год.

п. к А. А. Фету, 8—10 июня 1876 г.

Чувство мое по отношению к войне перешло уже много фазисов, и теперь для меня очевидно и несомненно, что эта война, кроме обличения, и самого жестокого и гораздо более яркого, чем в 54 году, не может иметь последствия...

Сейчас получил письмо о раненых, которые должны поместиться у нас[26]. Совершенно впечатление пожара в городе, в котором вы живете, — хотя и далеко, но жить спокойно нельзя.

п. к Н. Н. Страхову, 2 сентября 1877 г.

Утром был у Шинтякова[27]. Двор разгорожен, обвис сарай, без конца... Пришла Курносенкова высадить хлебы. (Бедные помогают друг другу, но не богатые)... У Костюшки. Убрана изба. Махотки на полке вдоль левой стены. В чулане теленок. Под печкой — яма, картофель. Под ножкой стола топор. Жена прядет конопли на гребне, на прялке. Кудель — рогатина, на ней хлопки для дерюжек. Овец нет. Кафтан один, в дырах. Две девочки — одна кривая на печке. «Хоть бы и эти померли. Всех одень, обуй». Шурин помогал, как был беднее; разбогател — перестал... На большой дороге встретил двух симбирских богомолок...

Дневник, 9 марта 1879 г.

Был в роще. 4 пилят ламинцовские, 4 делают бочки... На дороге богомолки три...

Вечером прошел по деревне. У Сергея Резунова крик; остановился, прислушался. Сноха сидит, шьет. Отец за столом ругается с сыном. Сын на печи. Об еде что-то...

Дневник, 11 марта 1879 г.

Осип Наумыч приходил три раза. В первый раз рассказ 1) о своем падении... 2) Как дрался с снохой... 3) Пулхерия Ивановна рябая, большая, толстая помещица, с старостой в связи. Мужа ее задушили и сожгли. А она добрая была. 4) Как молотят зимой по ночам...

Прохожий. Оренбургского уезда. 6-й месяц в дороге... *Архиерей* в Туле раскольничий. Худой, постный, робкая, добрая улыбка, смех, пелеринка, иконостас.

Волостной суд. 1) Драка мальчишек... 2) Абакум с Гаврилой за солому. Старая вражда... 3) Влас 80 лет,

горбатый слепой, плюгавый, рыжий, длинные космы. Хлеба не дает... 4) Евдокимова дочь с свекровью. Поддевку не сшили... 5) Драка возвращаясь со сходки. Бороду вырвали...

Дневник, 13 марта 1879 г.

В Туле Касмаев. Старик худой, тонкий, оружейник, глаза крутые закрывает. Рассказ о работе оружейников и их бое.

Дневник, 5 апреля 1879 г.

Вечером Васильков рассказывал, как на Иоанна Крестителя в Алексине на ярманке тульские с рукавицами, шляпами, серпуховские с ситцем, одоевские с грибами...

Дневник, 5 апреля 1879 г.

На прогулке — богомолки, две костромские, 6 вологодских...

Дневник, 7 апреля 1879 г.

Вам должно быть очень трудно воздерживаться от вихря политической жизни, который дует около вас. Я, сидя в деревне, и то не удерживаюсь и делаю величайшие усилия, чтоб он меня не сдул и чтоб я не сбивался с дороги.

п. к Н. Н. Страхову, 29 февраля 1880 г.

От нас только что уехал нынче Тургенев... С Тургеневым много было разговоров интересных.

п. к Н. Н. Страхову, 4 мая 1880 г.

Теперь лето и прелестное лето, и я, как обыкновенно, ошалеваю от радости плотской жизни и забываю свою работу. Нынешний год долго я боролся, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизнью и больше ничего не делаю.

п. к А. А. Фету, 8 (?) июля 1880 г.

После томительных жаров наступила свежая погода, и я начинаю прилаживаться к зимней работе.

п. к Н. Н. Страхову, 8 (?) августа 1880 г.

Несогласие мое с окружающей жизнью больше и решительнее, чем когда-нибудь. И я все яснее и определеннее вижу свою роль и держусь ее. Смирение и сознание того, что все, что мне противно теперь, есть плод

моих же ошибок, и потому — прощение других и укоризна себя... Мы переезжаем 15-го. Я не могу себе представить, как я буду там жить.

п. к А. А. Бибикову и В. И. Алексееву, 1—5 (?) сентября 1881 г.

...отдыхаю нервами и укрепляюсь... Я думаю, что лучше, спокойнее мне нигде не могло быть. Ты вечно в доме и в заботах семьи не можешь чувствовать ту разницу, какую составляет для меня город и деревня [29].

п. к С. А. Толстой, 4 февраля 1882 г.

Вот 2-й день, что я в Ясной [30]... Опять все утро ничего не делал и был в самом унылом, подавленном состоянии; но не жалею об этом и не жалуюсь. Как мерзлый человек отходит и ему больно, так и я, вероятно, нравственно отхожу, — переживаю все излишние впечатления и возвращаюсь к обладанию самого себя. — Может быть это временно, но я ужасно устал от жизни, и мне хорошо отдохнуть.

п. к С. А. Толстой, 28 февраля 1882 г.

Приехал я благополучно... Нынче утром вышел в 11 часов и опьянел от прелести утра. Тепло, сухо, кое-где с глянцом тропинки, трава везде то шпильками, то лопушками, лезет из-под листа и соломы; почки на сирени; птицы поют уж не бестолково, а уж что-то разговаривают, а в затишье, на углах домов, везде и у навоза жужжат пчелы... Читал днем, потом обошел через пчельник и купальню. Везде трава, птицы, медунчики; нет ни городовых, ни мостовой, ни извощиков, ни вони, и очень хорошо... Обедал... и потом только, только посидел с книгой, уж солнце за Заказ стало красно заходить, я скорее делать заряды, седлать лошадь и поехал за Митрофанову избу.— Летали далеко от меня и мало, ни разу не выстрелил, но много, как всегда, религиозно думал и слушал дроздов, тетеревов, мышей по сухим листьям, собачий лай за Засекой, выстрелы ближние и дальние, филина — даже Булька на него лаяла, — песни на Груманте. Месяц взошел с правой стороны из-за туч; дождался пока звезды видны, и поехал домой.

п. к С. А. Толстой, 8 апреля 1882 г.

Здесь мне невыносимо хорошо. Спал прекрасно, встал... И пошел ходить по черте, по желтым цветам, в засеку,

на крапивенскую дорогу, на пчельник, к круглому березнику, купальне, кругом Заказа.

п. к С. А. Толстой, 17 мая 1882 г.

Его превосходительству

Тульскому Губернскому Предводителю Дворянства
Федору Александровичу Свечину

Графа Льва Николаевича
Толстого

Заявление.

По незаявлению мною своевременно отказа баллотироваться по дворянским выборам, я был избран сего Декабря Предводителем по Крапивенскому уезду.

Не желая служить, покорно прошу ваше Превосходительство исходатайствовать мое увольнение.

Граф Лев Николаевич Толстой
1882 года, декабря 16.

Ты теперь, верно, собираешься на бал. Очень жалею и тебя и Таню. Нынче Влас говорит: «Пришел мальчик, побирается». Я сказал: «Позови сюда». Вошел мальчик, немного повыше Андрюши, с сумкой через плечо. — «Откуда?» — «Из-за Засеки». —«Кто же тебя посылает?»— «Никто, я один». — «Отец что делает?» — «Он нас бросил. Матушка померла, он ушел и не приходил». Мальчик заплакал. У него еще осталось трое, меньше его. Детей взяла помещица. «Она, говорит, кормит нищих». — Я предложил мальчику чаю, он выпил, стакан опрокинул, положил огрызочек сахару наверх и поблагодарил. Больше не хотел пить. Я хотел его еще покормить, но Влас сказал, что его в конторе посадили поесть. Но он заплакал и не стал больше есть. Голос у него сиплый, и пахнет от него мужиком. Все, что он рассказал про отца, дядей и тех, с кем он имел дело, все это рассказы о бедных, пьяных и жестоких людях. Только барыня добрая. Мальчиков, женщин, старух и стариков таких много, и я их вижу здесь и люблю видеть.

п. к С. А. Толстой, 30 января 1884 г.

Мы переехали в деревню. Как хорошо одиночество после городского шума!

Погода не то что хорошая, но что-то необыкновенное по красоте. — Я рублю дрова, читаю, но ничего не делаю и тягочусь этой умственной праздностью... Не могу без ужаса себе представить Москву и о вас думать без сожаления и чем младше, тем больше.

п. сыновьям С. Л. и И. Л. Толстым, сентябрь 1884 г.

Живу я нынешний год в деревне как-то невольно по-новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос. Прошлую неделю всю проработал на покосе. И с радостью вижу (или мне кажется так), что в семье что-то такое происходит, они меня не осуждают и им как будто совестно. Бедные мы, до чего мы заблудились, у нас теперь много народа — мои дети и Кузминских, и часто я без ужаса не могу видеть эту безнравственную праздность и обжирание. Их так много, они все такие большие, сильные. И я вижу и знаю весь труд сельский, который идет вокруг нас. А они едят, пачкают платья, белье и комнаты. Другие для них все делают, а они ни для кого, даже для себя — ничего. И это всем кажется самым натуральным, и мне так казалось; и я принимал участие в заведении этого порядка вещей. Я ясно вижу это и ни на минуту не могу забыть.

п. В. Г. Черткову, 24 июня 1884 г.

Пошел купаться. Вернулся бодрый, веселый, и вдруг начались со стороны жены бессмысленные упреки за лошадей, которых мне не нужно и от которых я хочу избавиться. Я ничего не сказал, но мне стало ужасно тяжело. Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу... И пошел к себе спать на диване, но не мог от горя. Ах, как тяжело!

Дневник, 29 июня 1884 г.

... в ½8 пошел ходить. Ночь не хуже дня — прелесть. Пошел по дороге в церковь; оттуда хотел через Воробьевку зайти к Бибикову и через Кочак домой. У Воробьевки встретил толпу мужиков и баб с песнями. Свадьба. Они прошли со мной до двора и стали упрашивать войти. Я вошел — меня величали и поднесли полотенце. Все в том легком, пьяном состоянии, в котором мужик так мил... Оттуда уж пошел домой прямо через деревню. За-

шел к Козловым, зазвала старуха, там сцена между снохами, требовали моего совета. Я, разумеется, ничего не мог помочь. Только вышел — Резунова зовет к себе, — тоже дело. Пришел его сын, солдат. Добродушный, наивный парень. Жалуется, что жена его бросила и ушла.

п. к С. А. Толстой, 22 октября 1884 г.

Смешно сказать, но я прошел по верху, по всем комнатам, и очень сильное и приятное чувство испытал, глядя на все; — смешно-то то, что я сел за фортепиано и играл с величайшим удовольствием и даже умилением.

п. к С. А. Толстой, 27 октября 1884 г.

Я затеваю очень трудное — именно заниматься хозяйством, имея в виду не главное хозяйство, а отношение с людьми в хозяйстве. Трудно не увлечься, не пожертвовать отношениями с людьми делу; а надо так, чтобы вести дело хозяйственно, но всякий раз, как вопрос выгода или человеческие отношения избирать последнее. Я так плох, что чувствую свою неспособность к этому; но вышло так, что это нужно и сделалось само собой, и потому попробую..

п. к С. А. Толстой, 27 октября 1884 г.

Нынче ходил по хозяйству, потом поехал верхом, собаки увязались со мной... Я хотел попробовать свое чувство охоты. Ездить искать, по 40-летней привычке, очень приятно. Но вскочил заяц, и я желал ему успеха. А главное совестно.

п. к С. А. Толстой, 28 октября 1884 г.

...ванна деревенской жизни мне стала необходима.

п. к С. А. Толстой, 7 декабря 1884 г.

Вчера, когда вышел и сел в сани и поехал по глубокому, рыхлому в пол-аршина (выпал в ночь) снегу, в этой тишине, мягкости и с прелестным зимним звездным небом над головой, с симпатичным Мишей, испытал чувство, похожее на восторг, особенно после вагона... После всего этого Орион, Сириус над Засекой, пухлый беззвучный снег, добрая лошадь, и добрый Миша [31], и добрый воздух, и добрый бог.

п. к С. А. Толстой, 8 декабря 1884 г.

Вечером прошел на деревню к Николаю Ермилину усовещивать его в долге, от которого он отрекается, и к Костюшке, и Гане воровке... Много еще было впечатлений бедности и страданий. Я их вижу всегда и везде, но в деревне легче видеть. Здесь видишь *все* до конца. И видишь и причину, и средство. И я люблю, не то, что люблю, а мне хорошо, когда я ясно вижу свое положение среди других людей.

п. к С. А. Толстой, 2 февраля 1885 г.

Я в деревне в смысле удовольствия весны и т. п. не испытываю, к радости своей, решительно ничего. Чувствую только, что здесь мне предстоит другое дело.

п. к В. Г. Черткову, 17 мая 1885 г.

Я в деревне спасаюсь от недовольства формами нашей жизни только за работой. В деревне эта неправильность нашей жизни чувствуется мне больнее — особенно нынешний год.

п. к В. Г. Черткову, 20—22 мая 1885 г.

Только плохо пишется в деревне. Меня так и тянет косить, рубить, что я и делаю. И болят руки, а сердцу легче.

п. к В. Г. Черткову, 1—2 июня 1885 г.

Неужели так и придется мне умереть, не прожив хоть один год вне того сумасшедшего безнравственного дома, в котором я теперь принужден страдать каждый час, не прожив хоть одного года по человечески разумно, т. е. в деревне, не на барском дворе, а в избе, среди трудящихся, с ними вместе трудясь по мере сил и способностей, обмениваясь трудами, питаясь и одеваясь, как они, и смело, без стыда, говоря всем ту христову истину, которую знаю.

п. к В. Г. Черткову, 6—7 июня 1885 г.

Нынче вышла вода, и я пошел в конюшню рано утром (кучер был на свадьбе), запрег Крысу в бочку и поехал за водой. Чудное утро: с одной стороны лошади рассыпаются по лугу, с другой — стадо идет мимо посадки, с третьей — бабы с песнями идут на работу. Вода чистая, лошадь милая, добрая, работа приятная, ну, редко я испытывал такое удовольствие.

п. к С. А. Толстой, 18 октября 1885 г.

Не знаю, долго ли я проживу здесь. Хотелось бы всю жизнь.

п. к В. Г. Черткову, 23 октября 1885 г.

Я походил по лесу, — сморчков не нашел, но набрал фиалок. Дома было много приходивших мужиков. Всегда была бедность, но все эти года она шла, усиливаясь, и нынешний год она дошла до ужасающего и волей неволей тревожащей богатых людей. Невозможно есть спокойно даже кашу и калач с чаем, когда знаешь, что тут рядом знакомые мне люди — дети (как дети Чиликина в Телятниках, кормилица Матрена Тани) — ложатся спать без хлеба, которого они просят и которого нет. И таких много. Не говоря уже об овсе на семена, отсутствие которых мучает этих людей за будущее, т. е. ясно показывает им, что и в будущем, если поле не посеется и отдастся другому, то ждать нечего, кроме продажи последнего и сумы. Закрывать глаза можно, как можно закрывать глаза тому, кто катится в пропасть, но положение от этого не переменяется.

п. к С. А. Толстой, 4 мая 1886 г.

Два прекрасные майские дни. Все расцвело,—оделось,— черемуха, незабудки... Утро нынче гулял по лесу,— нельзя было не радоваться...

п. к С. А. Толстой, 8 мая 1886 г.

Жизнь моя... вот какая: сначала, пока была пахота и навозная возка, я не целые дни был в поле, а утром занимался — преимущественно статьей о государственной власти... но потом пришел покос, и я целые дни был в поле.

п. к В. Г. Черткову, 28—29 июня 1886 г.

Третьего дня я уехал в деревню, сам не знаю зачем. Хотелось и побольше уединения и страшно было обозлиться от жизни там, летом при открытых окнах и весеннем воздухе и солнце.

п. к В. Г. Черткову, 2 апреля 1887 г.

Весна второй день: медунчики, орешник в цвету, и муха, пчела, божьи коровки — ожили и жужжат и копошатся. Ночь еще лучше: тихо, тепло, звездно, — не хотелось домой итти.

п. к С. А. Толстой, 13 апреля 1887 г.

...холодно, но соловьи, и кукушки, и фиалки, но что-то не весело.

п. к С. А. Толстой, 25 апреля 1887 г.

Погода нынче из всех дней: гроза, жара, соловьи, фиалки, наполовину зеленый лес — так весело, хорошо в божьем мире! Вчера я половину дня пахал. Устал порядочно, но самое хорошее состояние, и было очень хорошо.

п. к С. А. Толстой, 3 мая 1887 г.

Я живу очень хорошо. Теперь много работаю в поле и ничего не пишу, чего и вам желаю.

п. С. Т. Семенову, 2 июня 1888 г.

Работаю я довольно много руками: теперь мы строим дом из соломы и глины погоревшим, а вот с понедельника пахота и покос.

п. к В. Г. Черткову, 10 (?) июня 1888 г.

Я живу хорошо: очень много больше всех годов работаю в поле с девочками, особенно с Машей, которая самая большая моя радость, и ничего не пишу.

п. И. Б. Фейнерману, август 1888 г.

Я немногу пишу Крейцерову Сонату... и много довольно работаю, теперь кошу рожь.

п. П. И Бирюкову, 21 июня 1889 г.

Пахал и очень устал. Ужасная жара.

Дневник, 30 апреля 1890 г.

...сеял и пахал.

Дневник, 1 мая 1890 г.

На покосе уяснил себе внешнюю форму Коневского рассказа...[32] Опять много работал, косил.

Дневник, 22 июня 1890 г.

Скучно. Тяжело. Праздность. Жир. Тяжело, тяжело.

Дневник, 2 июля 1890 г.

Косил много, все та же тоска.

Дневник, 3 июля 1890 г.

Косил целый день. Одно спасенье.

Дневник, 4 июля 1890 г.

Поехал на пожар в Колпну.

Дневник, 4 августа 1890 г.

...пожар в Ясной сгорели 5 дворов.

Дневник, 5 августа 1890 г.

Пошел купаться, оттуда на пожар: приехали с мельницы. Я стал утешать Андриана, утешая подошел к Морозову и сам раскис.

Дневник, 6 августа 1890 г.

Тоскую очень о несообразности жизни.

Дневник, 21 августа 1890 г.

Засуха кончилась, в поле повеселело. На душе же у меня не скажу, чтоб было весело.

п. Н. Н. Страхову, 3 сентября 1890 г.

Утром позвали на сходку. Я ходил и старался мирить. Похоже, что не напрасно.

Дневник, 6 сентября 1890 г.

Ходил в деревню к погорелым.

Дневник, 11 сентября 1890 г.

Ходил много по лесам.

Дневник, 25 октября 1890 г.

Я думаю, что надо заявить правительству, что я не признаю собственности и прав, и предоставить им (семье) делать, как они хотят.

Дневник, 16 декабря 1890 г.

Нынче день потеплее других, но все свежесть в воздухе, и нет ни малейшего веселья, блеска, сияния в весне, а тихая подкрадывающаяся, серая.

п. к С. А. Толстой, 9 апреля 1891 г.

Я должен буду подписать бумагу, дарственную, которая меня избавит от собственности, но подписка которой будет отступлением от принципа. Я все-таки подпишу, потому что, не поступив так, я бы вызвал зло.

п. к Н. Н. Ге (сыну), 17 апреля 1891 г.

Иду по жесткой дороге, в стороне с бойкой песней идут с работы пестрые бабы. Промежуток между напевом, и слышен мерный стук их ног о дорогу. И опять поднимается песня и опять затихла, и стук шагов. Хорошо. В молодости бывало без песни баб внутри что-то всегда или часто пело.

И все — и звук шагов и свет солнца, и колебание висячих ветвей березы и все, как будто совершалось под песню.

Дневник, 2 мая 1891 г.

Приезжают все сыновья — раздел[33]. Очень тяжело и будет неприятно.

Дневник, 7 июня 1891 г.

Совсем лето. Иван-да-Марья, запах гнилого меда от ромашки, и в лесу тишина, только в макушках дерев не переставая гудят пчелы, насекомые. Нынче косил. Хорошо.

Дневник, 10 июня 1891 г.

Дома невесело: раздел.

Дневник, 18 (19?) июня 1891 г.

После обеда грустно, гадко на нашу жизнь, стыдно; кругом голодные, дикие, а мы... стыдно, виновато, мучительно.

Дневник, 27 июня 1891 г.

Был в это время в Бегичевке...[34] теперь опять больше двух недель в Ясной. Остаюсь еще для раздела.

Дневник, 6 июля 1892 г.

Раздел кончен.

Дневник, 6 августа 1892 г.

Я сейчас, после обеда, в 5 часов поехал в Судаково и оттуда Засекой на пчельник, купальню и через Заказ домой. Больше шел пешком, радуясь на красоту божьего мира. Трава уже с четверть, фиалки отцветают, баранчики сплошные, рожь идет в трубку, овсы зеленые кое-где; на черемухе готов цвет и побеги в два вершка; осина и ранний дуб одеваются. Тепло, влажно, соловьи, кукушки.

п. к С. А. Толстой, 1 мая 1894 г.

Я теперь в деревне, куда уехал отдохнуть от мучительной суеты Москвы.

п. к И. Б. Фейнерману, июнь 1894 г.

...прошел по деревне. Хорошо у них, а у нас стыдно.

Дневник, 8, 9 ноября 1895 г.

Вчера шел в Бабурино и невольно (скорее избегал, чем искал) встретил 80-летнего Акима пашущим, Яремичеву бабу, у которой во дворе нет шубы и один кафтан, потом Марью, у которой муж замерз и некому рожь свозить, и морит ребенка, и Трофим и Халявка, и муж и жена умирали

Толстой в поле.

и дети их. А мы Бетховена разбираем. И молился, чтобы Он избавил меня от этой жизни. И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь.

Дневник, 26 июля 1896 г.

Жизнь, окружающая меня, становится все безумнее и безумнее: еда, наряды, игра всякого рода, суета, шутки, швыряньe денег, живя среди нищеты и угнетения, и больше ничего. И остановить это, обличить, усовестить нет никакой возможности. Глухие скорее услышат, чем кричащие, не переставая. И мне ужасно, ужасно тяжело... Зачем не дано мне хоть перед смертью пожить хоть год, хоть месяц свойственной мне жизнью, вне той лжи, в которой я не только живу, но участвую и утопаю.

п. к В. Г. Черткову, 18 января 1897 г.

Живя в этой безобразной жизни, единственное успокоение — это уйти с головой на 4—5 часов в день в свою работу, которую считаешь не бесполезной.

п. к С. Н. Толстому, 22 февраля 1897 г.

Очень я себя чувствовал вялым и слабым в день отъезда и дорогой. Но необыкновенная красота весны нынешнего года в деревне разбудит мертвого. Жаркий ветер ночью колышет молодой лист на деревьях, и лунный свет и тени, соловьи пониже, повыше, подальше, поближе, сразу и синкопами, и вдали лягушки, и тишина, и душистый жаркий воздух—и все это вдруг, не во-время, очень странно и хорошо. Утром опять игра света и теней от больших густо одевшихся берез прешпекта по высокой уже темно-зеленой траве, и незабудки, и глухая крапивка, и все; главное, маханье берез прешпекта также, как было, когда я, 60 лет тому назад в первый раз заметил и полюбил красоту эту. Очень хорошо и не грустно, потому что ничего позади этого не воображаю, а хорошо, как должно быть в душе и бывает хоть изредка.

п. к С. А. Толстой, 4 мая 1897 г.

Продолжается безумная июльская погода: ландыши, желтые розаны, сирень; в лесу, как в июле, выедешь то в свежий, то в жаркий стоячий воздух... Яблони цветут, точно хотят улететь на воздух.

п. к С. А. Толстой, 5 мая 1897 г.

Нынче два раза была чудная гроза с молниями. Лето спешит жить — сирень уже бледнеет, липа заготавливает цвет, в глуби сада в густой листве горлинки и иволга, соловей под окнами удивительно музыкальный. И сейчас ночь, яркие, как обмытые, звезды и после дождя запах сирени и березового листа.

п. к С. А. Толстой, 13 мая 1897 г.

Уже давно меня мучает несоответствие моей жизни с моими верованиями... и я решил теперь сделать то, что я давно хотел сделать, — уйти; во-первых, мне, с моими, все увеличивающимися годами все тяжелее и тяжелее становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединения, а во-вторых, потому что дети выросли, влияние мое уже в доме не нужно, и у всех вас есть более живые интересы, которые сделают вам мало заметным мое отсутствие.

Главное же то, что, как индусы под 60 лет уходят в лес, как всякому старому, религиозному человеку хочется последние годы своей жизни посвятить богу, а не шуткам,

каламбурам, сплетням, теннису, так и мне, вступая в 70-й год, всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения, и хоть не полного согласия, но не кричащего разногласия своей жизни с своими верованиями, с своей совестью [35].

п. к С. А. Толстой, 8 июня 1897 г.
(Передано ей было после смерти Толстого.)

Шел по деревне, заглядывал в окна. Везде бедность и невежество. И думал о рабстве прежнем. Прежде видна была причина, видна была цепь, которая привязывала, а теперь не цепь, а в Европе — волоски, но их так же много, как и тех, которыми связали Гулливера. У нас еще видны веревки, ну — бечевки, а там волоски, но держат так, что великану-народу двинуться нельзя...

Дневник, 10 ноября 1897 г.

4-го ездил в Долгое. Очень умиленное впечатление от развалившегося дома [36]. Рой воспоминаний.

Дневник, 6 декабря 1897 г.

Весна удивительна по красоте. Я сейчас ходил на Козловку и принес кашки — клевер белый и красный. А теперь полная луна между прешпектом и липовой аллей поднимается, и свищут и чокают десятки соловьев.

п. к М. Л. Оболенской, 5 мая 1898 г.

Самая чистая радость — радость природы.

п. к С. А. Толстой, 6 мая 1898 г.

Стоит среди полей обнесенный стеной, чугунно-литейный завод [37] с непреставая-дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих.

На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются рабочие люди: одни на 100 аршин под землею в темных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах, с утра до ночи или с ночи до утра, выбивают руду; другие в темноте, нагнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики и опять наполняют их и так работают, по 12, 14 часов в день целую неделю.

Так работают в шахтах. На самой домне работают одни у печей при удушающей жаре, другие у спуска расплавлен-

ной руды и шлака, третьи — машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники — в мастерских, тоже по 12—14 часов, всю неделю.

По воскресеньям все эти люди получают расчет, моются и, иногда немытые, напиваются в трактирах и кабаках, со всех сторон окружающих завод и заманивающих рабочих, и с раннего утра в понедельник опять становятся на ту же работу.

Тут же около завода мужики пашут на измученных, захудалых лошадях чужое поле. Мужики эти встали на заре, если они не провели ночь в ночном, т. е. не ночевали у болота — единственное место, где они могут накормить лошадь, — встали они на заре, приехали домой, запрягли лошадь и, захватив краюху хлеба, поехали пахать чужое поле.

Другие же мужики тут же, недалеко от завода сидят на шоссейной дороге, пригородив себе из рогожи защиту, и бьют шоссейный камень. Ноги у этих людей избиты, руки в мозолях, все тело грязно и не только лицо, волосы и борода, но и легкие их пропитаны известковой пылью.

Взяв из неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми в лапти и обмотанными ветошками ступнями ног, бьют по камню тяжелым молотком до тех пор, пока камень распадется; а когда распадется, берут разбитые куски и бьют по ним до тех пор, пока и эти не разобьются на мелкий щебень; и опять берут целый камень и опять сначала... И так работают эти люди от утренней зари до ночи — 15—16 часов, отдыхая только часа два после обеда, и два раза, в полдень и завтрак, подкрепляют себя хлебом и водой.

И так живут все эти люди и в шахтах, и на заводах, и пахари, и каменобойцы с молодых лет и до старости; и так же живут в непосильных трудах их жены и матери, наживая маточные болезни; и так же живут их отцы и дети, плохо одетые, плохо накормленные, в сверхсильной работе с утра и до вечера, с молодости и до старости.

А вот мимо завода, мимо каменобойцев, мимо пашущих мужиков, встречая и обгоняя оборванных мужчин и женщин с котомками, бредущих из места в место и кормящихся христовым именем, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной гнедой четверней пятивершковых коней, из которых худший стоит всего двора каждого любующегося на эту четверню мужика. В коляске

сидят две барышни, блестя яркими цветами зонтиков, лент и перьев шляп, стоящих каждая дороже той лошади, на которой пашет мужик свое поле; на переднем месте сидит, блестящий на солнце галунами и пуговицами, офицер в свеже вымытом кителе; на козлах — грузный кучер в шелковых синих рукавах рубахи и бархатной поддевке. Он чуть не задавил богомолок и не сбил в канаву проезжавшего порожнем мужика, в его испачканной рудой рубахе, трясущегося в телеге.

«А это не видишь?» — говорит кучер, показывая кнут, недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужик одной рукой дергает за возжу, а другой испуганно снимает шапку с вшивой головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнце никелированными частями машин, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смеются, перегоняя и пугая крестящихся богомолок.

Стороной же от шоссе едут два верховых: мужчина на английском жеребце и дама на иноходце. Не говоря о цене лошадей и седел, одна черная шляпа с лиловой вуалью стоит два месяца работы каменобойца, а за стикк-хлыст, модный, английский, заплачено столько, сколько получит в неделю подземной работы тот малый, который идет довольный тем, что нанялся в шахты, и сторонится, любуясь на гладкие фигуры лошадей и на жирную, иноземную огромную собаку в дорогом ошейнике, бегущую с высунутым языком за ними.

Неподалеку за этой компанией едут на телеге улыбающиеся, с завитыми кудрями, нарядная девица в белом фартуке и толстый румяный мужчина с расчесанными бакенбардами, с папироской в зубах, что-то нашептывающий девице. В телеге видны самовар, узлы в салфетках, мороженица.

Это — прислуга людей, едущих в коляске, верхом и на велосипедах. Нынешний день не представляет для них исключения. Они живут так все лето и почти каждый день делают прогулки, а иногда, как нынче — с чаем, напитками и сладостями, с тем, чтобы есть и пить не в одном и том же, а в новом месте.

Господа эти — три семьи, живущие в деревне и на даче [38]. Одна семья помещика — владельца 2 000 десятин земли, другая — чиновника, получающего 3 000 жалованья, третья — самая богатая — семья фабриканта.

Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видом всей той нищеты и каторжного труда, которые окружают их. Они считают, что все это так и должно быть. Занимает их совсем другое.

«Нет, это невозможно, — говорит дама верхом, оглядываясь на собаку. — Я не могу видеть этого!» — и она останавливает коляску. Все говорят вместе по-французски, смеются и сажают собаку в коляску и едут дальше, застилая облаком известковой пыли каменобойцев и прохожих на дороге.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, как существа из другого мира; а заводские каменобойцы, мужики-пахари продолжают свою однообразную, чужую работу, которая кончится с их жизнью.

«Живут же люди!» — думают они, провожая глазами проехавших. И еще мучительнее представляется им их мучительное существование. «Неужели это так надо?»[39], гл. 1.

Ужасно хочется писать художественное, и не драматическое, а эпическое — продолжение Воскресения: крестьянская жизнь Нехлюдова. До умиления трогает природа: луга, леса, хлеба, пашни, покос. Думаю — не последнее ли доживаю лето. Ну, что ж, и то хорошо.

Дневник, 23 июня 1900 г.

Счастливые мои эпохи были только тогда, когда я всю жизнь отдавал на служение людям. Это были школа, посредничество, голодающие...

Записная книжка, апрель 1901 г.

Как мы не знаем жизнь трудового народа! Не знаем всех тех жертв жизнями, которые они несут ради своего труда. Все это я думал, глядя на то, как откапывали засыпанного Семена Владимирова[40].

Дневник, 24 мая 1905 г.

Пропасть народа, все нарядные, едят, пьют, требуют. Слуги бегают, исполняют. И мне все мучительнее и мучительнее и труднее и труднее участвовать и не осуждать.

Дневник, 6 июня 1905 г.

Сидим на дворе, обедаем 10 кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и приходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно. Удивительно!!!

Дневник, 31 июля 1905 г.

В это последнее время минутами находило тихое отчаяние в недействительности на людей истины. Особенно дома... Иногда, как нынче, хочется убежать, пропасть.

Дневник, 22 мая 1906 г.

Сейчас было тяжелое испытание с слепым. Приехал и стал упрекать меня, что не отдал землю, не выкупаю ее теперь...

Дневник, 2 октября 1906 г.

Поразил разговор на большой дороге с Ламинцовским молодым крестьянином революционером, и на другое утро чтение газет с 22 казненными, и я начал писать об этом [41].

Дневник, 10 октября 1906 г.

Детские уроки и приготовление к ним поглощает меня всего.

Дневник, 5 апреля 1907 г.

...вдруг пришла Соня, начался разговор о лесе, о том, что воруют, что дети продали вдвое дешевле, и я не мог победить досады. Как будто мне не все равно.

Дневник, 16 апреля 1907 г.

Все больше и больше, почти физически, страдаю от неравенства; богатство, излищество нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни.

Дневник, 10 июля 1907 г.

Последние два-три дня тяжелое душевное состояние, которое до нынешнего дня не мог побороть, от того, что стреляли ночью воры капусты, и Соня жаловалась, и явились власти и захватили 4-х крестьян, и ко мне ходят просить бабы и отцы. Они не могут допустить того, чтобы я — особенно живя здесь — не был бы хозяин, и потому все приписывают мне.

Дневник, 7 сентября 1907 г.

...был... в тоскливом состоянии из-за стражников, которые тревожат крестьян.

Дневник, 10 октября 1907 г.

Чувствую большую тяжесть от глупой благотворительности внешней в соединении с безумной роскошью жизни своей.

Дневник, 19 апреля 1908 г.

Запел соловей под окном, до слез радостно.

Дневник, 12 мая 1908 г.

Третьего дня получил письмо с упреками за мое богатство и лицемерие и угнетение крестьян, и, к стыду моему, мне больно. Нынче целый день грустно и стыдно. Сейчас ездил верхом, и так желательно, радостно показалось уйти нищим, благодаря и любя всех.

Дневник, 3 июня 1908 г.

Нынче утром обхожу сад и, как всегда, вспоминаю о матери, о «маменьке», которую я совсем не помню, но которая осталась для меня святым идеалом.

Дневник, 10 июня 1908 г.

Сейчас застал Соню в гневе за порубленный лес. И зачем, зачем она мучает себя? Так жалко ее, а помочь нельзя. Все сильнее и сильнее стыжусь своего положения и всего безумия мира. Неужели это мой обман чувства и мысли, что продолжаться это не может? — Нет, не может.

Дневник, 17 июня 1908 г.

Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание. То грумондские мужики в остроге, то стражники, то старик В. Суворов, который говорит: «Грешно, граф, ох грешно, графиня обидела». То эта безумно и гадко корыстная несправедливая дорога. Трудно, не знаю: от того ли, что я не в духе, или я не в духе от всех этих ужасов.

«Тайный» дневник, 3 июля 1908 г.

Хотя и пустяшное, но хочется сказать кое-что, что бы мне хотелось, чтобы было сделано после моей смерти. Во-первых, хорошо бы, если бы наследники отдали все мои писания в общее пользование... Второе, хотя это из пустяков, пустяки, то, чтобы никаких не совершали обрядов при закопании в землю моего тела. Деревянный гроб, и кто хочет снесет или свезет в Заказ против оврага, на место зеленой палочки.

Дневник, 11 августа 1908 г.

...за эти дни ходил на деревню, к бедным и получил сильное полезное впечатление.

Дневник, 2 февраля 1909 г.

Слышу и получаю письма, вероятно, и в печати, упрекающие меня за то, что я не отдал землю крестьянам. Не могу не признать, что было бы лучше, не боясь упреков семьи, отдать землю крестьянам (каким?), но можно было как-нибудь устроить. Но дурно ли, хорошо, я не сделал этого, но никак не потому, что дорожу этой собственностью, я 20 лет и больше ненавижу ее и не нуждаюсь и не могу нуждаться в ней, и благодаря моим писаниям, и если не писаниям, то моим друзьям. Единственная выгода того, что я не отдал землю, та, что меня за это осуждали, ругали, осуждают, ругают.

Теперь же после моей смерти я прошу моих наследников отдать землю крестьянам[42] и отдать мои сочинения, не только те, которые отданы мною, но и *все,* все в общее пользование.

Дневник, 4 февраля 1909 г.

Мучительна мне эта безумная (больше чем безумная, рядом с бедностью на деревне) роскошь, среди которой уже сам не знаю как, обречен доживать.

Дневник, 27 марта 1909 г.

Сейчас вышел: одна Афанасьева дочь с просьбой денег, потом в саду поймала Анисья Копылова о лесе и сыне, потом другая Копылова, у которой муж в тюрьме, и я стал опять думать о том, как обо мне судят: отдал будто бы все семье, а сам живет в свое удовольствие и никому не помогает, и стало обидно, и стал думать, как бы уехать.

Дневник, 15 мая 1909 г.

...Нерадостная же сторона, все больше и больше, к стыду моему, мучающая меня, это та среда, те условия, в которых я живу, особенно земельные, это порабощение людей посредством земельной собственности, в котором, хоть косвенно и против воли, страдая, но участвую. Никогда о грехе крепостного права я не чувствовал в $^1/_{100}$ так больно, как чувствую этот грех.

п. к В. Г. Черткову, 25 мая 1909 г.

Ездил верхом. Очень устал. Главное же, мучительное чувство бедности, не бедности, а унижения, забитости народа.

Дневник, 11 июня 1909 г.

Все больше и больше думаю о том, чтобы уйти и сделать распоряжение об имуществе.

Дневник, 22 июля 1909 г.

Решил отдать землю... Как трудно избавиться от этой гнусной грешной собственности.

Дневник, 23 июля 1909 г.

5-го вечером. Приехали полицейские за Гусевым и увезли его в тюрьму, а потом в Чердынь [43].

Дневник, 8 августа 1909 г.

Очень скучно было весь вечер. Так я далек от того, чем живут все окружающие меня.

Дневник, 16 августа 1909 г.

Гулял по Заказу. Чудное утро, как облачка с неопределенными очертаниями, с одной стороны месяц высоко в ярко-голубом над зеленым морем леса, небе. Очень хорошо. Думал много и хорошо.

Дневник, 22 августа 1909 г.

Только вышел — баба, у которой загнали двух коров и второй день не выпускают. Очень тяжело.

Дневник, 2 сентября 1909 г.

Обед с шампанским, дорогие блюда [44]. Тяжело.

Дневник, 23 сентября 1909 г.

Ходил приятно спокойно по елочкам.

Дневник, 26 сентября 1909 г.

Мучительно положение живущего в достатке среди нищеты. Все просят, и все жалки, и сам гадок.

Дневник, 11 октября 1909 г.

Прошел по саду. Тяжелое впечатление от черкеса получил [45].

24 октября 1909 г.

Все усиливается тоска, почти отчаяние от своей праздной жизни, безумной роскоши среди людей, напряженно трудящихся и лишенных необходимого, возможности удовлетворения первых потребностей. Мучительно жить так и

не знаю, как помочь и себе и им. В слабые минуты хочется умереть.

Дневник, 15 ноября 1909 г.

Ездил... к сиротам в Новую Колпну.

Дневник, 21 ноября 1909 г.

Ездил к священнику и в волостное правление по делу сирот.

Дневник, 28 ноября 1909 г.

Ездил... в Крыльцово. Застал в избушке на печи хозяина старика в агонии.

Дневник, 29 ноября 1909 г.

Ходил утром к Курносенковым... Положение голопузых у Курносенковых ужасно. Очень хочется написать три дня в деревне [46].

Дневник, 1 декабря 1909 г.

Ходил по саду. Пропасть нищих.

3 декабря 1909 г.

Ходил по прекрасной погоде. Привезли больную жалкую женщину после родов. Дети, голод. Ох, тяжело.

Дневник, 2 января 1910 г.

Ходил по саду. Все тяжелее и тяжелее становится видеть рабов, работающих на нашу семью.

Дневник, 5 января 1910 г.

Душевное состояние немного лучше. Нет беспомощной тоски, есть только неперестающий стыд перед народом. Неужели так и кончу жизнь в этом постыдном состоянии?

Дневник, 7 января 1910 г.

Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле-еле избавиться от холодной, голодной смерти, избавить себя и семью. Вчера жрут 15 человек блины, человек 5, 6 семейных людей бегают, еле поспевая готовить, разносить жранье. Мучительно стыдно, ужасно. Вчера проехал мимо бьющих камень, точно сквозь строй прогнали.

Дневник, 12 апреля 1910 г.

Ходил по елочкам; занимали муравьи.

Дневник, 20 апреля 1910 г.

Далеко ходил, думал, глядел, нюхал, собирал цветы. Очень хорошо на душе.

Дневник, 24 мая 1910 г.

Вышел на прогулку после мучительной беседы с Соней. Перед домом цветы, босоногие, здоровые девочки чистят. Потом ворочаются с сеном, с ягодами. Веселые, спокойные, здоровые. Хорошо бы написать две картинки.

Дневник, 24 июня 1910 г.

Нигде, как в деревне, в помещичьей усадьбе не видна так ясно вся греховность жизни богатых [47].

Дневник, 22 сентября 1910 г.

Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших.

Дневник, 26 октября 1910 г.

...вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пишу ей письмо...

Дневник, 28 октября 1910 г.

Отъезд мой огорчит тебя, сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме становится — стало невыносимо. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста — уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не езди за мной, если и узнаешь, где я. Такой твой приезд только ухудшит твое и мое положение, но не изменит моего решения.

Благодарю тебя за твою честную 48-милетнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всем, чем я был виноват перед тобой, так же как и я от всей души прощаю тебя во всем том, чем ты могла быть виновата передо мной. Советую тебе помириться с тем новым положением, в которое ставит тебя мой отъезд, и не иметь против меня недоброго чувства. Если захочешь что сообщить мне, передай Саше, она будет знать, где я, и перешлет мне что нужно. Сказать же о том, где я, она не может, потому что я взял с нее обещание не говорить этого никому.

п. к С. А. Толстой, 28 октября 1910 г.

...начинаю укладывать самое нужное, только бы уехать... В 6-м часу все кое-как уложено; и иду на конюшню велеть закладывать... Ночь — глаз выколи, сбиваюсь с дорожки к флигелю, попадаю в чащу, накалываясь, стукаясь об деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, насилу выбираюсь, иду домой, беру шапку и с фонариком добираюсь до конюшни, велю закладывать. Приходят Саша, Душан, Варя. Я дрожу, ожидая погони. Но вот уезжаем...

Дневник, 28 октября 1910 г.

---

7 ноября 1910 г. в 6 часов 5 минут утра на станции Астапово умер Лев Толстой.

9 ноября 1910 г. в 6 часов 30 минут утра прибыл на станцию Засека траурный поезд. Гроб на руках был перенесен в Ясную Поляну. Яснополянские крестьяне несли стяг с надписью: «Лев Николаевич! Память о твоем добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны».

Это были первые в истории России гражданские похороны.

> «...тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он (брат Толстого Николай) нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня».
>
> *Толстой.*

9 ноября в 3 часа дня Толстой погребен в лесу на месте «зеленой палочки»..

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имение, в котором жила семья, обычно переходило по наследству к младшему сыну.

[2] Мысли Нехлюдова, героя автобиографической повести «Утро помещика», — это мысли девятнадцатилетнего Толстого, приехавшего в 1847 г. владельцем Ясной Поляны. В этой же повести изложены неудачные попытки юного Толстого улучшить положение своих крестьян.

[3] В октябре 1848 г. Толстой уехал в Москву, затем в Петербург; вернулся в Ясную Поляну в июне 1849 г.

[4] Почти все приведенные в этой работе записи сделаны Толстым в

Ясной Поляне. Местопребывание Толстого указано в тех случаях, когда запись сделана не в Ясной Поляне.

[5] Дом, в котором родился Толстой. В 1855 г. дом этот был продан на своз помещику Горохову и перевезен им в село Долгое, в 35 верстах от Ясной Поляны.

[6] «Дневник помещика» обнимает период с 28 мая по 10 июня 1856 г. и посвящен переговорам, которые Толстой вел с яснополянскими крестьянами по поводу задуманного им освобождения их от крепостной зависимости. Опубликован в пятом томе академического издания сочинений Толстого.

[7] Повесть «Казаки».

[8] К этому времени относятся сохранившиеся начала двух комедий: «Дворянское семейство» и «Практический человек».

[9] Очевидно вторая редакция условий выкупа яснополянских крестьян. Опубликована в пятом томе академического издания сочинений Толстого.

[10] Граф Дмитрий Николаевич Блудов, государственный деятель, в это время был главноуправляющим II отделения собственной е. в. канцелярии. Черновик, вероятно, непосланного письма Толстого к нему записан в «Дневнике помещика».

[11] См. прим. 5.

[12] Так Толстой называл свою какую-то будущую жену.

[13] 20 сентября 1858 г. Толстой начал писать «Лето в деревне». Отрывок остался неоконченным. См. запись от 20 сентября 1858 г.

[14] 1—4 сентября в Туле происходил дворянский съезд для избрания депутатов в Тульский губернский комитет улучшения быта крестьян.

[15] Очевидно В. Ф. Корш, бывший в то время редактором «Московских ведомостей», просил Толстого дать ему статью для «Литературных прибавлений» к газете.

[16] В конце 1859 г. Толстой начал школьные занятия с крестьянскими детьми.

[17] «Юхванством» или «юфанством» в шутку называли тогда увлечение Толстого земледельческими работами. Слово «юфанство» от имени крестьянина Юфана, приемам которого Толстой подражал.

[18] 16 мая 1861 г. Толстой был назначен мировым посредником 4-го участка Крапивенского уезда и состоял им до 15 мая 1862 г.

[19] Педагогический журнал «Ясная Поляна» выходил с января по декабрь 1862 г.

[20] Повесть «Казаки» напечатана в «Русском вестнике», 1863, № 1.

[21] 6—7 июля 1862 г., во время пребывания Толстого в самарских степях, жандармским полковником Дурново, крапивенским исправником и становым был произведен обыск в Ясной Поляне и в двух толстовских школах — в селе Колпне и в селе Кривцове.

[22] 22 августа 1862 г. Толстой написал письмо Александру II. См. «Дело 1862 года 1-й экспедиции № 230 III Отделения собственной е. и. в. канцелярии о графе Льве Толстом».

[23] 23 сентября 1862 г. Толстой женился на Софии Андреевне Берс.

[24] В это время Толстой очень увлекался пчеловодством.

[25] Роман «Анна Каренина» печатался в «Русском вестнике» с № 1 за 1875 г. до № 4 за 1877 г.

[26] 3 сентября 1877 г. С. А. Толстая писала сестре: «На-днях нам пришлют в Ясную Поляну десять раненых, выздоравливающих, и я завтра посылаю покупать парусины, посуды и пр. для того, чтобы

устроить этих солдат». Раненые не были присланы, «так как министерство запретило выпускать из больниц по деревням» (письмо С. А. Толстой к сестре от 28 ноября 1877 г.).

[27] Шинтяков, Курносенкова и все в дальнейшем встречающиеся имена — это имена яснополянских крестьян.

[28] Дневниковые записи 9 марта — 30 апреля 1879 г. относятся к тому времени, когда Толстой, решив изучать живую речь непосредственно в народе, ходил на Киевское шоссе и любил разговаривать с шедшим по нему народом. Рассказы этих людей, краткие характеристики встреченных, народные выражения занимают главное место в этих записях.

[29] 2 февраля Толстой приехал в Ясную Поляну, прожил неделю и 8 февраля вернулся в Москву.

[30] 26 февраля Толстой вновь уехал в Ясную Поляну «очнуться от ужасной московской жизни». Вернулся в Москву 7 марта.

[31] Кучер Михаил Филиппович Егоров, яснополянский крестьянин.

[32] «Коневским» рассказом Толстой называл свой роман «Воскресенье», так как сюжетом этого романа послужил рассказанный А. Ф. Кони случай из его судебной практики.

[33] Акт о разделе Толстой подписал весной 1891 года, но все было оформлено и он вошел в законную силу 28 сентября 1892 г. Ясная Поляна отошла к С. А. Толстой и младшему сыну Ивану (ум. в 1895 г.).

[34] В Бегичевке, Рязанской губернии, проходила работа Толстого по организации помощи голодающим в 1890—1892 гг.

[35] Своего намерения уйти Толстой на этот раз не выполнил.

[36] См. прим. 5.

[37] Чугунолитейный завод находится на Косой Горе, в 6 километрах от усадьбы Толстого.

[38] Толстой имеет в виду членов своей семьи и их гостей.

[39] Толстой работал над статьей «Неужели это так надо?» с марта 1898 г. по 14 декабря 1900 г. Поэтому и помещаем ее между этими датами.

[40] 10 мая 1909 г. около Ясной Поляны был засыпан песком в песочной яме Семен Владимирович Фоканов, яснополянский крестьянин, бывший ученик школы Толстого в 60-х годах.

[41] Эта встреча и разговор описаны Толстым в его статье «Что же делать?»

[42] После смерти Толстого 643,73 десятины земли были переданы бесплатно крестьянам Ясной Поляны, Телятинок, Груманта и Грецовки.

[43] Секретарь Толстого Н. Н. Гусев был 4 августа 1909 г. арестован и затем выслан на два года в Чердынский уезд, Пермской губернии, за рассылку запрещенных статей Толстого.

[44] Очевидно был парадный обед в день 47-й годовщины со дня женитьбы Толстого.

[45] По просьбе С. А. Толстой в усадьбу была прислана вооруженная охрана.

[46] «Три дня в деревне» состоит из четырех статей: 1) Первый день. Бродячие люди. 2) Второй день. Живущие и умирающие. 3) Третий день. Подати. 4) Заключение. Сон. Опубликованы в тридцать восьмом томе академического издания сочинений Л. Н. Толстого.

[47] Запись эта сделана Толстым в Кочетах, имении дочери его Татьяны Львовны Сухотиной.

С. Л. ТОЛСТОЙ

ЯСНАЯ ПОЛЯНА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

I

Лев Толстой родился (28 августа 1828 года) и провел в Ясной Поляне не менее пятидесяти лет своей жизни. Он любил свое родное гнездо. В молодости он писал: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его» («Лето в деревне»). А в старости он говорил: «Где родился, там и годился».

Положение Ясной Поляны было особенно благоприятным условием для творчества Л. Н. Толстого. Сельцо Ясная Поляна (сельцом называлось селение с барской усадьбой, но без церкви) находится в центральной Великороссии, на магистральном пути, соединяющем север с югом, в сельской местности и по соседству с Засекой — обширным красивым лесом. Здесь Толстой был среди природы и среди земледельцев крестьян, к которым он всегда относился с особенным сочувствием. В то же время он не был лишен культурного общества. Друзья, знакомые и незнакомые приезжали к нему в Ясную Поляну из Москвы, Тулы и других мест, этому способствовало удобство путей сообщения и положение Ясной Поляны. Местная природа и люди, с

которыми он общался в Ясной Поляне, — все это отразилось во многих его произведениях. Почти все, написанное им, написано в целом или частью в Ясной Поляне.

Ясная Поляна — типичная великорусская деревня. Ее можно назвать *Микророссией* — Россией в малом виде; она переживала те же исторические судьбы, что и вся Россия, и она дала Толстому материал для изображения жизни русской деревни и помещичьей усадьбы больше чем за целое столетие. Отсюда живость, типичность и характерность его описаний и образов.

В семидесятых годах Толстой в одном из черновых вариантов своего начатого, но не осуществленного романа из эпохи Петра I воспользовался архивными сведениями и преданиями о Ясной Поляне и описал ее, сохранив название Ясной Поляны и окружающих ее мест.

II

В печатных произведениях Толстого фигурирует Ясная Поляна начала XIX столетия в виде Лысых Гор в «Войне и мире», только автор перенес ее в Смоленскую губернию. Лысые Горы и их владелец князь Николай Андреевич Болконский живо напоминают деда Л. Н. Толстого, генерал-аншефа екатерининского времени князя Николая Сергеевича Волконского и Ясную Поляну. В одном из первоначальных набросков к «Войне и миру» Толстой называл князя Болконского князем Волхонским и так его характеризовал: «Князь не был злодей, никого не засекал, не закладывал жен в стены, не ел за четверых, не имел сералей, не был озабочен пороньем людей, охотой и распутством, а напротив, всего этого терпеть не мог и был умный, образованный и порядочный человек». Таков же был дед Льва Николаевича. В своих воспоминаниях Толстой пишет: «Он считался очень строгим хозяином, но я никогда не слыхал рассказов о его жестокости, столь обычных в то время. Я думаю, что они были, но восторженное уважение к его важности и разумности было таково, что... я слышал только похвалы его уму, хозяйственности и заботе о крестьянах и в особенности о его огромной дворне».

Весь эпизод из «Войны и мира» — приезд князя Василия Курагина в Лысые Горы — как будто случился в Ясной Поляне. В этом эпизоде упоминается об оранжерее и пре-

шпекте. Так же как в Лысых Горах, в яснополянском саду за липовыми аллеями (Клинами) в прежнее время находилась оранжерея (сгоревшая в шестидесятых годах); «прешпектом» (проспектом) называлась и даже в настоящее время называется широкая въездная аллея, ведущая к дому и состоявшая в прежнее время из берез, а теперь из елей.

В одном из вариантов к «Войне и миру» упоминается о липовых аллеях в Лысых Горах: «В семь часов утра на одной из этих аллей, составлявших квадрат и звезду подле дома, стояло человек восемь людей в камзолах, чулках и башмаках и тупеях со скрипками, флейтами и нотами». Это были крепостные музыканты, собиравшиеся в центре аллей, вокруг столетнего вяза и игравшие во время утренней прогулки князя. Такие же липовые аллеи находились в Ясной Поляне. Это — так называемые Клины.

Старый князь Болконский в Лысых Горах так же, как дед Толстого в Ясной Поляне, был занят постройками на усадьбе. Для этого у него жил архитектор. После смерти князя Болконского и разорения Лысых Гор в 1812 году большой дом был вновь построен его зятем Николаем Ростовым. Об этом в эпилоге романа мы читаем: «Усадьба Лысых Гор была вновь построена, но уже не на ту ногу, на которой она была построена при покойном князе. Постройки, начатые во время нужды, были более чем просты. Огромный дом на старом каменном фундаменте был деревянный, штукатуренный только снутри. Большой поместительный дом с некрашеными досчатыми полами был меблирован самыми простыми жесткими диванами и креслами, столами и стульями из своих берез и работы своих столяров».

Почти то же произошло в Ясной Поляне после смерти Николая Сергеевича Волконского с той только разницей, что в Ясной Поляне первый этаж дома был уже выстроен Волконским из кирпича и Николай Ильич Толстой, отец Толстого, достроил второй этаж из дерева. В Ясной Поляне, как и в Лысых Горах, полы дома и флигелей были досчатые и некрашеные, а мебель была проста и, повидимому, также сработана из своих берез, своими столярами. Часть мебели — кожаный диван, столы, зеркала в золоченых рамах, книжные шкапы, вольтеровское и другие кресла сохранились и до настоящего времени и до последнего времени находились в яснополянском бытовом музее.

III

Трилогия («Детство», «Отрочество», «Юность») в значительной части автобиографична. Толстой писал об этом своему биографу П. И. Бирюкову: «Замысел мой был описать историю не свою, а моих приятелей детства, и оттого вышло нескладное смешение их и моего детства».

В этом произведении изображен несуществующий в настоящее время, проданный на снос большой яснополянский дом с его галлереей, террасой и комнатами — классной, комнатой Карла Ивановича, спальней Николеньки и Володи, гостиной с желтым английским роялем, диванной, девичьей и пр. Из окон этого дома был такой же вид: большой куст сирени под окном, стриженая липовая аллея, сквозь эту аллею виднелся луг, с одной стороны которого гумно, а напротив и с другой стороны — лес («Детство», гл. 1), такая же была березовая аллея («Юность», гл. 28), яблоневый сад, малиновая заросль, перемешанная с крапивой и репейником и пр. («Юность», гл. 32).

Переживания Николеньки Иртеньева — это переживания самого Толстого в Ясной Поляне. Вот его впечатления во время ночевки в галлерее дома: «И тогда все получало для меня другой смысл: и вид старых берез, блестевших с одной стороны в лунном небе своими кудрявыми ветками, а другой — мрачно застилавших кусты и дорогу своими черными тенями и спокойный, пышный, равномерно как звук возраставший блеск пруда и лунный блеск капель росы на цветах перед галлереей, тоже кладущих поперек серой рабатки свои грандиозные тени, и звук перепела за прудом и голос человека с большой дороги; и тихий, чуть слышный скрип двух старых берез друг о друга и жужжание комара над ухом под одеялом и падение зацепившегося за ветку яблока на сухие листья и прыжки лягушек... все это получало для меня странный смысл — смысл слишком большой красоты и какого-то недоконченного счастья».

Некоторые лица, упоминаемые в «Детстве», «Отрочестве» и «Юности», жили в Ясной Поляне. Карл Иванович Мауер — это воспитатель Льва Николаевича и его братьев Федор Иванович Рессель; дядька Николай был дядькой Льва Николаевича; буфетчик Фока — это буфетчик в доме Толстых Василий Трубецкой. Об экономке Наталье Саввишне Толстой писал в своих воспоминаниях: «Прасковью Исаевну я довольно верно описал под именем Натальи Саввишны.

Все, что я о ней писал, было действительно». Замечательна и трогательна история Натальи Саввишны (Прасковьи Исаевны), она была возможна только при крепостном праве. Будучи дворовой помещика и служа у него горничной, она просила у него позволения выйти замуж; без такого позволения это было невозможно. Ей было отказано, и она была сослана в другую деревню на скотный двор, но так как она была незаменима как горничная при барыне, то вскоре была возвращена, причем она объявила, что сама не понимает, как тогда на нее нашла такая дурь. Позднее барыня, желая отблагодарить ее за ее труды и привязанность, вручила ей написанную на гербовом листе вольную, но она разорвала эту бумагу и сказала: «Должно быть я вам противна стала, что вы меня со двора гоните». И до своей смерти она прожила в доме Иртеньевых (Толстых).

В «Детстве», «Отрочестве», «Юности» и «Семейном счастии», так же как и в «Войне и мире», действие происходит в жесткую эпоху крепостного бесправия, в помещичьих усадьбах, в которых легко узнать усадьбу Ясная Поляна. Хотя Толстой не ставил себе специальной целью изображение отрицательных сторон крепостного быта, но благодаря реализму творчества Толстого бесправие крепостничества не могло не отразиться в перечисленных произведениях. Иное отношение к крепостному режиму у него выразилось в «Утре помещика». Этот рассказ должен был, по его замыслу, составить первую часть «Романа русского помещика», романа, которому он приписывал большое значение, называя его «серьезным», полезным (письмо к брату Сергею от 10 декабря 1852 года) и догматичным, т. е. идейным (Дневник, 30 ноября 1852 года). 1 августа 1855 года он высказывал основную мысль этого неоконченного им романа: «Сегодня разговор с Столыпиным (Аркадием Дмитриевичем) о рабстве в России... Главная мысль романа должна быть невозможность жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством». И эта мысль просвечивает во всем рассказе.

«Утро помещика» можно назвать автобиографическим рассказом: Нехлюдов — это сам девятнадцатилетний Толстой, получивший в наследство Ясную Поляну, оставивший университет и поселившийся в деревне в 1847 году с намерением облагодетельствовать своих «подданных» (как тогда называли крепостных крестьян). Усадьба имения Нехлюдова — это разоренное опекой имение Ясной Поляны, его

Толстой за работой в кабинете под сводами.

Толстой на пашне.

Карт. худ. И. Е. РЕПИНА.

крестьяне— крестьяне Ясной Поляны. Из рассказа очевидца следует, что все усилия Нехлюдова улучшить и упорядочить жизнь крестьян бесплодны, пока между ним и крестьянами существуют крепостные отношения. Такое же заключение вывел Толстой из своего опыта. Нехлюдов посещает крестьян. Чурис— единственный работник в семье, не может управиться со своим хозяйством и барщиной, просит у барина сошек для того, чтобы подпереть свою развалившуюся избу, но не может построить себе новую избу и отказывается от переселения на другое место в готовую избу. Юхванка Мудреный просит у барина позволения продать лошадь, необходимую для него и для работы на барщине, скрывая, зачем ему нужны деньги. Давыдка Белый, которого можно назвать неврастеником, не работает, его жена «извелась», очевидно от непосильного труда, его мать, так называемая Аришка Бурлак, изнемогает от навалившейся на нее мужицкой работы и просит Нехлюдова принудить какую-нибудь девушку выйти замуж за ее сына, для того чтобы ввести в дом работницу, на что Нехлюдов, разумеется, не соглашается. Зажиточный многосемейный мужик Дутлов скрывает, что у него есть деньги, и отказывается от выгодного предложения Нехлюдова нанять у него землю или купить сообща с ним рощу на сруб в казенном лесу, потому что, «как же можно мужику господскому свои деньги объявить? Не равен случай, и всех денег решится». Со всем желанием и несмотря на всю свою власть помещика, Нехлюдов не может удовлетворительно разрешить все эти сложные вопросы и прибегает к самому простому, но наименее действительному способу их разрешения: дает нуждающимся кое-какие деньги.

Приказчик Нехлюдова назван Андреем Ильиным. Этим именем и отчеством назывался А. И. Соболев, служивший много лет приказчиком в Ясной Поляне во время опеки над малолетними Толстыми и позднее. В отрывке «Характеры и лица» Толстой так его охарактеризовал: «Его (Ильина) идеал—исправник, и в достижении его он дошел до того, что его принимают иногда за помещика, иногда за отставного поручика. Андрей Ильин у-у-умный человек— голова. Одно — пьет. В делах по хозяйству помещика, семейных и общечеловеческих он в сущности мот, деспот, жесток и вообще большой подлец, но он добр и умен». Чурис говорит про него: «Он орудовал крестьянами, как хотел... чтобы было у тебя все, а из чего мужику взять.

того не спрашивал». Из писем Толстого видно, что эта характеристика вполне подходит к Андрею Ильичу Соболеву.

В конце пятидесятых и начале шестидесятых годов Толстой написал три рассказа из деревенской жизни; два, не появившиеся в печати при его жизни: «Идиллия» и «Тихон и Маланья», и один рассказ, впервые напечатанный в 1863 году в «Русском вестнике», — «Поликушка». Эти рассказы во многом напоминают Ясную Поляну. Даже имена крестьян в них только частью завуалированы. Мысль повести «Идиллия» подана Толстому рассказом яснополянской крестьянки, матери упомянутого Андрея Ильича Соболева. В дневнике от 23 мая 1860 года Толстой записал: «Андреева мать много рассказывала... Главное, от кого понесла Андрея». «Утешь мои телеса. Отпечатала». В «Идиллии» гуртовщик, соблазнитель Маланьи, также говорит ей: «Утешь мои телеса» и также: «...через девять месяцев Маланья родила, выпечатала в дворника» (гуртовщика). «Тихон и Маланья» по сюжету и действующим лицам есть более пространная редакция первой части «Идиллии». Тихон — один из сыновей зажиточного крестьянина Ермила Дутлова. Семья Дутловых появляется в «Утре помещика», в «Идиллии», «Тихоне и Маланье», в вариантах к этой повести, в «Поликушке». Прототипами Дутловых была яснополянская семья Зябревых, называвшаяся также Ермилиными. Эта семья состояла из старика Ермила и трех сыновей—Пармена, бывшего в шестидесятых годах волостным старшиной, Василия, служившего одно время приказчиком у Толстого, и Тита, ездившего почтовым ямщиком. В «Утре помещика» они названы Карпом, Игнатом и Ильей. В «Тихоне и Маланье» младший Дутлов назван Тихоном, а в «Поликушке» — опять Ильей, но там он не сын, а племянник старшего Ермила.

В следующих строках, взятых из рассказа «Тихон и Маланья», описывается, как народ возвращается из церкви в петров день (29 июня). Это — яснополянские крестьяне; в рассказе так же, как в Ясной Поляне, церковь была на некотором расстоянии от деревни.

«День был красный, жаворонки вились над ржами. Рожи лоснились. Народ шел из церкви. Шли старики большими широкими шагами (шагами рабочего человека), в белых, заново вымытых онучах и новых лаптях, которые с палочками, которые так, по одному и попарно; шли мужики

молодые в сапогах; староста Михеич шел в черном из фабричного сукна кафтане; шел длинный, худой и слабый, как плетень, Резун, Фоканыч хромой, Осип Наумович бородастый... Шли дворовые, мастеровые в свитках, лакеи в немецких платьях, дворовые бабы и девки в платьях с подзонтиками, как говорили мужики... Шли девочки табунками, в желтых и красных сарафанах, ребята в подпоясанных армячках, согнутые старушки в белых чистых платках, с палочками и без палочек, ребятницы с белыми пеленками и холостые пестрые бабы в красных платках, синих поддевках, с золотыми галунами на юбках. Шли весело, говорили, догоняли друг друга, здоровкались, осматривали новые платки, бусы, коты прошивные».

Имена всех крестьян — Михеич, Резун, Фоканыч, Осип Наумов и упоминаемые далее Минаевы, Болхины, Анисим Жидков — это имена крестьян Ясной Поляны; их потомки и в настоящее время живут в Ясной Поляне. Пишущий эти строки помнит, как в его детстве (в семидесятых годах) он видел вышеописанную сцену возвращения яснополянских крестьян из церкви; некоторых, например, мужа кормилицы Льва Николаевича, Осипа Наумова, знал лично. Их одежда, большею частью домотканная, была подобна описанной в рассказе «Тихон и Маланья», мужики еще не носили пиджаков, пальто и штанов на выпуск, а бабы носили не платья, а поневы и сарафаны, растегаи.

Сюжет «Поликушки» Толстой взял из рассказа своей знакомой, одной из сестер графа С. М. Гайден, рожденной Дондуковой-Корсаковой. Это — быль, случившаяся в селе Глубоком, Псковской губернии. Она перенесена в село Покровское; фамилии крестьян — Ермилины (Дутловы), Резун, Житков, Герасим Копылов и другие совпадают с именами яснополянских жителей. Лошадь Барабан упоминается в записной книжке Толстого и в «Воспоминаниях» Т. А. Кузминской, «флигерь», где жил Поликей, напоминает помещение дворовых в Ясной Поляне, а тип самого Поликея — одного яснополянского дворового.

Материалом для посмертного рассказа Толстого «Дьявол» послужила бывшая в конце пятидесятых годов (когда он еще не был женат) его связь с яснополянской крестьянкой Аксиньей Базыкиной, рожденной Аникановой. Его чувства к ней выражены в его Дневнике. Его страстное влечение чередуется с равнодушием, даже отвращением. Такие же чувства переживает герой рассказа Евгений. В Дневнике

есть такая запись: «13 мая 1858 г. Чудный Троицын день. Вянущая черемуха в корявых рабочих руках... Видел мельком Анисью. Очень хороша. Все эти дни ждал тщетно. Нынче в большом старом лесу... Я влюблен, как никогда в жизни». Следующее описание троицына дня в «Дьяволе» переносит нас в Ясную Поляну. «Как всегда был один пестрый яркими цветами кружок молодых баб и девок центром всего, а вокруг него с разных сторон, как оторвавшиеся и вращающиеся за ним планеты и спутники, то девчата, держась рука с рукой, шурша новым ситцем растегаев, то малые ребята, фыркающие чему-то и бегающие взад и вперед друг за другом, то ребята взрослые в синих и черных поддевках и картузах и красных рубахах с непереставающим плеванием шелухи семячек, то дворовые или посторонние издалека поглядывающие на хоровод.

...Лиза звала его [Евгения] посмотреть на одну из плясавших баб, которая ей особенно понравилась. Это была Степаша». То же происходило в Ясной Поляне. Вспоминаю, как в семидесятых годах в троицын день яснополянские бабы с венками из березовых, сиреневых или черемушных веток на головах, окруженные взрослыми и малыми ребятами, приходили к крыльцу яснополянского дома и здесь водили хороводы, пели и плясали, а потом шли к пруду и бросали венки в воду.

IV

Начиная с 1859 года Толстой стал с увлечением заниматься педагогической деятельностью. Осенью этого года он приступил к обучению грамоте и арифметике детей яснополянских крестьян. В июле 1860 года он поехал за границу и там, несмотря на тяжелую утрату — болезнь и смерть своего любимого брата Николая, изучил иностранную, особенно немецкую, педагогику для того, как он писал брату Сергею, «чтобы никто не смел ему в России указать по педагогике на чужие края и чтобы быть au niveaue (на уровне) всего, что сделано по этой части». Вернувшись в Россию, он стал усиленно заниматься народным образованием, несмотря на то что служба в качестве мирового посредника отвлекала его от этой деятельности. В Ясной Поляне и в соседних деревнях он учредил несколько школ, пригласил учителей из университетских студентов. С января 1862 года стал издавать педагогический журнал «Ясная

Поляна». Редакция журнала помещалась во флигеле усадьбы. В своих статьях, помещенных в этом журнале, Толстой высказывался за свободу преподавания и критически относился к методической и скучной немецкой педагогике. Как велось преподавание в яснополянской школе, можно видеть из статьи Толстого «Яснополянская школа в ноябре и декабре» (журнал «Ясная Поляна», 1862, январь). Приведем из нее следующие строки: «Школа помещается в двухэтажном каменном доме[1]. Две комнаты заняты школой, одна кабинетом, две — учителями. На крыльце под навесом висит колокольчик. Часов в семь учитель, живущий в школе, любитель внешнего порядка и администратор школы, посылает одного из мальчиков, которые почти всегда ночуют у него, звонить.

В деревне встают с огнем. Уже давно виднеются из школы огни в окнах, и через полчаса после звонка, в тумане, в дожде или в косых лучах осеннего солнца появляются на буграх (деревня отделена от школы оврагом) темные фигурки по две, по три и по одиночке... С собой никто ничего не несет — ни книг, ни тетрадей, уроков на дом не задают... Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера».

Педагогическая деятельность Толстого в Ясной Поляне не только дала ему материал для его статей о педагогике. Она обогатила его язык и способствовала выработке того слога, каким написаны его народные рассказы. Одна из его статей озаглавлена: «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» И это не совсем парадокс; постоянно находясь в близком общении с своими учениками, Толстой учился у них народному языку и выражениям. Когда он писал народные рассказы, он их прочитывал ребятам, заставлял ребят пересказывать их и нередко исправлял их по этим пересказам. Приведу один пример: В его «Книгах для чтения» одна басня Эзопа изложена так: Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: теперь берите! Лев

---

[1] Это юго-западный флигель яснополянской усадьбы, построенный Волконским, сохранившийся до настоящего времени в его первоначальном виде; в настоящее время в нем помещается литературный музей.

рассердился, съел осла и велел лисице переделить. Лисица все собрала в кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит: Ну, умница! Кто тебя научил так хорошо делить? Она говорит: а с ослом то что ж было? — В подлиннике у Эзопа сказано: пример осла. Толстой хотел книжное выражение «пример осла» заменить другими словами, но не находил какими. При пересказе басни один ученик вместо «пример осла» сказал: «а с ослом то что было?» и Толстой воспользовался этим выражением.

Несколько рассказов, помещенных в «Азбуке» и «Книгах для чтения», взяты из яснополянской жизни и природы. Таковы «Пожар», «Старая лошадь» и другие, в которых не сказано, где произошли упоминаемые события. Рассказ «Солдаткино житье» был записан Толстым со слов его ученика, яснополянского мальчика Василия Морозова и печатался под именем трех авторов: Лев Толстой, Макаров и Морозов. В этом рассказе правдиво описана жизнь матери Василия Морозова, крестьянки Ясной Поляны.

V

«Анна Каренина» написана в конце семидесятых годов. Прошло более пятнадцати лет с тех пор, как крепостное право было отменено; это была та эпоха, когда в России «все переворотилось и только укладывается», — как говорит в романе Константин Левин. В. И. Ленин считал, что эти слова — верная характеристика периода 1861—1905 годов. Отношения Левина с крестьянами были уже совсем не те, что отношения Нехлюдова (в «Утре помещика»), однако помещичье хозяйство продолжало находиться в затруднении. Левин, во многом напоминающий самого Толстого, занят хозяйством в своем имении Покровском, очень похожем на Ясную Поляну. Кабинет Левина (оленьи рога на стенах, гимнастические гири), собака Ласка, породистая корова Пава, верховая лошадь Колпик — все это обстановка холостого Толстого в Ясной Поляне. В черновиках романа есть упоминания о жившей с Левиным мачехе; также с Толстым жила его пожилая родственница и воспитательница Татьяна Александровна Ергольская. Жила у него упоминаемая в романе бывшая горничная его бабушки Агафья Михайловна. Левин относился к крестьянам так же, как Толстой (гл. I—IV третьей части). Для Константина

Левина «народ был только главный участник в общем труде и несмотря на все уважение и какую-то кровную любовь к мужику, всосанную им, как он сам говорил, вероятно, с молоком бабы кормилицы, он, как участник с ним в общем деле, иногда приходивший в восхищение от силы, кротости, справедливости этих людей, очень часто, когда в общем деле требовались другие качества, приходил в озлобление на народ за его беспечность, неряшливость, пьянство и ложь». Толстой также писал о своей «почти физической любви к мужику», но также видел его недостатки и иногда негодовал на крестьян. Левин «долго жил в самых близких отношениях с мужиком, как хозяин и посредник, а главное, как советчик; мужики верили ему и ходили верст за сорок к нему советоваться». Также мужики приходили советоваться к Толстому. Я помню, как почти ежедневно у крыльца яснополянского дома крестьяне, иногда прибывшие из дальних деревень, ждали Льва Николаевича и, когда он к ним выходил, поверяли ему свои семейные, имущественные и судебные дела и просили у него совета и помощи. Мысли Левина, когда он провел ночь на копне с сеном (ч. III, гл. XII), — это мысли самого Толстого незадолго до его женитьбы: «...отречение от своей старой жизни, от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему не нужного образования». Он даже мысленно спрашивал себя: иметь работу и необходимость работы? Оставить Покровское? Приписаться к крестьянскому обществу? Жениться на крестьянке?» Всю свою жизнь Толстой мечтал об отречении от своего образа жизни, об уходе от него.

Неудачи Левина по хозяйству в Покровском это неудачи, бывшие у многих помещиков того времени, в том числе и у Толстого. Планы Левина о привлечении крестьян к участию в прибылях по хозяйству напоминают проект, который Толстой неудачно пытался осуществить с крестьянами Ясной Поляны в конце пятидесятых годов.

Описание косьбы Левина с крестьянами — это впечатления самого Толстого. В 1870 году он по целым дням работал на покосе вместе с яснополянскими крестьянами. Упоминаемый в романе Калиновый луг находится около речки Воронки, протекающей по яснополянскому имению. В следующем описании ярко переданы ощущения косца Левина-Толстого: «Тит шел мах за махом, не останавливаясь и не уставая. Левин шел за ним, стараясь не отставать, и ему

становилось труднее и труднее. Наступила минута, когда он чувствовал, что у него не остается больше сил, но в это самое время Тит останавливался и точил. Так они прошли первый ряд. И длинный ряд этот показался особенно трудным Левину... Чем дальше Левин косил, тем чаще он чувствовал минуты забвения, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя полное жизни тело, и как бы по волшебству без мысли о ней работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные минуты».

В главе первой шестой части Левин женат и дружно живет с женой, но ему «немного жалко было своего Левинского мира и порядка, который был заглушаем наплывом «Щербатского элемента», как он говорил себе». Заменив «Щербатский элемент» «Берсовским элементом» (жена Толстого, рожденная Берс), мы перенесемся в яснополянскую усадьбу семидесятых годов. Как в Покровском жила семья сестры Кити — Долли Облонской, так же в яснополянском флигеле каждое лето жила семья сестры Софии Андреевны — Татьяны Андреевны Кузминской.

Общеизвестно, что самоубийство Анны навеяно самоубийством сожительницы соседа Толстого по Ясной Поляне А. Н. Бибикова Анны Степановны Пироговой, случившимся 6 января 1871 года.

С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской об этом происшествии следующее: «Еще у нас случилась драматическая история. Ты помнишь у Бибикова Анну Степановну? Но вот эта Анна Степановна ревновала к Бибикову всех гувернанток. Наконец к последней она так ревновала, что Александр Николаевич рассердился и поссорился с ней, следствием чего было, что Анна Степановна уехала от него в Тулу совсем. Три дня она пропадала, наконец, в Ясенках (впоследствии станция Щекино) на третий день в 6 час. вечера она явилась на станцию с узелком. Тут она дала ямщику письмо к Бибикову, просила его свезти и дала ему один рубль. Письмо Бибиков не принял, а когда ямщик вернулся на станцию, он узнал, что Анна Степановна бросилась под вагоны и поезд ее раздавил до смерти». Толстой воспользовался лишь фактом самоубийства Пироговой. Ни по своему характеру, ни по наружности, ни по общественному положению она не была похожа на Анну Каренину. Пирогова происходила из мелкобуржуазной среды, была хорошей хозяйкой, мало образована, не

имела средств к жизни и жила у Бибикова чем-то вроде экономки.

В «Анне Карениной» даже мелкие подробности напоминают яснополянскую жизнь того времени, например, вопрос о том, как варить малиновое варенье. Во второй главе Кити вводит новый способ варить малиновое варенье без воды. Я помню, как в Ясную Поляну по делам издания приезжал толстый белокурый немец Ф. Ф. Рис, владелец типографии в Москве. Увидав, что там варят малиновое варенье с водой, он посоветовал варить его без воды; этот способ сперва вызвал недоверие, а затем был испробован и одобрен.

Другой пример: в главе восьмой «в строящемся флигеле рядчик испортил лестницу, срубив ее отдельно и не разочтя подъем, так что ступени все вышли покатые. Теперь рядчик хотел, оставив ту же лестницу, прибавить три ступени. Он был уверен, что это исправит лестницу. Он говорил: «как значит возьмется снизу... пойдеть, пойдеть и придеть». То же случилось в Ясной Поляне, когда Толстой в 1872 году перестраивал лестницу в пристройке к дому.

В главе одиннадцатой восьмой части во время молотьбы Левин смотрит «...на лошадь, переступающую по двигающемуся из-под нее наклонному колесу». Из этих слов видно, что двигателем молотилки была устаревшая в настоящее время машина, так называемый топчак. Топчак был во время оно и в Ясной Поляне.

В главе четырнадцатой Левин увлекается «новой пчелиной охотой». Это напоминает увлечение Толстого пчеловодством. Пасека в Ясной Поляне находилась в полутора километрах среди осин и лип за речкой Воронкой.

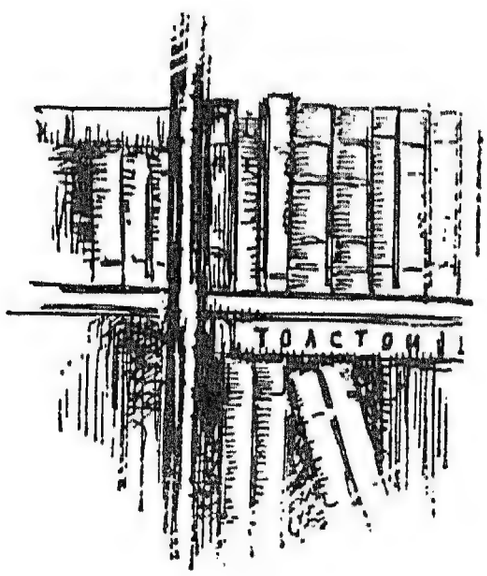
В главе семнадцатой восьмой части описывается гроза, заставшая Кити с ее маленьким сыном в лесу Колке. Левин пошел за ней. Поднялся сильный ветер и начался ливень. Гроза, разбитый молнией дуб, Кити со своим грудным сыном и няней в роще под проливным дождем, беспокойство о них и ужас Левина — все это произошло в Ясной Поляне. Надо только заменить имена: Кити — Софьей Андреевной, Константина Дмитриевича — Львом Николаевичем, Мити — Сережей, рощу Колок — рощей около яснополянского дома, Чепыжем.

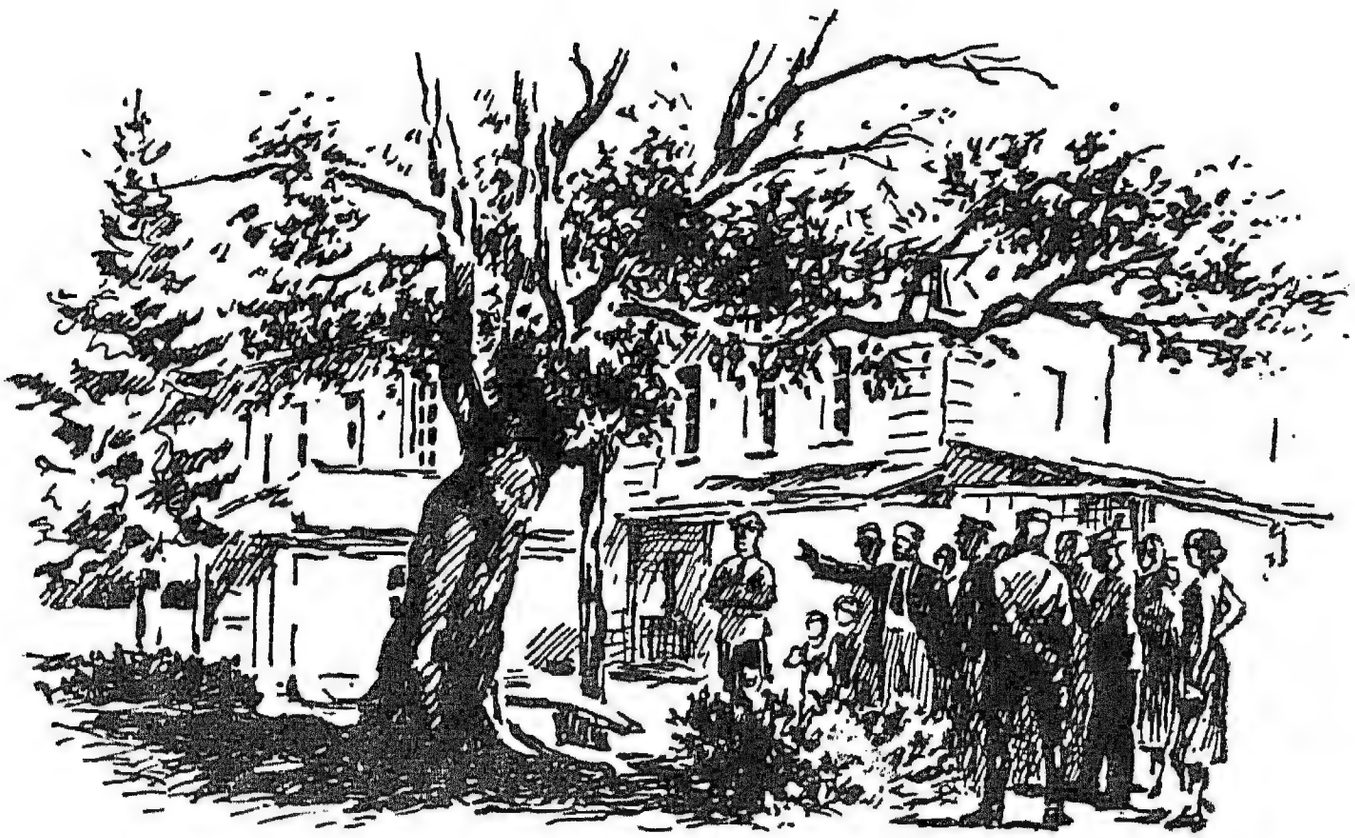
Из произведений, написанных после «Анны Карениной», больше других напоминает Ясную Поляну рассказ «Ягоды»,

эпизод из рассказа «Фальшивый купон» — наблюдения дворника Василия над жизнью «молодых господ», и драма «И свет во тьме светит». Сцена первого действия этой драмы представляет, так же как в Ясной Поляне, крытую террасу, перед ней цветник, лаунтенис и крокет.

Настоящей статьей я старался показать, что Ясная Поляна не только то место, где родился Толстой, где он провел бо́льшую часть своей жизни, где была написана бо́льшая часть его произведений, где покоится его прах, — это то место, откуда он черпал обильный материал для своего творчества, материал, вылившийся под его пером в художественные описания и образы.

Безгранично наше негодование, неиссякаема наша ненависть к грубым изуверам германского шовинизма, когда они разрушают памятник гениального русского писателя, известного всему культурному человечеству, издеваются над его жилищем и могилой.





II

ЯСНАЯ ПОЛЯНА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат.

В. И. Ленин

Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

В. И. Ленин

Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР

ЯСНАЯ ПОЛЯНА В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

едьмого ноября 1910 года умер Толстой и стали раздаваться голоса о необходимости выкупа Ясной Поляны в общенародное достояние, организации там музея, школы и благотворительных учреждений. Но пожеланиям этим суждено было осуществиться значительно позднее.

В 1910 году в семье Толстого встал вопрос о продаже Ясной Поляны, была даже мысль о продаже ее американцам, о чем с грустью и несочувственно записала С. А. Толстая в своем дневнике. «Я желала бы видеть Ясную Поляну,—пишет она 4 января 1911 года,—в русских руках и всенародных». С. А. Толстая думала, что Ясная Поляна как место жизни и творчества величайшего русского человека может заинтересовать царское правительство, и 10 мая 1911 года она обратилась к Николаю II с предложением приобрести Ясную Поляну в государственную собственность, выражая желание передать «безвозмездно на вечное хранение» в Государственный музей весь архив вещей и рукописей Толстого. «Передать его колыбель и его могилу под охрану государства со-

ставляет горячее наше желание, — писала она царю. — Я сочла своим последним к его памяти долгом сохранить неприкосновенным в руках Русского государства его материальное и духовное наследие».

Вопрос этот вызвал разногласия. На заседании совета министров 14 октября 1911 года обер-прокурор «святейшего» синода Саблер говорил: «Увековечение на казенный счет памяти Толстого будет понято, как желание упрочить в народном сознании его учение. Прославлять Толстого правительство не должно ввиду определения святейшего синода об отпадении его от православной церкви. Такое явное несоответствие действий правительства со взглядами на Толстого высшего церковного установления не может не произвести удручающего впечатления на всех православно верующих. Какая путаница понятий будет вызвана тем, что то самое русское правительство, которому Толстой убеждал своих последователей не повиноваться, как бы в благодарность за этот своеобразный призыв втридорога платит за его имение из казенных средств.

По всем этим соображениям необходимо отклонить предложение о приобретении в собственность казны Ясной Поляны».

18 ноября 1911 года Софья Андреевна Толстая вторично обратилась к царю. Она писала ему: «Если русское правительство не купит Ясной Поляны, сыновья мои, находящиеся, некоторые из них, в большой нужде, принуждены будут, хотя и с глубокой сердечной болью, продавать ее участками или полностью в частное владение. И тогда сердце русского народа и потомков Льва Толстого дрогнет и опечалится тем, что правительство не защитило колыбели и могилы человека, на весь мир прославившего русское имя и столь любимого своей родиной и народом». Ожидаемого результата письмо не дало.

В Ленинградском областном архиве хранится «Дело канцелярии Мин. Вн. Дел № 92 по секретным журналам Совета Министров 1912 года». Заключительный документ этого дела — резолюция Николая II: «Нахожу покупку имения гр. Толстого правительством недопустимою. Совету министров обсудить только вопрос о размере могущей быть назначенной вдове пенсии. 20/XII 1911 г.»

Ясная Поляна, к счастью, не была продана частным владельцам; но и не стала она всенародным достоянием.

Она продолжала оставаться имением семьи Толстого. Так длилось шесть лет.

Наступил 1917 год. 5 марта С. А. Толстая записывает в своем Ежедневнике: «Знаменательный для Ясной Поляны день. Пришли с Косой горы рабочие чугунолитейного завода с красными флагами и значками поклониться дому и вдове Толстого. Ходили с портретом Льва Николаевича на могилу по глубокому снегу и в очень резкий ветер... Рабочие пели, говорили речь, все о свободе. Я в ответ тоже сказала речь краткую о заветах Льва Николаевича. На могиле пели «Вечную память» и делали фотографические снимки». Этот «знаменательный», по выражению С. А. Толстой, день положил начало целому ряду знаменательных событий в жизни Ясной Поляны.

Буржуазное Временное правительство так же мало сделало для увековечения Ясной Поляны, как и царское правительство. В 1917 году волна разгромов помещичьих усадеб прокатилась по Тульской губернии; соседние с Ясной Поляной имения были разгромлены. Ясная Поляна была под ударом. Меры для спасения Ясной Поляны были приняты президиумом Совета рабочих и солдатских депутатов, который решительно заявил: «Тульский совет не допустит разгрома усадьбы «Ясная Поляна», имеющей историческое значение». Благодаря сознательному отношению местного крестьянства и во-время принятым местной властью мерам Ясная Поляна была спасена.

Летом 1917 года по общественной инициативе в Туле возникло общество, позднее оформленное под названием Просветительное общество «Ясная Поляна» в память Л. Н. Толстого. Главной задачей общества было сохранение Ясной Поляны и могилы Толстого. Кроме того, общество делало попытки устройства культурно-просветительных учреждений.

Только с переходом власти к Советам коренным образом изменилось отношение к Ясной Поляне. В 1918 году, по ходатайству общества «Ясная Поляна», Наркомзем (отношением от 9 сентября за № 4899) сообщил тульскому земельному отделу о необходимости оказания обществу всякого содействия и поддержки в деле сохранения Ясной Поляны. Затем тульский губернский земельный отдел признал Ясную Поляну не подлежащей разверстке между

гражданами прилегающих селений. В том же 1918 году Комиссариат народного просвещения предпринял в Ясной Поляне постройку школы.

В 1919 году члены семьи Толстого, проживавшие в Ясной Поляне, не имея возможности собственными силами продолжать вести хозяйство в Ясной Поляне и поддерживать ее в надлежащем порядке, обратились к обществу «Ясная Поляна» с просьбой принять имение в свое управление. Общество обратилось в Совнарком с соответствующим ходатайством.

Вопрос о положении Ясной Поляны обсуждался 5 мая 1919 г. коллегией тульского губземотдела, признавшей необходимым выделить Ясную Поляну в общенациональную собственность с передачей имения в ведение общества «Ясная Поляна», которое при содействии тульского губземотдела должно управлять им. Одновременно коллегия постановила отпустить обществу 175 тысяч рублей на расходы, не терпящие отлагательства. Постановление это было представлено в Наркомзем, который в заседании от 27 мая постановил:

«1. Признать имение Ясная Поляна Тульской губернии имеющим государственное значение.

2. Передать управление им Просветительному обществу «Ясная Поляна» в память Л. Н. Толстого, под контролем и по инструкции Наркомзема».

Тогда же, 27 мая 1919 года, Народный комиссариат просвещения выдал охранную грамоту на дом и усадьбу, «представляющие исключительную культурно-историческую ценность и являющиеся национальным достоянием».

Летом 1919 года Ясная Поляна опять стояла перед угрозой разгрома и разрушения. С юга наступал Деникин. Он шел к Туле со стороны Орла, так что Ясная Поляна должна была попасть в сферу военных действий.

С. А. Толстая записывает в эти дни: «Слухи, что идет с войском Деникин бить большевиков. Но будет ли лучше, бог знает. Нам большевики все дают и нас ничем не обижают» (19 июля 1919 года). «Грозят сражением в Ясной Поляне, как только придет Деникин. До чего дожили. Говорят, что снаряды могут нас всех убить и разрушить наш дом» (30 сентября 1919 года).

Общество «Ясная Поляна» довело до сведения Совнаркома об угрожающем положении Ясной Поляны; Совнар-

Луга в Ясной Поляне.

Дом, в котором жил Толстой.
Вид со стороны парка. В настоящее время бытовой музей.

БИБЛИОТЕКА

ком тотчас же направил заявление общества в Реввоенсовет республики, который немедленно принял меры.

Ясная Поляна была сохранена.

Через несколько дней, 17 октября 1919 года, Коллегией охраны памятников искусства и старины была ассигнована специальная сумма на ремонт дома Толстого и флигеля в Ясной Поляне.

Так на защиту Ясной Поляны выступала с самого начала своего существования советская власть в лице своих местных и центральных органов.

В октябре 1919 года в Ясную Поляну приезжает М. И. Калинин, беседует с С. А. Толстой. К сожалению, нет записи беседы, и единственное, что сохранилось об этом посещении,— фотографии: М. И. Калинин и С. А. Толстая за столом яснополянского дома и М. И. Калинин в группе яснополянских крестьян на могиле Толстого.

Основная и главнейшая задача, взятая на себя общественностью и учреждениями,— сохранить Ясную Поляну — была выполнена, попытки же превращения Ясной Поляны в культурно-просветительный центр не вышли пока еще из первоначальной стадии. Постройка школы закончилась на том, что был заложен бут под фундамент. Спланированное в 1919 г. сооружение шлаковой дороги от Киевского шоссе до деревни Ясная Поляна не пошло далее выполненных в 1920 году земляных работ. Но одно крупнейшее мероприятие было проведено в эти годы — усадьба и вся деревня Ясная Поляна были электрифицированы.

10 июня 1921 года постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета усадьба Ясная Поляна была национализирована и передана в ведение Народного комиссариата просвещения с тем, чтобы в ней был создан культурно-просветительный центр. Этим историческим постановлением ВЦИК прежде всего положено прочное основание к охране усадьбы и музея. Пункты 4 и 5 точно и четко указали, в каком направлении должна вестись работа музея-усадьбы.

«§ 4. Хранитель Ясной Поляны обязан как дом-музей со всей его обстановкой, так и могилу Л. Н. Толстого, лес, его окружающий, и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе и вообще весь внешний вид последней поддерживать и сохранить в историческом

и неприкосновенном виде, восстановляя то, что пришло в ветхость или было почему-либо разрушено после смерти Толстого.

§ 5. Хранителю Ясной Поляны вменяется также в обязанность создать из Ясной Поляны культурно-просветительный центр с библиотекой-читальней, школой грамотности, организуя чтения и лекции самого общего, широкого культурно-просветительного характера, в частности о Толстом, спектакли, художественно-научные выставки, экскурсии и т. п.»

Историческим постановлением от 10 июня 1921 года стало собственностью государства все заповедное имение Ясная Поляна, состоящее из 211 десятин земли, парка, сада, лугов, лесов и распашной земли и из ряда строений—большого дома, в котором с 1856 года до последних дней своей жизни жил Л. Н. Толстой, флигеля, в котором в шестидесятых годах помещалась школа Толстого, здания, предназначавшегося дедом Толстого князем Н. С. Волконским для ковровой и ткацкой фабрики, и ряда хозяйственных построек.

Первой задачей, поставленной правительством, являлась охрана музея-усадьбы, второй — восстановление музейных комнат; до 1921 года лишь две комнаты — кабинет и спальня Толстого оставались неприкосновенными, остальные же комнаты дома были обитаемы, так как после смерти Толстого семья его продолжала жить в доме. Было решено всю старую усадьбу, в которой родился, жил и похоронен Толстой, восстановить и сохранить в том виде, в каком она была в 1910 году, в последний год жизни Толстого. Но все работы, связанные с реставрацией усадьбы, начались несколько позднее, а в первый период после постановления правительства широко развернулась главным образом работа культурно-просветительная, предуказанная этим постановлением.

Вся земля заповедного имения по постановлению ВЦИК перешла в пользование трудовой коммуны. Коммуна просуществовала менее года, после чего, с разрешения Наркомзема, организовалась артель служащих музея и школы. Основной задачей артели было сохранение всей усадьбы в ее неприкосновенном виде и в то же время организация такого культурного хозяйства, которое бы «по своим методам приближалось к типу образцовых показательных хозяйств для окружающего населения и посетителей Ясной По-

ляны», как это предписывалось § 9 постановления ВЦИК. Свои небольшие доходы хозяйство ежегодно вкладывало в различные усовершенствования, покупку сельскохозяйственных машин, закладку плодового питомника для подсадки старого сада и прочее. 4 марта 1925 года артель была ликвидирована и весь земельный участок с хозяйством был передан управлению музея-усадьбы.

Наряду с работой по организации культурного хозяйства велась культурно-просветительная работа среди окружающего населения. Первым шагом в этом направлении было основание школы. До 1917 года в Ясной Поляне существовало только начальное церковно-приходское училище с одной учительницей, которое после революции перешло в ведение крапивенского уездного отдела народного образования. Попытка общества «Ясная Поляна» организовать школу, как уже отмечалось выше, реализована не была. В 1922 году школа УОНО была передана в ведение музея Ясная Поляна. Школа помещалась в бывшей церковно-приходской школе, единственном школьном здании в Ясной Поляне. В том же 1922 году при музее-усадьбе была организована школа-мастерская для подростков на 15 человек. Там ученики работали на самодельных верстаках, там же занимались общеобразовательными предметами.

В 1923 году яснополянская школа вместе с мастерскими и народной библиотекой была названа Опытной станцией Главсоцвоса. К осени 1923 года станция выстроила четырехклассную школу. Встал неотложный вопрос о постройке специально оборудованного здания для школы. Первоначально в 1921 году была составлена смета на постройку деревянного здания. Но быстрый рост станции, растущие запросы населения опрокинули уже устаревшие проекты. Жизнь требовала постройки большого каменного здания для школы второй ступени. Началась постройка каменного здания, школа тем временем продолжала расти и развиваться.

Почти одновременно с организацией школы обсуждался и реализовался план организации медицинского участка. С 1923 года в Ясной Поляне была открыта амбулатория. В 1925 году она стала участковой, и губздрав приписал к ней 18 селений. Таким образом организовался яснополянский медицинский участок с радиусом в 12 верст и общим количеством населения около 8 тысяч человек.

В 1925 году в связи с приближающимся столетием со дня рождения Толстого, учреждения имени Толстого составили проект мероприятий по ознаменованию этой даты и представили его на рассмотрение советского правительства. Проект ознаменования столетнего юбилея был одобрен и утвержден Советом Народных Комиссаров 16 июня 1925 года. Совнарком поручил Наркомпросу и Наркомздраву осуществить к этой дате ряд мероприятий, в том числе ремонт всех зданий в Ясной Поляне, расширение опытно-показательной станции, преобразование яснополянской амбулатории в участковую больницу.

С этого момента работа музея-усадьбы и опытной станции получает свое дальнейшее развитие. Рассчитанный на три года план по восстановлению музея-усадьбы предусматривал следующие работы: ремонт дома-музея, флигеля, дома Волконских, восстановление парка, башен и сторожки при въезде, очистку прудов, приведение в порядок личной библиотеки Толстого. План расширения опытной станции предусматривал достройку и дооборудование школы-памятника Л. Н. Толстому, открытие яслей, детского сада, расширение сети изб-читален и ликпунктов. На осуществление всех этих работ было ассигновано 58 тысяч рублей.

К столетнему юбилею музей пришел с большими успехами. Весь дом был превращен в музей, произведена реставрация комнаты под сводами, в которой в шестидесятые и девяностые годы был кабинет Толстого. Произведен ремонт и реставрация флигеля,—в нем открыт небольшой музей на тему «Толстой в Ясной Поляне». Личная библиотека Толстого была приведена в полный порядок. Для работы были приглашены из Москвы сотрудники под руководством специалиста. Библиотека была изучена, был проведен полный учет, составлен каталог. Библиотека Толстого, состоящая из 22 473 томов на двадцати языках, дает интереснейший материал для изучения творческих процессов, а также читательских интересов Толстого. Эта ценнейшая библиотека сохранена и доступна для подробного и глубокого изучения.

К 1928 году начаты были работы по восстановлению парка: выкорчевывались пни погибших деревьев и на те же места подсаживались деревья 20—25-летнего возраста той же породы. Восстановлены были дорожки, скамейки, на которых любил отдыхать Толстой.

Музей в эти годы вел большую экскурсионную работу.

Посещаемость с каждым годом увеличивалась. В 1920 году прошло через музей 2 тысячи человек, в 1922 году — 6 228; в 1928 году — 8 018 человек.

С неменьшими достижениями пришла к столетнему юбилею опытная станция, работавшая в сотрудничестве с музеем-усадьбой. К тому времени были организованы и работали две школы первой ступени с восемью преподавателями, школа второй ступени с одиннадцатью преподавателями, два детских сада в двух деревнях—Ясной Поляне и Телятинках—на 250 детей, мастерские с четырьмя преподавателями, интернат на 40 человек и народная библиотека. Кроме того, в летний период станция организовала работу на четырех детских площадках, принимала участие в работе яслей и открыла временный санаторий на 17 детей.

Из двух школ — одна девятилетка с сельскохозяйственным уклоном. Задачей школы была работа по оказанию содействия переходу крестьян на многополье. В течение нескольких лет школа изучала правильные севообороты, вводила различные виды посевов, вела беседы в избе-читальне и Народном доме. В результате этого в скором времени пять деревень района перешли на многополье. Одновременно внимание школы было направлено на животноводство. В течение двух лет ученики вели совместно с агрономом контрольно-ассистентскую работу в Ясной Поляне, а затем и в других деревнях. Старшие учащиеся стали завоевывать доверие населения: нередко крестьяне обращались к ним за разными советами и с различными просьбами, связанными с сельским хозяйством. Школа девятилетка готовила своих учеников к поступлению в сельскохозяйственные учебные заведения и, кроме того, давала им возможность работать в деревне в качестве лесных старост, контроль-ассистентов, помощников агрономов.

Вторая школа — школа семилетка, возникшая из организованной в 1922 году школы-мастерской, к 1928 году уже имела механизированную столярную мастерскую, частично были оборудованы слесарная и швейные мастерские. Школа ставила задачей выпускать после трехгодичного срока обучения столяров, монтеров сельскохозяйственных машин и швей.

Всего учащихся опытной станции к 1928 году было 430 человек, что составляло 61% детей школьного возраста всего района.

В 1928 году была закончена постройка каменного здания для школы и здания для квартир педагогов. Школа представляла собой большой дом с одиннадцатью классами, лабораторией, физическим кабинетом, залом со сценой и оборудованием для кино. Постройка и оборудование этих зданий обошлись около 200 тысяч рублей.

Школа — это важнейший памятник Толстому, который всегда считал, что «насущнейшая потребность русского народа есть народное образование» (письмо к Е. П. Ковалевскому 12 марта 1860 года). Намечая в том же письме к Е. П. Ковалевскому проект организации общества народного образования, Толстой писал: «...говорю вам без фразы, что возможно будет или нет такое общество, я положу все, что могу, и все мои силы на исполнение этой программы... Позволят или нет, а я хоть один, а все буду составлять тайное общество народного образования».

В том же 1928 году закончилось строительство больницы с амбулаторией, зубоврачебным кабинетом и прочими учреждениями. Организовался «образцовый медицинский участок». Стоимость постройки и оборудования медицинского участка выразилась в сумме около 500 тысяч рублей.

Архитектура новых построенных зданий не нарушала общего стиля построек усадьбы Ясная Поляна.

И школа и больница имени Л. Н. Толстого были открыты в дни празднования столетия со дня рождения Толстого. Великому писателю был сооружен достойный яснополянский памятник. Ясная Поляна могла рапортовать правительству о выполнении его постановления.

Столетие со дня рождения Толстого было торжественно отпраздновано в Ясной Поляне. Приезжал нарком просвещения А. В. Луначарский, среди гостей были представители советской общественности и советских писателей и специально приглашенные к этому дню писатели и общественные деятели десяти стран: Стефан Цвейг, Бернгард Келлерман, профессор Ло-Гатто и др.

Время после 1928 года можно считать новым этапом в жизни Ясной Поляны. Опытная станция, переведенная за пределы территории музея, быстро разрасталась и развивалась, функции и задачи опытной станции и музея-усадьбы необходимо было четко разделить; учреждения опытной станции оформились на самостоятельных участках и перерастали в самостоятельные учреждения. Жизнь вносила коррективы в существовавшее до того времени

положение вещей. Встал вопрос об отделении музея-усадьбы от опытной станции.

Отношением от 10 мая 1930 года Наркомпрос предписал сосредоточить управление всеми музеями имени Толстого в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве, и музей-усадьба Ясная Поляна перешел на положение филиала Толстовского музея; школа перешла в ведение Наркомпроса, больница — в ведение Наркомздрава. Но практически это окончательное размежевание осуществилось несколько позже.

После довольно большой работы по реставрации музея-усадьбы и очень большой культурно-просветительной работы, развернутой к столетию со дня рождения Толстого, коллектив музея с 1930 года сосредоточил свое внимание главным образом на работе научно-исследовательской; основными темами были: изучение истории Ясной Поляны и отражение Ясной Поляны в творчестве Толстого. История Ясной Поляны изучалась по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII столетий и по ревизским сказкам. В тульском областном архиве изучались документы, характеризующие землевладения Волконских и Толстых. Подбирался материал к истории меморативных зданий на усадьбе. Одновременно велась работа по изучению генеалогии крестьян Ясной Поляны, в результате чего был собран материал о людях, изображенных в художественных произведениях Толстого. Реставрационные же работы за этот период ограничились восстановлением кучерской избы, сгоревшей в 1921 году, и реставрацией нескольких предметов (тканей) из бытового музея.

19 апреля 1933 года Ясную Поляну посетил Л. М. Каганович. Находясь в Туле, он не мог, как он говорил, не заехать в столь всем известную историческую усадьбу великого писателя. Осмотрев с большим интересом и вниманием дом, в котором жил Толстой, осмотрев всю усадьбу и познакомившись с ведением хозяйства, т. Каганович дал ряд советов к дальнейшей работе.

Приближалась новая юбилейная дата — двадцатипятилетие со дня смерти Толстого, — широко отмеченная и правительством и общественностью. Были отпущены дополнительные ассигнования, и в Ясной Поляне вновь развернулись реставрационные, охранные и ремонтно-строительные работы. Как по дому, в котором жил Толстой, так и по другим меморативным постройкам — флигель, дом Вол-

конского, рига, конюшня, молотильный сарай — была произведена частичная реставрация, восстановлена сгоревшая в 1918 году баня. Начата работа по приведению в порядок плодового сада, в котором Толстой много работал и посадкой которого занимался особенно в 50 и 60-е годы, годы его наибольшего увлечения хозяйством. В рассказе для детей «Старый тополь» Толстой вспоминал о своих работах по приведению в порядок своего хозяйства: «Когда я после 5 лет службы вернулся домой, я стал приводить в порядок свое хозяйство, дом и сад. Все без меня расстроилось. Поля плохо родили, в доме крыша текла и подопрели стены, а сад заглох, и заросли все дорожки. Другие дела шли само собой. Я присматривал за ними, а до саду я большой охотник и потому взял 4 работников с топорами и лопатами и работал с ними в саду». Впервые в этот год было обращено внимание на пасеку, где, особенно в начале 60-х годов, Толстой «целыми днями летом пропадал», как вспоминает С. А. Толстая в своей автобиографии. «Жизнь пчел так интересовала его, что в одно время летом он только о них и говорил, читал книги о пчелах, заказывал особенные рамные ульи и забывал весь мир». В 1934 году эта пасека восстановлена в том виде, в каком она была в последний год жизни Толстого.

Повышение культурного и политического уровня населения, возросший интерес к творчеству Толстого, с каждым годом растущая посещаемость музея требовали большой массовой работы как в музее, так и вне его. На предприятиях Тулы и Тульской области, на шахтах Щекинского района, в Щекинском клубе «Горняк», в колхозах устраивались передвижные выставки, в которых особенно подчеркивалось, как тесно связано творчество Толстого с Ясной Поляной; читались лекции, доклады, организовывались беседы, художественное чтение. Особенно широко внемузейные мероприятия проводились в 1935 году—год 25-летия со дня смерти Толстого, и в 1938 году — 110-летие со дня рождения Толстого. За три дня, 9—11 сентября 1938 года, в Ясную Поляну съехались посетители из разных концов Союза, 2 600 человек прошло через музей в эти дни. В помещении школы имени Л. Н. Толстого были устроены торжественные заседания с участием общественных организаций Москвы, Тулы, Тульской области и района, а также родственников и друзей Толстого, горняков Щекинского района, колхозников окружных колхозов.

Бытовой музей. Кабинет Толстого.

Бытовой музей. Зал.

Мероприятия по благоустройству Ясной Поляны коснулись и деревни. Была проложена шлаковая дорога по деревне, остававшиеся еще кое-где соломенные крыши сменились черепичными, перед домами были разбиты палисадники.

Школа и больница имени Толстого также выросли за эти годы. В школе была сделана пристройка, увеличившая площадь школы в 2 раза, оборудованы лаборатория, физический и химический кабинеты, открыта библиотека-читальня, столовая. Перед школой разбит парк. В больнице произведен капитальный ремонт и она переоборудована по специальному проекту Института санитарии и культуры. На переоборудование больницы было затрачено около полмиллиона рублей.

Большое внимание уделяли усадьбе Ясная Поляна тульские областные директивные органы. 4 августа 1939 года специально обсуждался вопрос о музее-усадьбе Ясная Поляна и было вынесено решение усилить внимание к вопросам охраны, реставрации и к научной и массовой работе.

Учреждения имени Толстого разрастались, деятельность их развивалась. В эпоху общего расцвета культуры и научной мысли в нашей стране они должны были занять свое почетное место. И 27 августа 1939 года состоялось второе историческое постановление советского правительства о Государственном музее Л. Н. Толстого. «В целях создания единого научно-исследовательского учреждения по разработке литературного наследства Л. Н. Толстого и правильного научного и высоко художественного показа в музее его творчества», как гласит § 1 этого постановления, Совет Народных Комиссаров СССР постановил Государственный музей Л. Н. Толстого с филиалами: музей-усадьба в Москве, музей-усадьба в Ясной Поляне и толстовская комната на станции Лев Толстой — из системы Наркомпроса передать в ведение Академии наук СССР.

17—21 октября 1939 года была оформлена передача музея-усадьбы Ясная Поляна. Наступил новый этап в ее истории. Полностью восстановить, охранять и сохранить этот исторический памятник исключительной ценности — главнейшее задание нового руководства.

Проведен большой ремонт здания бытового музея, реставрирована часть мебели, специалистами — реставраторами Государственной Третьяковской галлереи—реставрированы висящие в доме Толстого 29 портретов работы

Репина, Ге, Серова и др. Ремонтирован флигель и в нем к 1 мая 1940 г. развернута экспозиция, которая на подлинных, частью уникальных экспонатах дает научно-обоснованный и художественно-оформленный музейный показ жизненного и творческого пути Толстого, связь его с Ясной Поляной, а также современное состояние деревни Ясная Поляна.

Огромная и первейшей важности работа начата была по восстановлению сада, парка и лесного заповедника—мест, так близко связанных с Толстым. Здесь Толстой гулял, думал, записывал свои мысли, обдумывал свои сочинения. «Он, как очень немногие, любил и чувствовал красоту лесов, полей, лугов, неба... Придя с прогулки, он иногда приносил какой-нибудь редкий для наших мест цветок, какой-нибудь особенно большой колос, весной — красненький цветок орешника, осенью — необыкновенно окрашенный лист, причудливые сережки бересклета; сам любуется этим и показывает нам»[1]. Эти места описаны Толстым в его художественных сочинениях, они же послужили фоном, на котором крупные мастера искусства, И. Е. Репин, М. В. Нестеров и др., изображали Толстого. В картине Репина «Толстой на пашне» изображен лес «Мурыгины кусты», в картине «Толстой за книгой» — вековые липы яснополянского парка, так называемые Клины; Нестеров написал портрет Толстого на фоне еловой аллеи, на берегу пруда, отделяющего деревню от усадьбы.

Засуха 1938/39 года и сильные морозы 1939/40 года повредили часть насаждений, главным образом плодовые деревья. Много деревьев и в саду и в парке погибло от старости. Благодаря ряду агротехнических мероприятий, проведенных в 1940 году, гибель сада удалось предотвратить. По постановлению президиума Академии наук СССР от 29 апреля 1941 года начата была грандиозная работа по восстановлению парка и леса, осуществляемая квалифицированными работниками Ботанического сада Академии наук. В разных местах леса и парка посажено около 500 саженцев разных пород в возрасте от 4 до 6 лет, 80 деревьев в возрасте от 20 до 30 лет и до 100 кустарников. У могилы Толстого взамен погибших посажены четыре дерева: шестидесятилетний дуб, ясень и две липы.

---

[1] *С. Л. Толстой*, Мой отец в семидесятых годах, «Красная новь», 1928, № 9, стр. 189.

Кроме того, проведены санитарные рубки и очистка леса на площади в 100 гектаров.

Охранно-музейные мероприятия вышли за пределы усадьбы. Музей взял в свое ведение исторически неотделимый от Ясной Поляны погост Кочаки, где покоится прах предков, детей и жены Толстого.

Так бережно и внимательно охраняло и сохранило советское правительство Ясную Поляну. Сохранена Ясная Поляна, в которой формировался Толстой-человек, которая давала темы и образы Толстому-писателю. В Ясной Поляне, как в фокусе, отражались общественные явления второй половины XIX столетия. К ней было приковано внимание всего мира, при жизни Толстого сюда стекались люди со всего света. И после смерти Толстого в Ясную Поляну приезжали люди со всех концов нашего великого Союза, из разных стран мира. Место жизни и творчества Толстого превратилось в культурный памятник мирового значения. Не правительство Николая II, а российский пролетариат взял на себя охрану исторической Ясной Поляны. Свершилось то, что было неосуществимо, когда умер Толстой,— Ясная Поляна стала достоянием всенародным.

22 июня 1941 года, день, нарушивший всю жизнь нашей страны, нарушил и работу в Ясной Поляне, но и в эти суровые дни войны сотни людей продолжали приходить в музей Ясная Поляна. Сильно только изменился посетитель музея. Вокруг Ясной Поляны были расположены воинские части, в яснополянской больнице имени Толстого помещался военный госпиталь, по железной дороге, по шоссе мимо Ясной Поляны шли и ехали люди, покидавшие свои жилища во временно занятых врагом районах. И бойцы Красной Армии, и персонал санитарных поездов, и беженцы, проходя мимо Ясной Поляны, не могли не зайти в знаменитую яснополянскую усадьбу. Посещаемость этих дней красноречивее всяких слов показывает, насколько дорого имя Толстого народам нашей страны. Они приходили в любое время дня, приходили утомленные, покрытые пылью, и двери государственного национального музея были открыты для них всегда. Они с волнением осматривали дом и слушали рассказы о жизни и работе Толстого.

Утром 29 октября Ясная Поляна была занята немцами. Бывали немцы в Ясной Поляне и раньше. «Робко, как богомольцы, поднялись по тихой лесной дороге до все отчетливее и белее выступавшего дома» Толстого известный

немецкий поэт Райнер-Мария Рильке и его друзья, приехавшие в Ясную Поляну 19 мая 1900 года [1]. «Я буду несчастнейший человек в мире, если мне придется уйти отсюда, не увидав Толстого»,—говорил немецкий журналист А. Пастор, приехавший в Ясную Поляну 22 августа 1910 года. 10 сентября 1928 г. посетил Ясную Поляну Бернгард Келлерман, специально приехавший в Россию ко дню празднования столетнего юбилея со дня рождения Толстого.

Но немцы, воспитанные Гитлером, вошли в яснополянский дом как вандалы-громилы. То, что сделали они в Ясной Поляне, — иллюстрация к одобренному Гитлером приказу командующего 6-й германской армией генерал-фельдмаршала фон-Рейхенау от 10 октября 1941 года «О поведении войск на Востоке»: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». В Ясной Поляне в полной мере проявилась ненависть немецких оккупантов к русскому народу и их сознательная политика разрушения русской культуры.

14 декабря Ясная Поляна была освобождена от варварского нашествия, и она опять принадлежит русскому народу. Немедленно начались работы по восстановлению ее. Следы полуторамесячного пребывания врага уничтожены, и Ясная Поляна сохранена и восстановлена. Опять будут приезжать туда люди со всех концов нашего Союза и из разных стран мира. Ясная Поляна останется достоянием всенародным.

---

[1] «Литературное наследство», 1939, № 37—38, стр. 710.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК О ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

1. Усадьба *Ясная Поляна,* расположенная в Тульской губ. Крапивенского уезда, с домом его и обстановкой, парком, фруктовым садом, лесом, посадками, пахотной, луговой, огородной и неудобной землей и надворными постройками является национальной собственностью РСФСР.

2. Заведывание и управление Ясной Поляны в целом принадлежит Наркомпросу, по Отделу по делам Музеев и охране памятников искусства и старины (Главмузей).

3. Наркомпрос для указанной в § 2 цели назначает от себя хранителя Ясной Поляны по соглашению с Тульским губисполкомом. В случае разногласия вопрос на окончательное решение вносится в Президиум ВЦИК.

4. Хранитель Ясной Поляны обязан как Дом-Музей, со всей его обстановкой, так и могилу Л. Н. Толстого, лес, его окружающий, и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе и, вообще, весь внешний вид последней поддерживать и сохранять в их историческом и неприкосновенном виде, восстановляя то, что пришло в ветхость или было почему-либо разрушено после смерти Толстого.

5. Хранителю Ясной Поляны вменяется в обязанность создать в Ясной Поляне культурно-просветительный центр, с библиотекой-читальней, школой грамотности, организуя чтения и лекции самого общего широко-культурного просветительного характера, в частности о Толстом, спектакли, художественно-научные выставки, экскурсии и т. п.

6. В случае необходимости для указанных в § 5 целей воздвигнуть новые здания, за невозможностью приспособить ныне существующие, хранитель входит с соответствующим представлением в Главмузей, причем на него возлагается обязанность следить за тем, чтобы вновь воздвигнутые строения не нарушили общего исторического вида усадьбы в целом.

7. Штаты сотрудников, необходимых для обслуживания указанных в §§ 4, 5 и 6 целей, разрабатываются хранителем Ясной Поляны, представляются им в Главмузей и утверждаются в общем порядке.

8. Сотрудники, предусмотренные штатами, приглашаются хранителем Ясной Поляны и утверждаются в должности Главмузеем.

9. Пахотная, огородная и луговая земля, а также фруктовый сад, принадлежащие усадьбе, обрабатываются и культивируются под общим наблюдением Наркомзема... с тем, чтобы организация хозяйства по своим методам приближалась к типу образцовых, показательных хозяйств для окружающего населения и посетителей Ясной Поляны...

12. Прочистка леса производится... по указаниям хранителя Ясной Поляны...

14. Хранитель Ясной Поляны имеет право по всем делам, касающимся Ясной Поляны, входить в сношение со всеми центральными и местными правительственными учреждениями, а также с разрешенными советскою властью частными учреждениями и предприятиями.

15. Каждый гражданин РСФСР имеет свободный доступ в Ясную Поляну для обозрения ее в дни и часы, устанавливаемые хранителем Ясной Поляны.

16. Хранитель Ясной Поляны имеет право... разрешать ближайшим родственникам Толстого проживать в Ясной Поляне, а друзьям его и проч. лицам гостить и отдыхать в свободных помещениях последней...

17. В целях облегчить возможность всем гражданам, и в особенности учащимся, желающим посетить Ясную Поляну, ознакомиться с исторической усадьбой — между Москвой и ст. Ясная Поляна М.-К. ж. д. циркулирует не менее одного пассажирского вагона для экскурсантов, регулярно отходящего из Москвы и возвращающегося обратно не реже одного раза в неделю и прицепляемого к одному из пассажирских поездов, по соглашению с Народным комиссариатом путей сообщения.

18. Настоящее положение входит в силу с момента его утверждения и может быть изменяемо и дополняемо соответственными постановлениями ВЦИК КР и КД по представлениям Наркомпроса.

Председатель ВЦИК *М. Калинин*

10 июня 1921 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА СССР

от 27 августа 1939 г.

за № 1288

«О Государственном музее Л. Н. Толстого».

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. В целях создания единого научно-исследовательского учреждения по разработке литературного наследства Л. Н. Толстого и правильного научно-художественного показа в музее его творчества, считать целесообразным: Государственный музей Л. Н. Толстого с филиалами: музей-усадьба в Москве, музей-усадьба «Ясная Поляна» и Толстовская комната на ст. Лев Толстой из системы Наркомпроса РСФСР передать в ведение Института мировой литературы Академии наук СССР.

2. Сосредоточить в Государственном музее Л. Н. Толстого все материалы, связанные с жизнью и творчеством великого писателя: подлинные рукописи и письма, архивные дела и документы, живопись и графику, скульптуру, предметы быта, редкие книги.

3. Обязать Всесоюзную Библиотеку имени В. И. Ленина, Центральное Архивное Управление, государственные музеи и библиотеки и другие учреждения передать музею Л. Н. Толстого имеющиеся у них материалы, связанные с жизнью и творчеством Толстого.

4. Поручить Совнаркому РСФСР провести передачу музея Л. Н. Толстого из системы Наркомпроса РСФСР в ведение Института Мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

В месячный срок освободить помещения музея Л. Н. Толстого и его филиалы от жильцов и учреждений.

п. п. Председатель СНК Союза ССР *В. Молотов*
Управляющий Делами СНК Союза ССР *Хохлов*

Е. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

МУЗЕЙ-УСАДЬБА «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Станция Ясная Поляна, бывшая Козлова Засека, находится в 10 километрах к югу от города Тулы. Поезд подходит к перрону. С нетерпением вглядываетесь вы в небольшой одноэтажный станционный домик, окрашенный в желтовато-розовый цвет. Сколько раз именно отсюда уезжал и сюда возвращался Лев Николаевич Толстой.

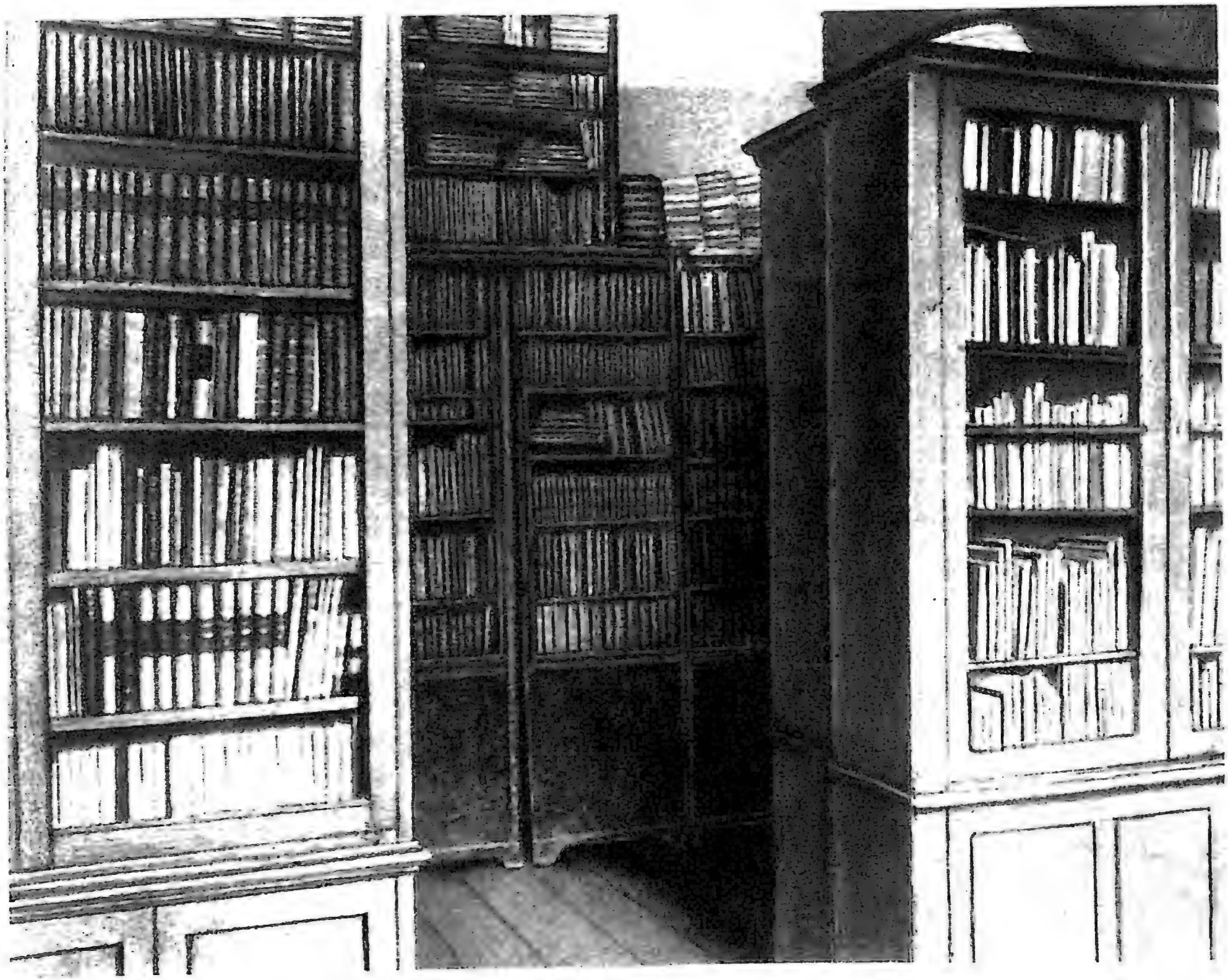
Вы входите в дом. Со стены глядит на вас большой портрет Толстого. Множество документальных фотографий, изображающих Толстого в его рабочем кабинете, на прогулке, на любимой скамеечке, верхом на Делире, с крестьянами и т. д. Это выставка «Толстой в Ясной Поляне», организованная Государственным музеем Л. Н. Толстого.

Широкая русская дорога, окаймленная лиственным лесом, то подымается, то опускается и уходит в даль. Когда бы вы ни шли — зимою, весною, летом или осенью,— эта дорога всегда прекрасна.

Пройдя километра два с половиной, вы увидите направо прекрасное белое каменное здание больницы имени Л. Н. Толстого, амбулаторию, дома для медицинского персонала. Эта больница выстроена советским правительством в 1928 году. После того как фашисты, захватив Ясную Поляну, поместили в больнице своих лошадей, она представляла загаженное, полуразрушенное здание. В настоящее время больница почти восстановлена.

Далее, налево на холме, возвышается Яснополянская школа, также имени Л. Н. Толстого, для крестьянских ребят, общежитие для учеников, приехавших издалека, дома для учителей, ясли. Все это тоже построено в 1928 году. На месте всех этих зданий германские захватчики оставили обуглившиеся обломки. От бывшего великолепия оста-

Школа имени Толстого.



Бытовой музей. Библиотека Толстого.

лась только находившаяся в вестибюле громадная, около четырех метров, гипсовая скульптура работы Королева, изображающая Толстого.

Но вот, наконец, вы у цели вашего путешествия. Видна купа деревьев. Это усадьба Толстых, с 1921 года — Государственный музей.

Глубокое волнение охватывает вас при виде белых каменных башен, столь известных вам по многочисленным воспроизведениям — это въезд в усадьбу. Вы подымаетесь в гору по «прешпекту» — широкой тенистой дороге, обсаженной высокими елями. Справа — парк, оранжереи; слева — большой пруд, за ним деревня Ясная Поляна. Дорога заканчивается узкой дорожкой, окаймленной кустами сирени. Перед вами главный дом, построенный Н. С. Волконским, но переделанный и достроенный Толстым по его собственному плану и под его руководством. В настоящее время это Бытовой музей.

Дом поражает своей простотой: кирпичный, оштукатуренный, окрашенный белой краской, двухэтажный, с зеленой крышей, с небольшим балкончиком на втором этаже с главного фасада и с большой террасой, густо заросшей диким виноградом, слева. Вы выходите на площадку, к «дереву бедных». На скамейке около этого дерева Толстой часто беседовал с посетителями. Против «дерева бедных» главный вход в дом. Вы входите в переднюю, и вас охватывает особый запах, свойственный только этому дому — аромат дома обжитого в течение многих лет, смесь запаха натопленных печей, сосновых полов, старинных книг. Все в этом доме, как и во всей усадьбе, сохранено и поддерживается в том самом виде, в каком оставил его Толстой, уйдя из Ясной Поляны 28 октября 1910 года.

Передняя обставлена шкафами с книгами. Уже корешки этих книг дают посетителю представление о широте и разнообразии интересов великого писателя. Направо — шкаф с охотничьими ружьями Толстого. На стенах висят оленьи рога. Передняя разделена на две части перегородкой, не доходящей до потолка. За перегородкой находится комната камердинера Толстого, Ильи Васильевича Сидоркова.

По прямой деревянной лестнице, покрытой крестьянской плетеной дорожкой (полы во всем доме покрыты такими дорожками, и 150 метров таких дорожек похищены фашистами), вы поднимаетесь во второй этаж дома и попадаете

в библиотеку Толстого. В желтых ясеневых шкафах размещена эта ценнейшая в мире библиотека, она включает около 23 тысяч томов. Начало этой библиотеки положено отцом Толстого Николаем Ильичем Толстым. Она не дает точной картины интересов и вкусов писателя, так как в ней же находятся книги, которые приобретались членами семьи Толстого. Но все же она дает достаточно материала для изучения читательских интересов Толстого. Книги можно разделить на следующие группы: книги, произведшие большое впечатление на Толстого, сочинения крупнейших русских писателей, как классиков, так и современных Толстому, книги, находящиеся в тесной связи с его творчеством, книги по вопросам педагогики, богословские и религиозные, по социальным вопросам, книги по искусству, сочинения философов и мыслителей на русском и иностранных языках. Здесь можно видеть книги замечательных русских писателей: Горького, Тургенева, Островского, Некрасова, Чехова, Куприна с дарственными надписями Толстому, говорящими о восторге и преклонении перед его могучим талантом. Библиотека хранит следы связи Толстого со всем современным ему миром, со всеми частями света. Книги из Америки, Индии, Китая, Японии, Англии, Франции, Швеции, Италии и других. На них автографы Ромен Роллана, Ганди, Эптона Синклера, Бернарда Шоу. Самой большой ценностью являются книги, носящие следы чтения Толстого: черточки ногтя на полях, загнутые уголки, подчеркнутые и отчеркнутые места, заинтересовавшие Толстого, и, наконец, записи на полях. Особый интерес представляют сохранившиеся в библиотеке Толстого «Капитал» Маркса и экземпляр большевистского сборника «О бойкоте третьей думы» издания 1907 г., со статьей Ленина «Против бойкота». Обе книги с пометками Толстого. Интересна также запись на полях второго тома «Истории Отечественной войны» Богдановича — запись, целиком вошедшая в окончательный текст «Войны и мира».

На площадке лестницы стоит знаменитое кресло на колесах, которым Толстой пользовался во время болезни.

Дверь направо ведет в зал. Это очень большая комната, одновременно являющаяся и залом и столовой. Она более нарядна, чем другие комнаты. Стены гладко выбелены, но пол паркетный, тогда как в прочих комнатах он из сосновых досок. Шесть окон, находящихся на двух противоположных стенах зала, одни на юго-восток, другие на северо-

запад, заливают зал светом. Мебель в зале очень проста и уютна. Справа и слева от входной двери стоят два рояля в черных клеенчатых чехлах. На этих роялях играли Толстому все приезжавшие в Ясную Поляну известные музыканты: композиторы Аренский и Танеев, пианистка Ванда Ландовска, профессор К. Н. Игумнов и народный артист республики А. Б. Гольденвейзер. Толстой обыкновенно слушал музыку, сидя в большом вольтеровском кресле с розовой обивкой, которое стоит между левым роялем и дверью, ведущей в гостиную. Знаменитый русский художник И. Е. Репин, друг и частый гость Толстых, во время своего последнего посещения Ясной Поляны в 1909 году написал маслом большой портрет Толстого, сидящим в этом кресле. Середину зала занимает длинный обеденный стол, покрытый белой скатертью. Приборы расставлены так, что кажется, будто семья Толстых сейчас соберется к столу. Известный по тысячам снимков никелированный самовар окружен чайным сервизом. Вокруг стола стоят простые венские стулья. В левом углу зала старинный круглый стол красного дерева, такой же диван и кресла; на столе лампа с большим бумажным плиссированным абажуром. У этого стола по вечерам собиралась вся семья Толстых с гостями и велись самые задушевные разговоры, а иногда Толстой что-нибудь читал вслух. Этот момент яснополянской жизни прекрасно изображен художником Л. О. Пастернаком. В простенке между окнами зала, на левой стороне, висят два больших зеркала в золоченых рамах с мраморными подзеркальниками. Зеркала перенесены сюда из старого дома, в котором родился Толстой. О них он упоминает в своих воспоминаниях детства. На левом подзеркальнике стоит бюст Толстого со сложенными руками, работы известного скульптора Паоло Трубецкого.

Вообще в этом музее вы не увидите мебели какого-нибудь одного стиля. Мебель переходила из поколения в поколение, ломалась, заменялась частично новой, и это-то естественное разнообразие и составляет одну из главных прелестей дома. Громоздкие старинные вещи, по большей части работы крепостных мастеров, перешедшие к Толстому от его дедов и родителей, были особенно дороги ему по воспоминаниям детства и юности. Он сохранял их до конца своей жизни и никогда не старался заменить их более новыми и более удобными. В двух противоположных

углах зала стоят бюсты Толстого — один работы И. Е. Репина, другой—работы Н. Н. Ге. В углу направо от входной двери гипсовый бюст С. А. Толстой, работы сына ее Льва Львовича Толстого. У кушетки против входа стоит маленький шахматный столик. Толстой, любитель шахматной игры, часто после длинного трудового дня, утомленный умственной работой, играл в шахматы за этим столиком. Сохранились наброски художников и имеются многие фотографии Толстого за игрой в шахматы у этого столика.

Главным украшением зала и гордостью музея являются портреты Толстого и его семьи работы лучших русских мастеров живописи. На противоположной от входа стене висят два портрета Толстого работы художника Крамского, 1873 года, и И. Е. Репина, 1887 года. Рядом с ним портрет С. А. Толстой работы Серова и портреты дочерей Толстого: Татьяны Львовны — работы И. Е. Репина и Марии Львовны — работы Н. Н. Ге. На внутренней стене портреты предков Толстого (масло) — работы неизвестных художников. Посреди—громадный в золотой раме портрет князя Николая Ивановича Горчакова, прадеда Толстого, рядом с ним портреты дедов Толстого: Ильи Андреевича Толстого, прообраз старого графа Ростова в романе «Война и мир», и Николая Сергеевича Волконского, строителя усадьбы Ясная Поляна — прообраз старого князя Болконского в романе «Война и мир». Портрет жены Волконского, княгини Екатерины Дмитриевны, бабки Толстого, и, наконец, направо от входной двери портрет инокини княгини Горчаковой, прабабки Толстого.

Все портреты в прекрасной сохранности, так как в 1940 году были реставрированы лучшими московскими реставраторами.

На рояли стоит граммофон с пластинками. Вы заводите его и в зале раздается голос Льва Николаевича.

Медленно проходит экскурсия и внимательно слушает экскурсовода, рассказы которого воскрешают моменты из жизни великого писателя и населяют музей его бывшими обитателями.

Левая дверь из зала ведет в гостиную. Это очень небольшая светлая комната, поражающая своей скромной обстановкой. Налево диван занимает почти всю стену, перед ним овальный стол красного дерева, кресла, дальше шкафчики. Направо маленький письменный столик С. А. Толстой; здесь, за этим столиком, она переписывала по многу раз руко-

писи Толстого. На стенах много портретов предков Толстого и большой портрет С. А. Толстой с маленькой ее дочерью, двухлетней Сашей, на руках, работы художника Н. Н. Ге. Над письменным столом Софии Андреевны висят фотографии ее детей, родных и знакомых.

По старинной манере в верхнем этаже дома нет коридора, и комнаты идут кругом одна из другой. Из гостиной вы проходите в кабинет Толстого. Солнечная, светлая комната; огромное итальянское окно со стеклянной дверью выходит на открытый балкон и парк. Вид отсюда зимой и летом полон очарования; аллеи парка Клины, в которых липы так высоки, что верхушки их, сплетаясь друг с другом, образуют как бы своды храма. Цветник, лужайка, а вдали домики яснополянской деревни. В этом кабинете находятся все вещи и книги, бывшие в нем в момент ухода Толстого из Ясной Поляны. Против входной двери стоит кожаный черный диван, на котором родился Толстой и на котором до последних дней своей жизни он отдыхал. Во время пребывания фашистов диван был поврежден. Посредине, боком к стене, стоит старый березовый письменный стол с зеленым потертым сукном и письменными принадлежностями. Это рабочий стол Толстого. В течение всей своей жизни в Ясной Поляне он работал на нем. Здесь написано большинство произведений, прославивших на весь мир имя Толстого. На низеньком кресле с подрубленными ножками (Толстой, будучи немного близоруким, любил сидеть близко к писанию), наклонившись над столом, Толстой писал свои великие произведения. Низенькое кресло и до настоящего времени стоит на своем прежнем месте перед столом. Около письменного стола мягкое низкое кресло для посетителей и вращающаяся этажерка. На ней Толстой помещал книги, необходимые ему в данный момент. После ухода Толстого на этажерке остались книги, как и вообще все книги в кабинете, указывающие на необычайное разнообразие интересов, которыми жил Толстой: «Круг чтения», «Бытовое явление», В. Короленко, сочинения Мопассана, П. Кропоткина «Анархия» и «Речи бунтовщика», Гикман и Маркс «География и статистика», Бах «Экономические очерки», Каутский «Очередные проблемы», Эльцбахер «Сущность анархизма», Черкезов «Доктрины марксизма», Элизе Реклю «Эволюция, революция и идеал анархизма», Кравчинский «Андрей Кожухов», Рудаков «Богослуже-

ние», Чижов «Тайны и чудеса божьего мира», воспоминания одной политической ссыльной 1883 года (рукопись), номера журналов русских и иностранных и т. д.

На письменном столе лежит замечательное пресс-папье, присланное Толстому рабочими Мальцевского завода в 1901 году по случаю отлучения его от церкви: зеленая стеклянная глыба со следующей надписью на ней: «Глубокочтимый Лев Николаевич! Вы разделили участь многих русских людей, идущих впереди своего века. И прежде их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылках. Пусть отлучают Вас, как хотят и от чего хотят фарисеи и первосвященники, русские люди будут считать Вас своим великим, дорогим, любимым».

Над письменным столом полка, сделанная самим Толстым. (Эта полка изрублена и сожжена в печке немцами.) На ней находился энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, книги мудрецов Конфуция, Лаоцзы, Коран, Евангелие — книги, которыми пользовался Толстой во время своей работы над «Кругом чтения» и «Путем жизни». Над полкой несколько больших старинных гравюр — детали Сикстинской мадонны Рафаэля, когда-то давно присланные Толстому в подарок его теткой А. А. Толстой. Налево от входной двери у стены стоит старинный круглый стол и около него два кресла; на этом столе лежит том сочинений Достоевского «Братья Карамазовы», оставшийся открытым после ухода Толстого из Ясной Поляны. Эта книга — последнее, что читал Толстой в Ясной Поляне. Здесь, в кресле, Толстой по вечерам или читал, или писал письма, или беседовал с посетителями. За дверью направо небольшая книжная полка с сочинениями Толстого и других писателей. Книги эти Толстой раздавал посетителям, с которыми у него возникали беседы на важные для него темы. Над полкой портрет Диккенса, великого английского писателя, которого Толстой так любил в течение всей своей жизни и который по личному признанию Толстого имел на него огромное влияние. «Если просеять всю западную литературу, — говорил Толстой, — то останется один Диккенс».

На левой от входа стене над креслом на кронштейне бюст старшего брата Толстого Николеньки, который рассказал ему в детстве легенду о «муравейных братьях» и о «зеленой палочке».

После смерти брата Толстой записал в своем дневнике

1860 года: «Николенькина смерть самое сильное впечатление в моей жизни». А в письме к брату Сергею: «Это был положительно человек для тебя и для меня, которого мы любили и уважали больше всех на свете».

Здесь же портреты английского социолога Генри Джорджа, немецкого философа Шопенгауэра и личного знакомого Толстого, критика и философа Н. Н. Страхова. Среди портретов на соседней стене очень интересен миниатюрный акварельный портрет отца Толстого, Н. И. Толстого, портреты тетушки П. И. Юшковой, опекунши и воспитательницы Толстого и ее мужа, и портрет брата Сергея Николаевича, которым с детства Толстой восхищался и который прожил всю жизнь в Пирогове в 35 километрах от Ясной Поляны, дагерротип княгини Волконской, описанной Толстым в «Войне и мире» в образе маленькой княгини, жены князя Андрея. В углу над диваном портреты писателей, друзей и свидетелей первых литературных шагов Толстого. В центре группа литераторов 1857 года, участников журнала «Современник»; среди знаменитых в то время русских писателей — Тургенева, Григоровича, Некрасова, Островского и Панаева — стоит в военном мундире только что приехавший из Севастополя, участник его обороны, молодой Толстой.

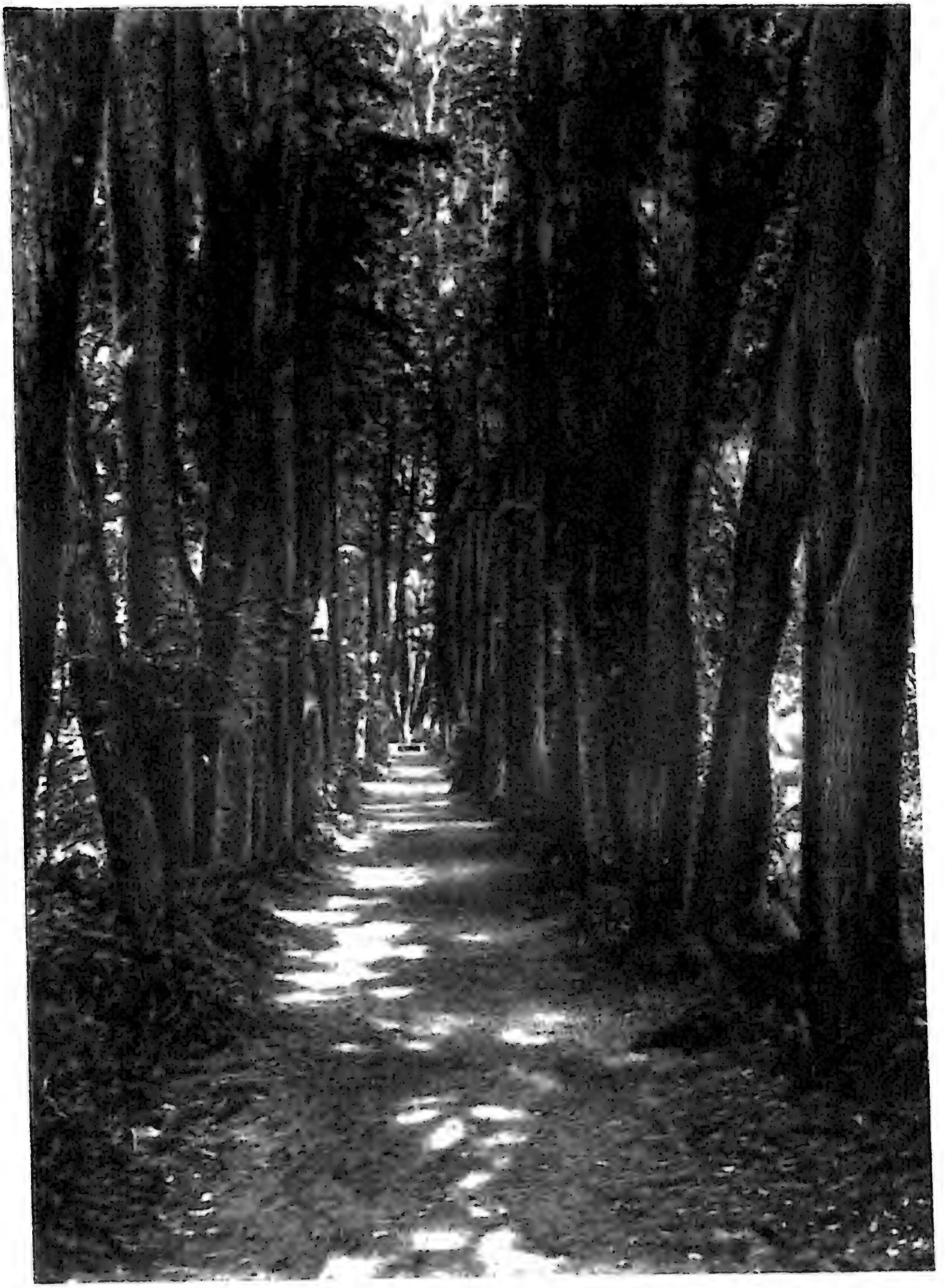
Около двери в спальню Толстого на стене много фотографий детей, внуков, знакомых и родственников. На полочке — старинная складная рамка с многочисленными миниатюрами предков и родственников Толстого; около окна портрет известного американского мыслителя-гуманиста Вильяма-Лойда Гаррисона и философа-самородка крестьянина В. Н. Сютаева. У этой же стены стоит фонограф с восковыми валиками, подаренный Толстому самим изобретателем Эдиссоном. В 1941 году ввиду хрупкости восковых валиков и для сохранения голоса Толстого, записанного на них, все записи валиков переписаны на тонфильм. По другую сторону окна портрет американского поэта Эрнста Кросби, друга Толстого, приезжавшего к нему в Ясную Поляну и много писавшего о Толстом в Америке. На стене над диваном находятся пять снимков с картин художника Орлова, изображающих правдиво, без прикрас эпизоды из тяжелой крестьянской жизни в условиях царской России. Толстой очень ценил картины Орлова и к изданному альбому этих картин написал предисловие.

Прямо из кабинета вы выходите в спальню Толстого. Спальня, как и все комнаты, выбелена белой краской. Прямо против входа постель Толстого. Около нее тумбочка, на ней лекарства, остановившиеся часы, свеча, освещавшая комнату во время ухода Толстого из Ясной Поляны. Налево умывальник, принадлежавший еще отцу писателя. По преданию, Николай Ильич Толстой возил его в обозе в походах во время войны России с Наполеоном. Около умывальника лежат гири, с которыми Толстой, страстный спортсмен, в течение всей своей жизни до старости каждый день по утрам делал гимнастику. Одежда Толстого, палка-стул, с которой он постоянно гулял. На стенах портреты отца писателя, жены и двух старших дочерей.

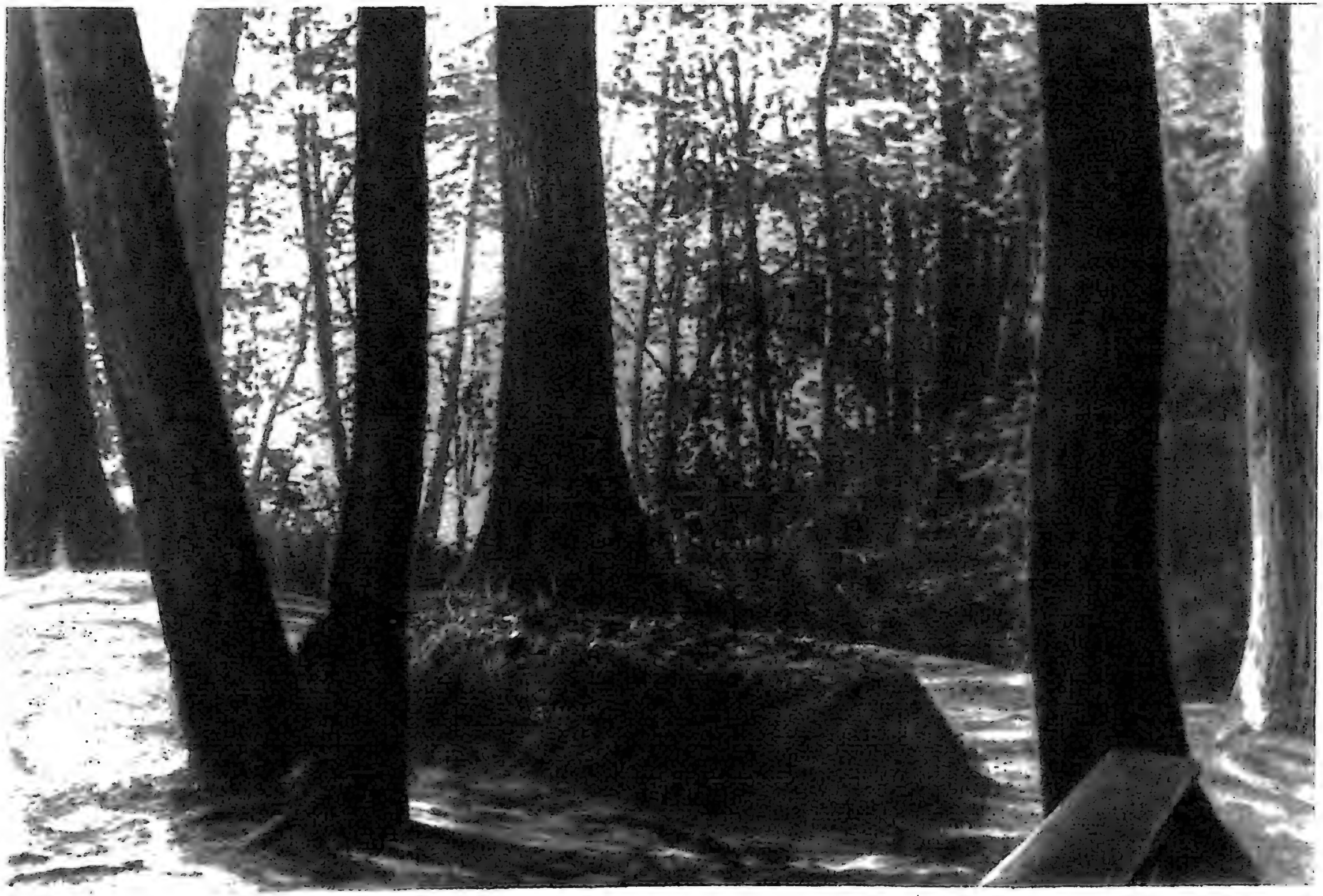
Комната Софии Андреевны Толстой находится через площадку. Главной особенностью этой комнаты является огромное количество фотографий, которыми увешаны буквально все стены; это все фотографии детей, внуков, родственников и близких знакомых. Эта комната сразу переносит вас совсем в другую атмосферу какой-то своей интимностью, семейным уютом.

Идя обратно из комнаты Софии Андреевны, вы попадете в ремингтонную, или секретарскую. При жизни Толстого в этой комнате разбирали почту, переписывали на машинке «ремингтон» его рукописи. Комната сохранила следы большой работы, протекавшей здесь. С 1907 года, по настоянию друга Толстого В. Г. Черткова, со всех писем Толстого делались копии механическим способом посредством копировального пресса; пресс и сейчас находится здесь. Корреспонденция Толстого была огромна. В архиве писателя сохранилось около 50 тысяч писем к нему; письма самого Толстого занимают в академическом издании сочинений Толстого 30 томов. Часто здесь Толстой диктовал на машинку своим помощникам, приносил сюда для отправки письма и исправленные им корректуры его произведений. В этой комнате жил секретарь Толстого и впоследствии его биограф, в настоящее время профессор, Н. Н. Гусев.

Из ремингтонной через библиотеку экскурсия спускается опять в первый этаж, в переднюю. Из передней вы входите в комнату для приезжих. Она разделена тонкой перегородкой, не доходящей до потолка. На стенах оленьи рога, привезенные Толстым с Кавказа, напоминающие о годах увлечения молодого Толстого охотой



«Клины»—липовые аллеи в парке музея.



Могила Толстого. 1940 г.

в пятидесятые годы на Кавказе и об охоте на оленей с его другом, старым казаком Епишкой, так поэтически описанным Толстым в его кавказской повести «Казаки» в лице дяди Ерошки. В нише стоит бюст брата Толстого Н. Н. Толстого. Шкафы с книгами из библиотеки Н. С. Волконского в старинных кожаных переплетах. В этой комнате в семидесятых годах был кабинет Толстого; здесь написан роман «Анна Каренина». В своей «Исповеди» Толстой, говоря о годах перелома своего мировоззрения и мучительных поисках цели и смысла жизни, признается, что в минуты душевного упадка ему приходила мысль повеситься на перегородке комнаты. Здесь же 9 ноября 1910 года лежало тело Толстого, привезенное со станции Астапово для последнего прощания. Толпы народа по очереди входили в эту комнату со стороны парка, проходили мимо гроба и выходили через главный вход. В комнате сохранилась маленькая деревянная скамеечка, на которую подымались люди, прощавшиеся с Толстым.

Далее идет комната под сводами. Во времена старого князя Волконского эта комната служила кладовой, и в ней сохранились кольца для подвешивания окороков. Комната удалена от остального дома, благодаря сводам сюда не проникает ни один звук. Здесь в шестидесятых годах Толстой устроил свой кабинет и здесь работал над своим первым большим романом «Война и мир». В девяностые годы кабинет Толстого был вновь переведен в комнату под сводами. Художник И. Е. Репин на своей известной картине «Толстой за работой» изобразил Толстого в этой комнате среди различных орудий физического труда, в простой рабочей блузе, сосредоточенно наклонившимся над рукописями. Эта картина замечательно передает сущность Толстого того периода, когда наряду с напряженной творческой деятельностью Толстой упорно и энергично занимался физическим крестьянским трудом, считая, что каждый человек обязан работать, а не заставлять работать на себя других. В последние годы жизни Толстого кабинет его был переведен на второй этаж. В этой комнате в 1910 году жила младшая дочь Толстого. Ночью 28 октября Толстой пришел в эту комнату сказать дочери о том, что он навсегда уходит из Ясной Поляны.

Вы обошли весь дом и вам не хочется покидать его. Музей так полно дает картину того, как жил Толстой. Жизнь

остановилась в ту минуту, как Толстой покинул этот дом. И так осталось здесь все, бережно охраняемое на век.

Вы выходите опять к «дереву бедных», на площадку с клумбами, полными любимых цветов Толстого. По широкой аллее посетитель переходит в Литературный музей, который помещается в том флигеле, где в шестидесятых годах находилась устроенная Толстым школа для крестьянских ребят. Музей занимает семь комнат, в которых расположено более 300 экспонатов; музей заново отделан и открыт с новой экспозицией в 1940 году.

Весь большой, сложный и противоречивый путь Толстого — писателя и человека — проходит перед посетителем в свете высказываний о Толстом В. И. Ленина. Цитатами из произведений Толстого, из его дневников и писем, работами известных художников и скульпторов и документальными фото показаны все периоды 82-летней жизни Толстого, начиная с детства и кончая уходом, смертью на станции Астапово и похоронами в Ясной Поляне. Многочисленные иллюстрации (масло, акварель, темпера, рисунки, репродукции и фото) к произведениям Толстого позволяют полно и разносторонне осветить его творчество. Опытные экскурсоводы дополняют экспозицию своими объяснениями и консультациями.

В экспозиции Литературного музея особенно подчеркнут творческий путь Толстого. Там вы знакомитесь с глубоко автобиографическими сочинениями Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», в которых находим прелестные описания Ясной Поляны и ее окрестностей; с «Казаками», передающими нам настроения Толстого на Кавказе. Вот «Севастопольские рассказы», написанные Толстым, участником обороны Севастополя, рассказы, в которых Толстой с суровой правдой передал свои наблюдения, показал великую борьбу за Севастополь, «героем которой был народ русский». Перед вами проходит педагогическая деятельность Толстого шестидесятых и семидесятых годов. Большое место в экспозиции уделено романам Толстого: «Война и мир», с его основной темой — патриотизм и героизм русского народа, — особенно притягивающий нас сейчас, в дни второй Отечественной войны; роман «Анна Каренина» с его семейной темой, изображающий современную Толстому действительность в тот период, когда все «переворотилось и толь-

Бытовой музей. Спальня С. А. Толстой

ко укладывается». В образе Левина отражены стремления и настроения Толстого в этот период.

И, наконец, третий большой роман Толстого «Воскресение», роман социальный, в котором дана «беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс»*. И последняя большая повесть «Хаджи Мурат», посвященная борьбе горцев Кавказа за национальное освобождение.

На ряде черновых рукописей, планов, конспектов показано, как работал Толстой над своими произведениями.

В экспозиции не менее полно отражены основные моменты жизненного пути Толстого, его общественная деятельность — мировой посредник, общественная работа в голодающих районах, общение с людьми, переписка, окружение Толстого, особенно этапы его мировоззрения, о чем он признается в своей «Исповеди»: «Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл». Можно проследить, как этот перелом, все нарастая, привел Толстого

---

* *Ленин*, Лев Толстой, как зеркало русской революции.

к последней трагедии его жизни — уходу из Ясной Поляны. Большое место занимает тема «Толстой и революция 1905 года», построенная на основе статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

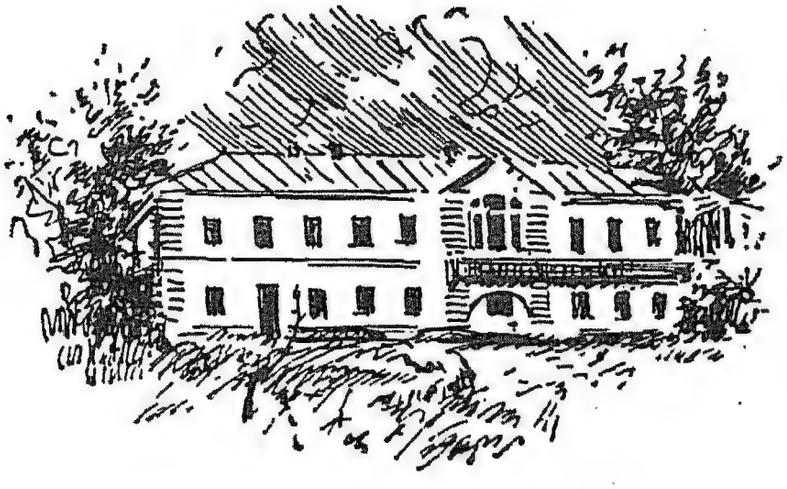
Выйдя из Литературного музея, вы направляетесь на могилу. Весь парк до самой могилы — это «зона тишины».

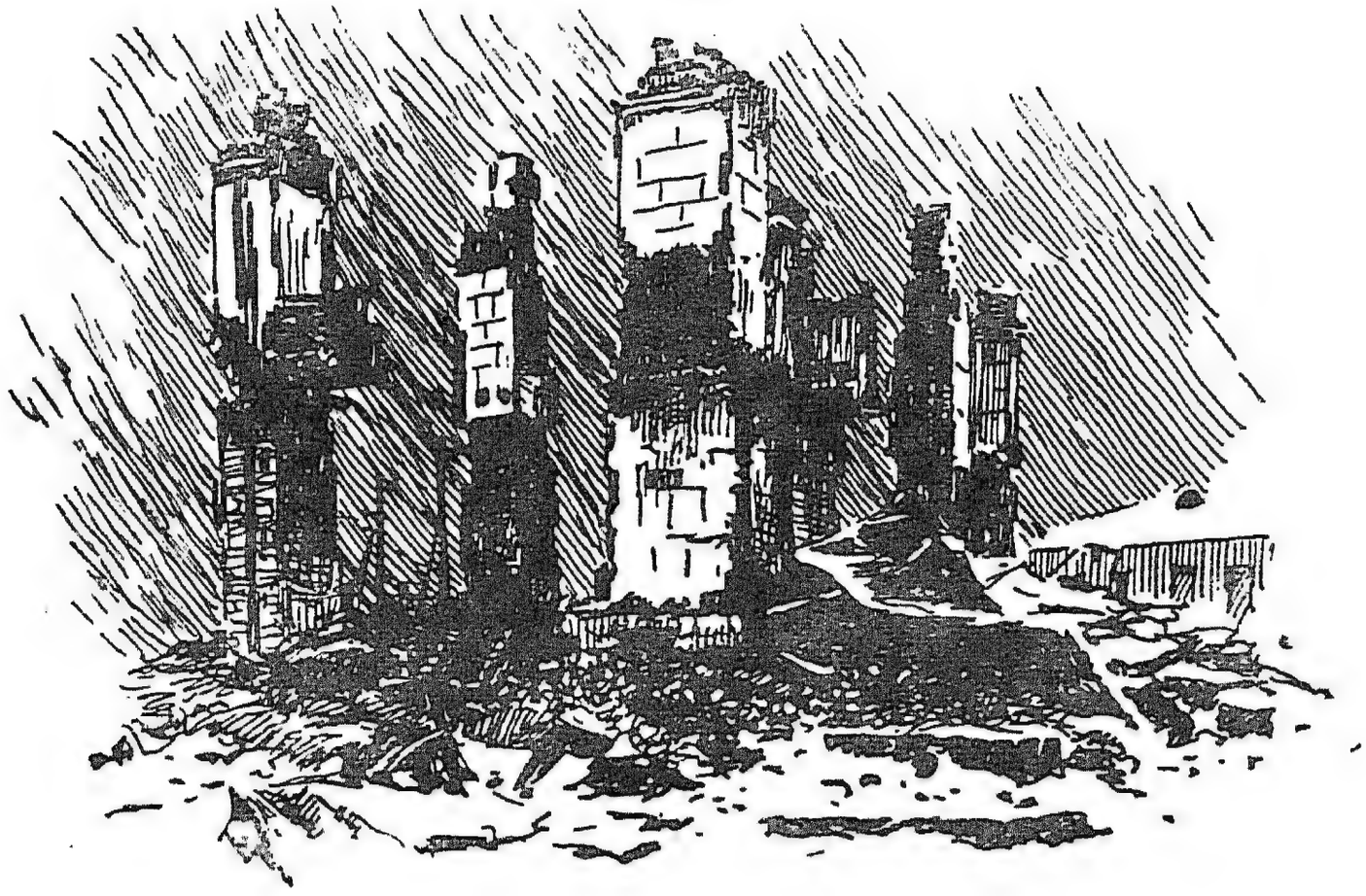
Музей охраняет память великого гения русского народа. Ничто не нарушает здесь серьезного, вдумчивого настроения, вызываемого величием и простотой этого места.

Могила отстоит от дома на расстоянии около 1,5 километра. Вы идете мимо яблоневого сада, посаженного отцом Толстого и самим Толстым в шестидесятых годах. Дорога идет лесом. Но вместо узкой проселочной дороги, первоначально ведшей к могиле, теперь вы видите широкую аллею. Ведь десятки тысяч людей проходят здесь ежегодно. На поворотах дороги столбы с надписью: «На могилу». Высокие торжественные деревья ведут вас туда. Сама могила находится в лесу, называемом Старый Заказ, там, где в детских грезах Толстого была зарыта «зеленая палочка». Толстой сам пожелал, чтобы его здесь похоронили в память старшего его брата Николеньки. Согласно желанию Толстого, на его могиле нет никаких сооружений или украшений. Могила — простой зеленый холм — окружена высокими старыми деревьями, дубами, липами, осинами. Они как будто стерегут ее вечный покой. За могилой спуск в овраг.

Величие, одиночество и тишина.

Таков величайший в мире меморативный музей-усадьба Ясная Поляна, основанный советской властью в 1921 году в месте рождения, жизни и творчества Толстого, гениального русского писателя.





III

ФАШИСТЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..

И. В. Сталин.

ФАШИСТЫ—ДУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

БЕСЕДА С СОТРУДНИКАМИ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

26 декабря 1941 года

Присутствовали: члены Комиссии Академии Наук СССР: член-корреспондент Академии Наук *И. И. Минц*, академик архитектуры *А. В. Щусев*, профессор *Б. А. Кондрашев*, директор МузеяТолстого *С. А. Толстая-Есенина*, зам. нач. Управления капитального строительства Академии наук *И. И. Бодалев*, кандидат исторических наук *Е. Н. Городецкий*, завед. фондами Музея Толстого *Е. Н. Чеботаревская*, сотрудники музея-усадьбы Ясная Поляна: *С. И. Щеголев* — хранитель, *М. И. Щеголева* — научный сотрудник, *М. П. Маркина* — вахтер бытового музея, *А. И. Кандаурова* — вахтер литературного музея, жена мобилизованного научного сотрудника *Г. А. Теплова*, *А. К. Васильева* — кассир, *Клавдия Литвинова* — ученица 10-го класса Яснополянской школы.

Щеголев С. И.

Двадцать седьмого октября к нам явилась большая воинская часть, расположившаяся в усадьбе. Вместе с частью прибыли десятки всевозможных машин. Это был день, когда наши части отступали по направлению к Туле.

Мы, работники музея, боялись за сохранность музея. Нам казалось, что за неимением места воинские части займут помещение музея. Но этого не случилось, и в этом-то и сказалось трогательное отношение наших людей к музею.

Некоторые красноармейцы не знали, где они находятся. Мы рассказали им, что это Ясная Поляна — музей Льва Николаевича Толстого. На входной двери бытового музея у нас был вывешен декрет ВЦИК о Ясной Поляне, и он создавал определенное отношение к дому-музею. Красно-

армейцы и командиры просили разрешения осмотреть музей. При этом они не проявили никакого посягательства на занятие его, — наоборот, они говорили, что дом-музей ни в коем случае не будет занят, хотя они очень нуждались в ночлеге. В этот день работниками музея была случайно обнаружена попытка проникнуть в дом. При каких это было обстоятельствах, мы не знали, но входная дверь со стороны парка была настежь открыта. Мы сейчас же направились туда, осмотрели, все ли цело, и убедились, что все было в порядке. Мы довели об этом до сведения полковника. Он был очень возмущен, сейчас же вызвал одного из своих подчиненных и приказал немедленно выставить около дома пост: два красноармейца были поставлены на вахту около дома и в течение ночи и дня несли службу. Эта часть пробыла у нас недолго.

28 октября. Я провел последнюю экскурсию. Утром 29-го мы поняли, что надвигается что-то страшное. Над Ясной Поляной появились германские самолеты, сначала одиночные, а потом их показалась целая масса. На Ясную Поляну и Щекино сбрасывались бомбы, слышались бесконечные взрывы, пулеметные выстрелы. Все мы побежали в убежище под большим домом Толстого. Нами были сделаны все необходимые приготовления, чтобы иметь возможность отсидеться там несколько дней.

Так началось наступление немцев. В течение всего дня до нас доносилась канонада. Все население деревни спряталось в щелях. Пронесся слух о прорыве немцев около деревни Солово. Тревога усилилась. Ночью все время слышались взрывы и орудийные залпы. В эту ночь из усадьбы выехали все машины наших частей. День 28 октября прошел спокойно, тихо, не было слышно выстрелов. Все как будто притаилось, и в этом чувствовалось что-то зловещее. Была тишина перед бурей, а 29 октября началось наступление. Утро 29 октября было безоблачное, были заморозки, наши красноармейцы продолжали делать последние приготовления. Часть красноармейцев, засев в траншеи перед домом Волконского, стреляли оттуда, а некоторые части уходили на передовые позиции, в сторону Воробьевки. Некоторые же продолжали жить своей обычной жизнью; варился обед. В 10 часов утра над Ясной Поляной показалось около 20 немецких самолетов, а вскоре летала уже целая эскадрилья. Мы поняли, что началось серьезное наступление. Все бежали к укрытиям, прятались в

подвалах и щелях. Над Ясной Поляной проносились десятки немецких самолетов. Самолеты летали совсем низко и сбрасывали бомбы. До нас все время доносились сильные взрывы и пулеметная трескотня. Под натиском немцев красноармейская часть, стоявшая у нас, была вынуждена отступить. Мы просидели в подвале с 11 часов утра до 5 часов вечера.

Выйдя из подвала, мы увидели разрушения: выбитые стекла, обвалившуюся штукатурку. Горели стога. Нам сказали, что убит Павел Давыдович Орехов. В разных местах были найдены десять убитых красноармейцев. В 3 часа дня по шоссе мимо Ясной Поляны двигались немецкие танки.

Выйдя из убежища, мы оказались в тылу у немцев. Это был первый день пребывания немцев в Ясной Поляне, но в этот день мы их в усадьбе не видели.

30 октября. Погода резко меняется. Идет дождь, оттепель, тает снег. Всюду в усадьбе видны кучки людей. Все делятся впечатлениями вчерашнего дня. В 10 часов утра на усадьбу приехала первая машина с тремя немецкими офицерами. Потом мы узнали, что это были три немецких врача. Фамилия одного из них Шварц. Они потребовали открыть музей и показать им помещение, удобное для устройства госпиталя. Один из офицеров обратил внимание на декрет правительства, висевший на двери бытового музея. Он иронически засмеялся над ним. После осмотра бытового музея один из офицеров расписался: «Три первых немца в походе против России». Под этим три подписи. Они заявили нам, что бытового музея они не займут, что рассматривают свое пребывание здесь как очень кратковременное, не более 2—3 дней, но что им на это время нужно развернуть перевязочный пункт. При этом они сказали, что проделали путь в 2 тысячи километров и впервые увидели такой благоустроенный уголок, как Ясная Поляна, где, как они несколько раз повторили: «sehr schön». Вечером был занят дом Волконского под госпиталь. Заняли также все подсобные помещения, контору, столовую. Выселили из квартиры Веру Ильиничну и Марию Ивановну. Все это требовалось сделать так быстро, что при выселении никто не успел даже вынести вещи. Нашу квартиру они оставили в покое. Относительно дома-музея Толстого они успокоили нас, что занимать его не будут, что он будет в полной сохранно-

сти, и даже прикрепили на дверь надпись: «Вход воспрещен», а под этим подпись: майор такой-то. Получилось так, что на одной стороне двери висел декрет советского правительства, а на другой — немецкая надпись. Немецкие офицеры издевались над декретом, говорили, что это советская комедия, а свою бумагу велели повесить в рамку под стекло.

Кандаурова А. И. Немцы начали гоняться за курами сотрудников музея, резать их одну за другой. К нам в квартиру притащили одиннадцать зарезанных кур и жестами предложили нам начать их щипать. Я сказала, что не понимаю. Тогда один из немцев взял меня за голову и с такой силой пригнул меня к мешку с курами, что я сразу поняла, что мне нужно делать. Пришлось щипать кур. Как же не щипать, если они мне голову чуть не оторвали!

Когда шла охота за курами, то на деревне уже гонялись за коровами. Поймают корову, берут ее в кольцо, на рога набрасывают веревку, другой немец закручивает хвост и гонят. Можно было наблюдать такие картины, как на выручку корове бегут колхозники. Немцы тащат корову на усадьбу, бабы отбивают ее, неистово кричат при этом. Был даже такой случай, когда бабам удалось отбить у немцев корову и не дать им увести ее. Коров немцы тащили прямо к госпиталю, здесь же распластывали их и туши подвешивали. Все это повторялось почти ежедневно.

Щеголев С. И. 31 октября. Требуют открыть литературный музей, очистить его от мебели для устройства там госпиталя. Мебель и экспонаты сваливаются в кучи в полном беспорядке. Только что кончили эту работу, как новое требование — освободить комнаты бытового музея и комнаты, которые заняты вещами. Опять мебель и вещи в еще большем беспорядке сдвигаются в другую комнату. Занимается комната Сергея Львовича Толстого (сына Льва Николаевича). Меня поразила такая вещь: когда так называемый «штабарцт», не назвавший своей фамилии, стал требовать освобождения комнаты Сергея Львовича, а я начал отстаивать ее и говорить, что это частная собственность и комната эта так же дорога для музея, как и остальные комнаты, он спросил меня: «Где

ОКНО ТАСС | 30-XII-41 МОСКВА

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

„ЭТО БЫЛА ТОЛПА МАРОДЕРОВ ИЗ КОТОРЫХ КАЖДЫЙ ВЕЗ ИЛИ НЕС С СОБОЙ КУЧУ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ЦЕННЫ И НУЖНЫ"

Л. Толстой. „Война и мир"

Окно ТАСС о Ясной Поляне

Рисунок художника Соколова-Скаля.

Комната С. А. Толстой, в которой фашисты устроили костер

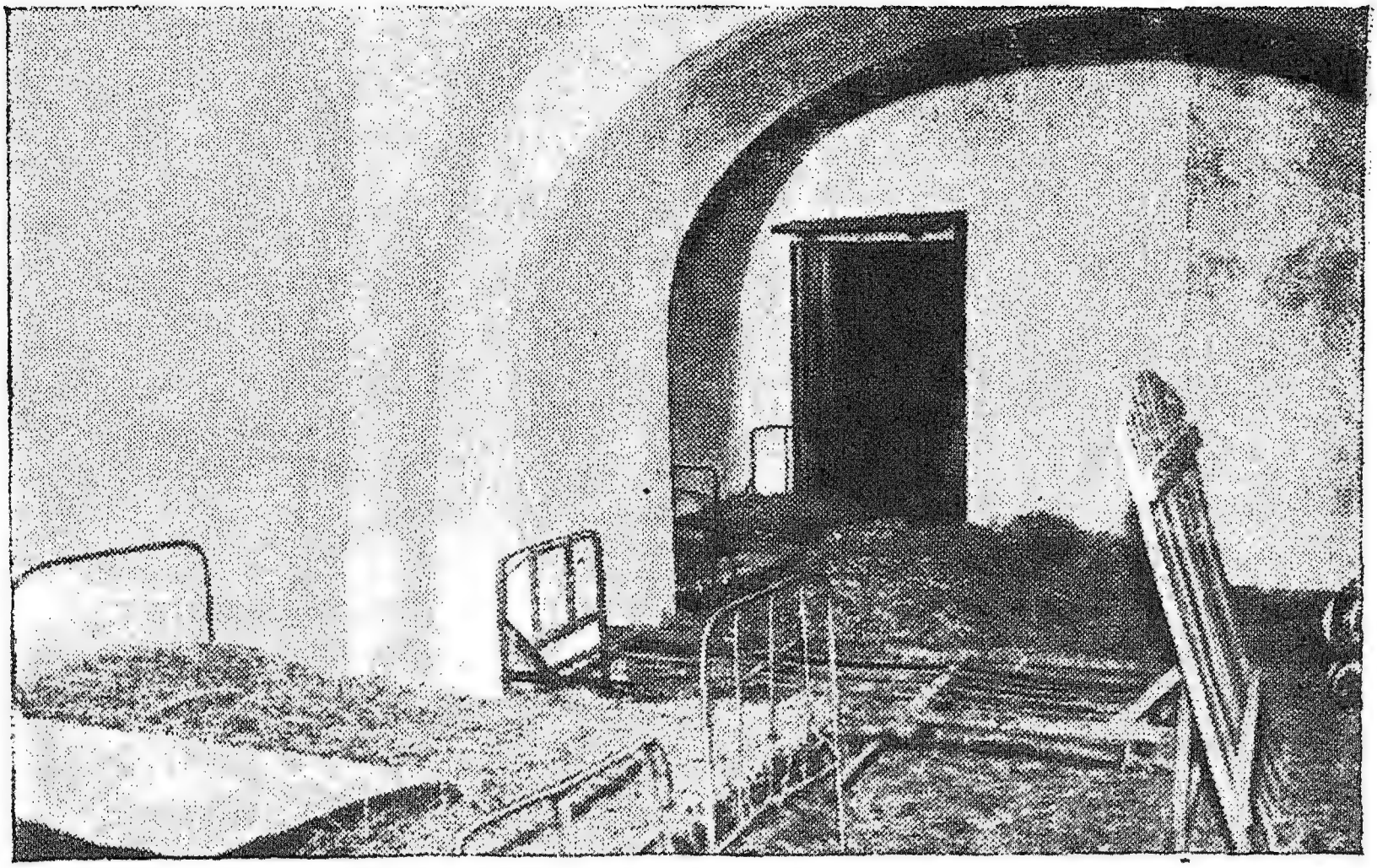
он находится?» Я ответил, что Сергей Львович в Москве. Тогда он, не разговаривая со мной, начал взламывать шкафы. При этом я буквально раскрыл глаза от удивления, с какой ловкостью он взламывал шкафы. У всех у них есть отмычки наподобие клещей. В комнате Сергея Львовича он взял несколько стаканчиков, положил их в карман. Затем, взломав нижний ящик шкафа, он и еще один врач поделили между собой белье Сергея Львовича — простыни, полотенца и другие вещи... Я попробовал, заперт ли книжный шкаф. Они заметили это и сказали: «Оставьте все на месте. Нам вещи не нужны». Но мы, видя их поведение, все, что смогли, убрали оттуда. Комната Сергея Львовича была занята. В этот день одна за другой на усадьбу стали приезжать машины Красного креста с ранеными, медикаментами и продуктами. Вся площадка перед литературным музеем была заставлена машинами. Здесь же били кур, стреляли коров, распластывали туши. Ломают изгородь, ломают скамейки. Я прошу этого не делать, говорю, что у нас есть дрова. Но они, несмотря на то что рядом же, в саду, лежат дрова, ломают скамейки и сжигают их. Машины, не считаясь с тем, есть ли проезжая дорога, двигались повсюду, ломая деревья, кусты. Многие парковые насаждения не удалось сохранить. Все затоптано. Они безобразно относились ко всему окружающему. Однажды вижу, они ломают погреб около литературного музея. Спрашиваю: зачем? Говорят — печи нужно делать из этого кирпича в павильоне. В этот же день, 31 октября, в ограде, рядом с могилой Толстого начали рыть могилы для немецких солдат. Расстояние до могилы Толстого от усадьбы почти километр. По дороге много открытых полянок и площадок, удобных для рытья могил, но на все наши предложения они совершенно не реагировали. Сделано это было совершенно сознательно, чтобы оскорбить память Льва Николаевича. Вечером 31-го же прибегают к нам и говорят, что немецкие командиры просят открыть музей. Входим туда. Один из офицеров забирает себе три фотографии Толстого меморативного значения. Я начинаю протестовать, говорю, что это меморативная вещь, показываю инвентарный номер, говорю, что отвечаем за эту фотографию. Он посмеялся и преспокойным образом забрал фотографию себе. В этот же день группа штабных офицеров потребовала открыть музей для

осмотра. Они интересовались, в чьем ведении находится музей. Когда узнали, что в ведении Академии наук, они стали иронически смеяться и говорить, что никаких наук в Советском Союзе нет. Они были поражены, что дети крестьян учатся в школе. Когда эта беседа с ними закончилась, мы вышли на крыльцо дома. В это время к крыльцу подошел агроном Новиков, учитель Орлов с женой, Фоконов,— в общем собралась группа работников музея. Немцы отошли на несколько шагов от крыльца и демонстративно под дирижерство одного из них запели «Боже, царя храни». Эта группа фашистских командиров потребовала снять декрет с двери. Я снял его, а они повесили свое запрещение. Назавтра оно оказалось сорванным и валялось на полу, смятое немецким сапогом.

1 ноября. Во второй половине дня музей посещает один из больших немецких генералов. Я как раз обедал. Прибегает немецкий солдат и требует немедленно показать музей. Он все время торопливо бормотал, что музей хочет видеть «гросс генерал». Прихожу к музею и вижу, что у двери стоит немецкий генерал. Пожилой, бритый, с морщинами на лице. Шинель походная, золотые нашивки на воротнике и рукавах. Насколько это был важный генерал, можно было судить по отношению к нему офицеров и штабных врачей — все они были перед ним навытяжку, буквально целый балет был перед генералом. Все во фронт. Стоило генералу сделать малейшее движение, как вся группа офицеров немедленно перемещалась в том или ином порядке. Если генерал двигался вперед, то офицеры шеренгой выстраивались перед ним. Представление было такое, что тела офицеров приобретали какую-то особую подвижность. В общем это была картина настоящего балета. Вызвали Марию Ивановну для объяснения на французском языке.

Щеголева М. И. Я очень растерялась. Генерал наклонился над книгой посетителей, я попросила генерала перевести мне первую запись, сделанную немцами. Он перевел. Генерал был очень нетерпелив и не задерживался ни в одной из комнат.

Щеголев С. И. 2 ноября. Литературный музей полон раненых. Немцы предложили убрать со стен все оставшиеся экспонаты. Когда стали убирать, я обнаружил, что похищена копия картины Репина: «Толстой пашет».



«Кабинет под сводами», превращенный в казарму немецких солдат

Все экспонаты убрать не удалось, так как все комнаты музея были переполнены ранеными и пройти к стенам было очень трудно. В этот день музей посещают до 50 человек командного состава. С ними приходилось иметь дело главным образом Марии Ивановне, так как пояснения она давала на французском языке. В этот день около могилы Толстого продолжают хоронить немецких солдат и офицеров.

Щеголева М. И. Один из офицеров говорил, что он большой поклонник русского искусства и с шести лет читал Толстого. Он очень интересовался личной жизнью Толстого, а потом — через какую-нибудь неделю — этот же офицер, по специальности врач, хотел забрать диван, на котором родился Толстой.

Щеголев С. И. 3 ноября. Новое требование — освободить от вещей пять комнат бытового музея: спальню Л. Н. Толстого, кабинет, гостиную, секретарскую и библиотечную комнаты. Все вещи сдвигаются в кучу в одном зале.

В течение всего дня доносилась орудийная стрельба со стороны Тулы. Значит Тула держится. Со стороны Косой горы к Ясной Поляне движется толпа людей — беженцев.

Завтра ожидаются крупные события под Тулой. Немцы все время твердят: «Туле капут».

В ночь на 4 ноября со стороны Тулы доносится грохот орудий и беспрерывная пальба.

6 ноября. Немцы хозяйничают в усадьбе во-всю.

7 ноября. С 11 часов утра до 4 часов дня беспрерывная пальба немецкой артиллерии, установленной около детского сада.

8 ноября. Тула в осаде. Идут упорные бои. Немцы все время твердят: «Туле капут». В госпиталь поступает большое количество раненых. Проносится слух, что в обход Туле идут наши части.

9 ноября. Требуют освободить под госпиталь весь музей. Опять все наши вещи переносятся в другое место, сваливаются в одну кучу в столовой, часть вещей переносится в подвал, в ледник, во двор и на веранду. Что же останется от дома Толстого?! Была большая тревога за судьбу вещей. Все это происходило под непрерывную трескотню пулеметов и гул орудийных залпов. Около школы упало несколько фугасных бомб.

Видя, что музею угрожает опасность, я направился в штаб к Демидову. Штаб расположился в школе. Школа имела ужасный вид. Я нашел комнату, где помещался штаб, и хотел объяснить все Демидову, но тот резко оборвал меня и заявил: «Музей нас мало интересует», и добавил: «Вообще то, что создано большевиками, нас не интересует». Я пытался говорить о том, что музей сохранен в таком виде, как его оставила семья Толстого, и просил обеспечить хотя какую-нибудь охрану его. Мне ответили, что никакая охрана обеспечена не будет, что музей им не нужен. При этом было подчеркнуто, что усадьба рассматривается как наследное достояние семьи Толстых. Словом, разговор короткий.

14 ноября. Музей превращен в казарму. Все шкафы взломаны, несмотря на то, что нам все время твердили, что ни один немецкий солдат ничего не возьмет.

Повешены Николай Власов и рабочий Косогорского завода, эвакуированный из деревни Волохово в Ясную Поляну. Трупы висели три дня.

Кандаурова А. И. Власову было 28 лет. Немцы считали его партизаном. Второй колхозник тоже молодой человек. Повешены они были на перекладине, прибитой к столбам

от электричества. До этого было собрано все население деревни, так что вешали при всех. Родственникам не разрешили хоронить трупы в течение трех дней, а потом разрешили, но только обходным путем через деревню, а не по дороге. Повешены они были так, что когда мать и жена Власова выходили из своего дома, то как раз перед их глазами был повешенный.

Теплова Г. А. В моей квартире жили два шофера. Эти были уже типичные фашисты. Один из них был медик последнего курса. Он без конца нам твердил, что в Германии хорошо, а в России плохо, что когда Германия разобьет русских, тогда и в России будет хорошо. Говорили, что коммунистов надо уничтожать, евреев всех нужно повесить и что у себя они уже всех евреев повесили.

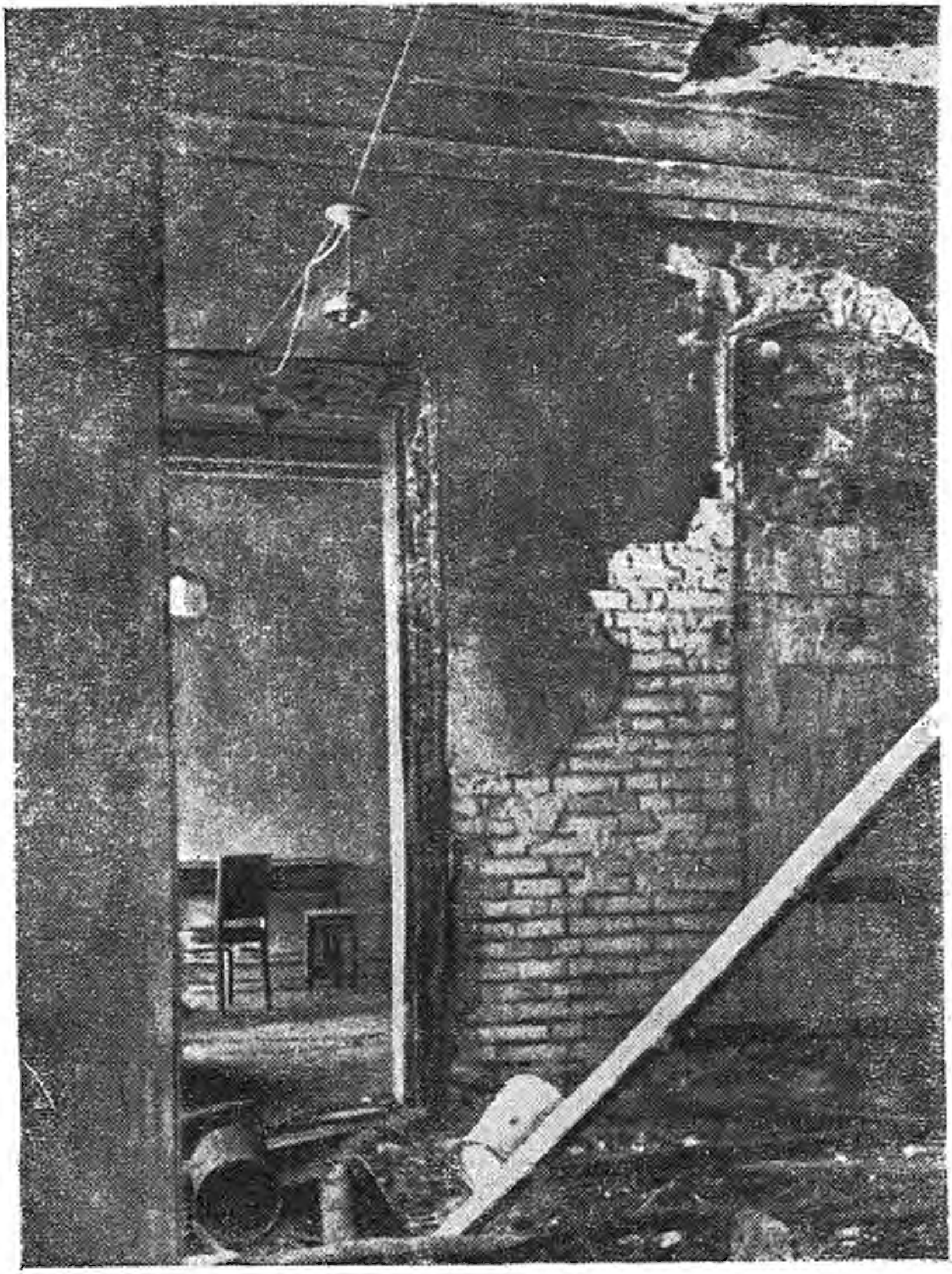
Как-то один раз врывается к нам новый немец. Быстро закрыл занавески на окнах и сел за стол. Я очень испугалась и сейчас же взяла на руки дочку. На столе лежал журнал. Немец начал читать его и подозвал меня. Мне был учинен настоящий допрос. Он спрашивает: «Где муж?» Говорю: «В Красной Армии». Он говорит: «Не нужно было итти в Красную Армию». У сынишки моего черные волосики и черные глазки. И вот он все время на него показывает и говорит: «Еврейские глаза», и жестом показывает, что его нужно повесить. Он требовал буквально все, что ему только казалось возможным забрать: и патефон, и керосинку, и матрац.

Отношения между солдатами и офицерами были такие: офицеры отдавали приказания денщикам, денщики выслушивали, а когда офицер поворачивался, уходя из комнаты, то за его спиной были такие жесты, по которым можно было понять, что денщики проникнуты ненавистью к своим офицерам. У меня на квартире жил еще один шофер. Он очень усердно занимался изучением русской азбуки и в последнее время читал по-русски. Мы с ним говорили по-русски. Он рассказал мне, что он не фашист, сказал, кто из живущих в усадьбе фашисты, а кто не фашисты. Он был шофером санитарной машины. Когда он приезжал из поездки, он ужасался, какое количество наших было убито и повешено немцами. Этот шофер говорил мне, что он не верит в победу Германии и считает, что в этой войне Германии придет конец.

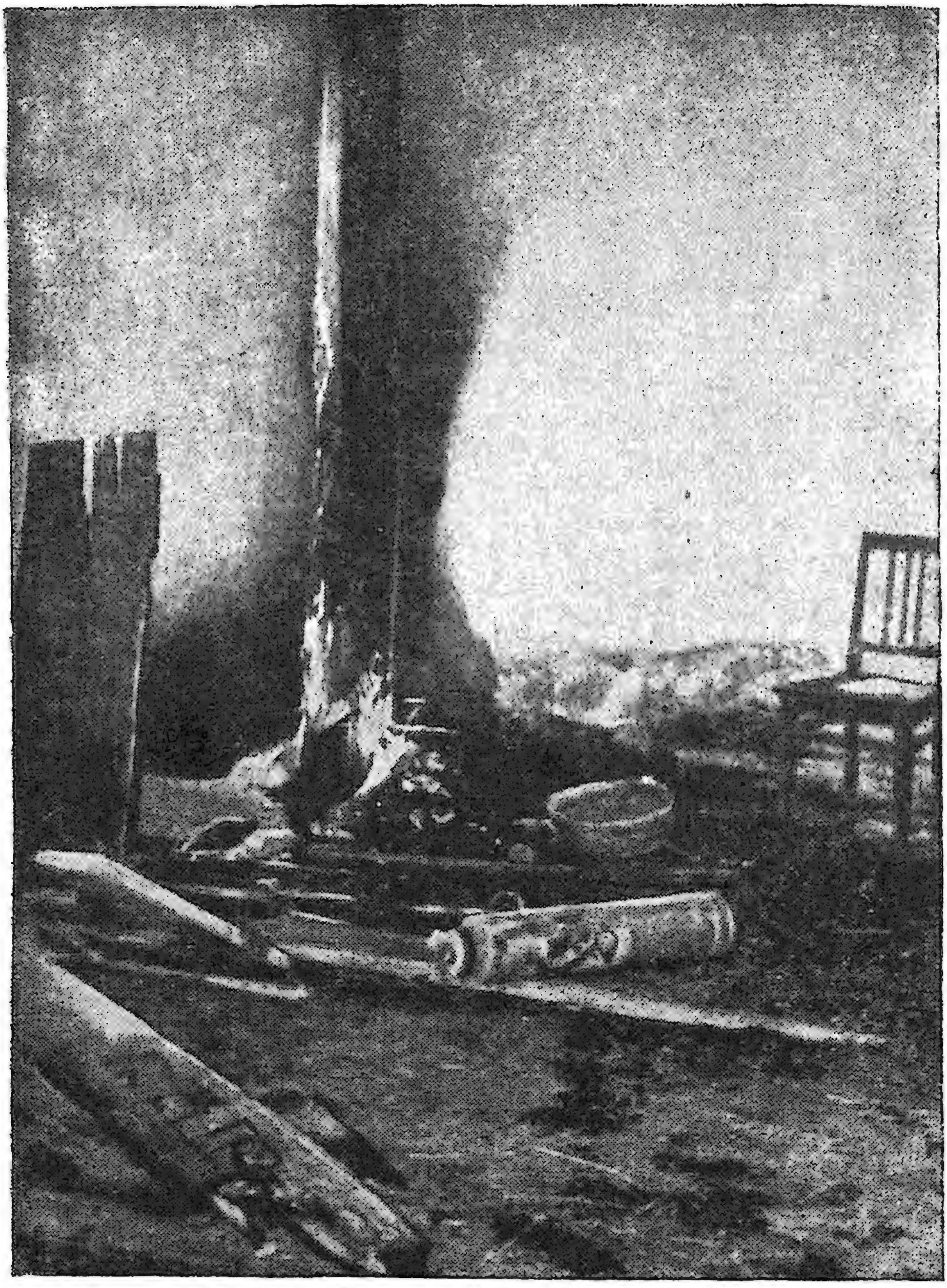
Кандаурова А. И. Два немецких солдата зашли днем в деревню в дом П. У колхозницы кроме ее дочери жила еще племянница. Девушки обе молодые. Вечером немцы опять пришли и снова постучали. Девушки спали. Мать крикнула им. Они поняли, что им нужно спасаться. Одна из них выпрыгнула в окно, вслед за ней и другая. Солдаты были сильно выпивши. Когда они ворвались, они застали только одну мать 44 лет. Они связали ей руки и оба изнасиловали ее. С Ксюшей А. и с М. немцы поступили иначе. К ним ворвались денщики и утащили женщин к офицерам.

Безобразничали они просто невероятно. Например, сидим мы с матерью. Входит немец, направляется прямо к плите. Вынул из кастрюли варившееся мясо, выловил всю капусту, поел и ушел. Когда немцы громили колхозный склад, в это время туда подошел один мальчик: они набросились на него и сильно избили. Брата его тоже избили, так как им казалось, что они партизаны. Избили так сильно, что он три дня не мог подняться. Хлеб весь забрали. В комнатах всюду рылись, во всех шкафах и сундуках, и забирали все, что им попадало под руки — и белый материал, и валенки, и варежки, и шапки. Был такой случай: привезли они пленных красноармейцев на усадьбу и заставили их пилить дрова, а шапки с них поснимали. Когда немцев около них не было, мы спросили: «Можно вам шапки достать?» Они ответили: «Все равно снимут». Немцы их почти не кормили. У моей матери был амбар. Немцы потребовали ключ. Когда немцы собрались уходить, мама утром вышла и видит, что амбар полон людей. Они кричат: «Тетенька, какая это деревня?» А мама отвечает: «Ясная Поляна». Они говорят: «Нас немцы привезли сюда ночью, а мы и не знаем куда». Все они разуты и одеты в лохмотья. Мы хотели их украдкой вытащить, но как раз в это время пришел немецкий солдат, открыл амбар и всех их оттуда выгнал. Всех этих людей немцы повезли в сторону Орла...

Щеголев С. И. Как-то к нам на усадьбу доставили раненую русскую женщину. Ранена она была очень тяжело — в область брюшины. Я просил помочь ей. Мы вдвоем со сторожем внесли ее в госпиталь. Через несколько дней, когда госпиталь вывезли, я с Марьей Ивановной пошел в литературный музей, и вдруг мы услы-



Библиотека Л. Н. Толстого после разгрома и пожара



Спальня Л. Н. Толстого, подожженная фашистами

шали, что из одной пустой комнаты доносится стон. Входим — лежит эта раненая женщина и говорит: «Уехали, бросили. Вот уже второй день ни капли воды не пила». Были и два раненых красноармейца. Несмотря на то что ранения были очень тяжелые, немцы не оказали им никакой помощи.

Первые признаки неудач немцев почувствовались 25 ноября. В этот день госпиталь неожиданно сворачивается. Военная часть, расположившаяся в усадьбе, уезжает. В музее полный развал. В кабинете Толстого не уцелела даже полка. Казалось, что дома Толстого не существует.

С 25 ноября по 10 декабря усадьба превращается в проходной двор. Одна часть сменяет другую. В деревне опустошаются погреба. Идет безудержный грабеж, насилия, издевательства. С крестьян снимают валенки, шапки, с рук тянут варежки. С постелей снимают белье, забирают матрацы. В усадьбе готовят квартиру для генерала, проводят электричество, готовят помещение для штаба. Говорят, что на фронте у них полная победа, русским «капут», что Ленинград в мешке, немцы идут на Волгу и всему конец.

Щеголева М. И. Немцы рисовали нам свои обширные планы. Они представляли себе так, что в 1941 г. война кончится полной победой Германии над всем миром. Будущую Германию они пробовали даже нарисовать на бумаге.

Васильева А. К. С первых же дней, как только немцы пришли на усадьбу, мы были совершенно оторваны от мира. Не было у нас ни газет, ни радио. Нам очень хотелось знать хотя бы что-нибудь. Немцы говорили, что Тула, Москва и Ленинград окружены, что нигде нет ни света, ни воды, что люди мрут от голода, и города эти будут взяты измором. В середине ноября мы с радостью узнаем, что Тула держится, что немцы обошли Тулу и пошли на Венев. И вдруг, после взятия Венева, мы замечаем резкое изменение в настроении немцев. Они уверяют нас, что на Тулу посылаются 200 самолетов, что Тулу они разбомбят и она в конце концов сама сдастся. В первое время, когда они пришли, они располагались здесь так, как будто собирались пробыть долго, говорили, что до рождества. В последние же дни стали говорить о том, что Тула держится

и не сдается, что они от Тулы будут отступать, чтобы вытянуть оттуда русские войска ближе сюда, а потом будет организован огромный налет самолетов на Тулу, будут бомбить войска, и Тула должна будеть сдаться.

Щеголев С. И. 10 декабря чувствуется тревога. В Ясной Поляне устанавливается тяжелая дальнобойная артиллерия, которая направлена в сторону Тулы. Немцы говорят о русских сибирских войсках. Штаб свертывается. Генерал так и не приехал на зимнюю квартиру. Машины все стоят наготове. Обозы тянутся не к Туле, а в обратную сторону. Со стороны Тулы видно зарево пожара.

Теплова Г. А. 10 декабря явился ко мне немец Миллер с железным крестом на груди. Он заявил, что останется здесь жить до апреля и зиму они простоят здесь. Он усиленно занимался русским языком. Было у него пособие «30 уроков русского языка». 11-го и 12-го числа его целые дни не было дома. Уйдет утром, а возвращается вечером весь мокрый. Однажды не вернулся ночевать домой, а пришел утром весь мокрый и привел еще одного немца с автоматом. Ночевать им не пришлось. Только расположился автоматчик на отдых, как в 11 часов пришли за ним, и они вместе с Миллером опять ушли. Утром снова явились все мокрые, голодные, измученные. 14-го утром они явились и сидят прямо как осовелые. Через некоторое время вбегает еще один немец, тоже с железным крестом на груди, подбегает к плите, залпом выпивает чай и быстро убегает. Все они встали, очень торопливо свернули одеяла и быстро ушли.

Щеголев С. И. 14 декабря утром уже не было видно ни одной немецкой машины. Всю ночь происходило какое-то движение германских частей. Беспрерывно рвались снаряды. Немцы уходили. Первый пожар вспыхнул в доме отдыха, потом в яснополянской больнице, затем в доме врача, а в 10 часов загорелись школа, интернат, дом учителей и несколько крестьянских изб, которые стояли в начале дороги. Вдруг показался дым из музея. Вахтер музея Маркина закричала: «Музей горит»,— и заплакала. Мы кинулись к музею. Оказалось, что три немца на легковой машине возвратились, вбежали в музей, подожгли его в трех местах. Когда немцы увидели, что мы побе-

жали к музею, они стали кричать: «Wohnhaus — in die Luft!» Мы стали упорно умолять их и говорить, что это дом-музей Толстого, его нужно сохранить и мы его отстоим, а они все твердили «Wohnhaus — in die Luft!» Мария Ивановна начала кричать, что немцы подожгли музей и сейчас все взлетит в воздух. Все мы побежали к дому. Из окон уже выбивался дым. Первыми в дом ворвались двое из молодежи. Они вошли в музей и исчезли в дыму. Они установили, что горит в трех местах, и что борьба с пожаром еще возможна. Оттуда они стали кричать: «Давайте воду!», но ведра немцы убрали, пруд далеко, огнетушители уничтожены. Нашли один огнетушитель. Быстрым движением разбили его. Клава Литвинова, ученица Яснополянской школы, смело лезет на чердак и находит там второй огнетушитель. Жидкость огнетушителя направляется на второй очаг пожара, но огонь распространяется, горит пол, горят двери, косяки окон, занавеси. Все мы тащим снег; вскоре удалось достать ведра, но в колодце нет воды. Вспомнили про старый, заброшенный колодец. Незамеченные немцами, кинулись туда. О счастье! Вода набирается, и мы по-настоящему принимаемся за борьбу с пожаром. Я, Мария Ивановна и Литвинова подносим воду на второй этаж. Пожарниками работают двое. Они продолжали борьбу с огнем на чердаке. Четыре часа напряженной борьбы, и пожар был ликвидирован. Все же дом сильно поврежден.

15 декабря в 9 часов утра в деревне появились первые красноармейцы.

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Преображенская — преподавательница литературы Яснополянской школы.

Все, что мы знали о фашистах до их появления, все, что читали в газетах, — все бледнеет перед ужасной действительностью. Узнать фашистов до конца может только тот, кто видел их, кто на себе перенес их иго. Почти два месяца мы были в их власти. Мы переносили надругательства, мы видели, как они издеваются над русским

народом, над русской культурой. Они не считали нас людьми. Но сами они не люди, а звери! Они доказали это всем своим поведением. Где их хваленая культура? Стены школы испещрены порнографическими надписями. Все немцы сплошь покрыты вшами... Они несут погибель всему живому, стараются разложить и растлить все, с чем соприкасаются.

Когда в Ясную Поляну прибыл штаб во главе с генералом Гудерианом, то солдаты сразу же стали ломать двери и врываться в квартиры. В нашей школе был штаб дивизии СС — «Великая Германия». Был отборный командирский состав, люди с высшим образованием. Одним из первых к нам вошел молодой мальчишка-офицер. Он смотрел на нас свысока, как на ползучих насекомых. Когда он подошел к библиотеке, он с насмешкой стал рассматривать книги. Затем подошел к столу, на котором стояла статуэтка Пушкина. На ломаном русском языке он спросил:

— Кто это?

— Великий русский поэт Пушкин.

— Пушкин? Коммунист? — и схватил статуэтку.

Хотя на этой статуэтке были написаны даты рождения и смерти поэта, его это ни в чем не убедило. Он продолжал твердить свое: «Пушкин — коммунист». Затем он нашел у меня учебник математики и говорит: «Я студент индустриального института».

Вот яркий показатель культурного уровня их, показатель того, сколько немцы знают о нашей культуре. А ведь это был студент. Он задал мне вопрос:

— Чье это имение или усадьба?

— Льва Николаевича Толстого.

— Поэт или коммунист?

— Прозаик, великий писатель. Его знают во всем мире. Его труды переведены на все языки.

— Я не знаю его.

Вскоре к нам пришли еще два офицера. В это время я держала на руках своего одиннадцатимесячного внука. Один офицер говорит другому:

— Этот мальчик не будет уже ни слова говорить по-русски. Он будет говорить только по-немецки. — Затем один из них спросил меня:

— Вы умеете говорить по-немецки?

— Плохо.

— Из русского народа только старики будут помнить русскую речь, а остальные будут говорить только по-немецки.

Когда нас выбросили из учительского дома, там поселились немецкие солдаты. Трое из них имели гармонии, и по вечерам они обычно занимались пиликанием. Как-то один из них стал наигрывать, а я говорю:

— Это колыбельная песнь Моцарта?

Он удивленно посмотрел на меня и ответил:

— Разве вы знаете немецких композиторов и писателей? Назовите, кого вы знаете.

— Гете, Гейне, Шиллер.

— Гейне — это не немецкий поэт, это — «Jude». А музыкантов немецких вы тоже знаете?

Я перечислила ему немецких композиторов. Тогда он спросил меня:

— А многие русские знают немецких писателей и композиторов?

Их крайне удивляло наше знание немецких поэтов, писателей и музыкантов. Немецкие солдаты — исключительно ограниченные. Интересно, чем занимается немецкий солдат на отдыхе. После того как они покушают, они достают карандаши и начинают рисовать елочки, домики, раскрашивают, тщательно надписывают, а потом посылают это родным в Германию к новому году. Они отправляют к себе домой все, что сумеют награбить, — куски материи, куски марли, отнятые у колхозниц пеленки и распашонки для грудных детей, банки с гуталином, стулья... У самих необычайная ограниченность и вместе с тем полное презрение к нам. Это испорченные люди, которые несут с собой ужас и разрушение везде, где только ни ступает фашистский сапог. Я думаю, что у каждого русского человека, не только у того, кто побывал с ними, но и у всех у нас одно желание — истребить этих развращенных и испорченных людей. Чем эти «культурные люди» украшали стены школы? Они разрисовали их сплошной порнографией. В первую же ночь, когда нас выгнали из комнаты и ее заняли три немецких офицера, они стащили банку с ветчиной. Офицеры были наглые, руки у них были в кольцах. Когда я сказала переводчику, что офицеры забрали у меня продукты, он ответил на это:

— Это пустяки. Каждый офицер может брать все съестное.

Немецкие офицеры сами стреляли кур, они не доверяли своим солдатам, боясь что те сами их поедят.

Грацианская С. А.— преподавательница немецкого языка Яснополянской школы.

Я знаю немецкий язык, и мне приходилось беседовать с немцами по-немецки. Поэтому морально я страдала больше своих товарищей, потому что каждый раз в разговоре со мной они всячески старались унизить русских и показать превосходство своей нации. Когда они узнали, что я преподаю немецкий язык в школе в течение 16 лет, они спросили: «Чему вы учите по-немецки?» Я показала им учебники, книги. Они приходили от этого в полное неистовство. Когда я говорила, что мы изучаем Гейне, они отвечали, что это не немецкий поэт, что это «Jude».

Очень тяжело было слышать, как они отзывались о музее Толстого. В дни пребывания немцев мы ощущали вечный гнет. Они на каждом шагу подчеркивали, что русские— это ничто, а немцы — это представители «великой Германии»; это нация, которая воплощает в себе все лучшее.

Хочу рассказать о фашистском пропагандисте штурмового отряда СС Гансе Мейере, который жил в моей комнате. Это был настоящий, отъявленный фашист. Он издевался над всем русским. Он говорил, что Тулу взять немцам ничего не стоит. Когда я вернулась в свою комнату за вещами, я обратилась к нему с вопросом:

— Что с Тулой?

— Через три дня капут Туле.

При каждом орудийном выстреле советской артиллерии из Тулы он иронически смеялся, падал в кресло и с хохотом говорил: «Ох, как страшно!». А через два дня он поехал под Тулу, получил там тяжелое ранение, был привезен сюда в госпиталь. Вскоре он умер и был похоронен около могилы Толстого. Оказалось, что это не такая чепуха, как он себе представлял.

Теперь я задаю себе вопрос: что было тяжелее переносить — бомбардировки или моральный гнет, который чувствовал каждый из нас во время пребывания здесь немцев? Гораздо тяжелее было испытывать вечное моральное угнетение.

Соловьева — преподавательница музыки Яснополянской школы.

Я жила в доме, где размещалась часть комнат учителей. После прихода немцев я оставалась в этом доме только одна, не будучи в состоянии выехать оттуда, хотя боялась немцев до ужаса. Немецкий язык я знаю только из гимназии, запас слов у меня небольшой, но мне приходилось говорить с ними о музыкальной культуре, о мировых писателях, поэтах и т. д. Мне приходилось разговаривать с бывшими немецкими студентами, которые не читали Толстого. Они рассказывали, что Горький у них запрещен. Из русских композиторов они никого не знают. У меня в комнате было развешано много портретов русских композиторов. Увидав портреты Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, они спрашивали, кто это такие. Когда я говорила им, что я преподаю в школе музыку, что у нас широкое знакомство с композиторами и специально выделено время для знакомства с немецкими композиторами, они были просто изумлены. Когда я рассказала им, что после окончания средней школы наши дети поступают в университеты, они сказали:

— Ваша школа — особая школа, это — школа «политик», специально для показа иностранцам, поэтому она так хорошо поставлена и подобраны старые педагоги.

Изумляет отсутствие у них самых элементарных признаков культуры. Они не знают мировых композиторов, писателей, а это были лучшие части гитлеровской армии. Это выходцы из мелкобуржуазного класса, среди них было много студентов. Полк этот назывался «Великая Германия».

Однажды к нам в комнату вошел штурмовик и потребовал освободить ее. В этой комнате находилась моя больная мать, которая не могла двигаться. Когда я об этом сказала, он не обратил на это внимания и еще раз потребовал освободить комнату. На выселение нам дали час времени. Мы забрали с собой самое необходимое и с трудом добрались до деревни, где и поселились. Когда я стала беспокоиться о вещах, которые были разбросаны, мне ответили:

— Все будет в порядке, это полк «Великая Германия».

Когда через несколько дней я вернулась в свою комнату, то вместо портретов композиторов я увидела у себя на стене сплошные порнографические картинки, на которых были нарисованы кафешантанные женщины. Шкаф мой был вскрыт, все было разрыто. Меня очень беспокоила судьба

картофеля, который оставался у нас, ибо он является самым необходимым продуктом питания. Мне ответили, что все будет в порядке, а рядом стоящий австриец сказал мне потихоньку на ухо:

— Не верьте, у нас в Австрии то же самое было, картофель возьмите.

Когда мы жили уже в деревне, у нас на ночлег расположилась группа немецких солдат. Это были страшные люди, все вшивые. Они повсюду рыскали, все обшаривали. Когда я еще жила в своей комнате, во время обеда вошел фашист. Молча сел за стол и съел всю мою трапезу; потом начал рыться в вещах, набрал всяких тряпок, а уходя, взвалил себе на спину два стула, предупредив, что придет завтра. На другой день пришли два фашиста-офицера; тоже сели за стол есть мою картошку. Входит вчерашний фашист. Немец-вор на этот раз принес с собой рюкзак, веревки и ремни. Когда мы его увидели, мы сразу все сели на стулья, чтобы он не смог утащить и эти последние. Он потребовал, чтобы ему дали покушать, а сам подошел в это время к кровати моей сестры и стал снимать с себя брюки,—отряхивает их около стола — сыплются вши; потом снимает носки, опять встряхивает о ножку стола — вшей падает еще больше; затем кладет всю одежду на мои подушки, на кровать, которая стоит тут же. Затем вынул из рюкзака трусы и начал надевать их. Один из молодых мюнхенцев обратился к нему и говорит:

— Здесь живет пожилая учительница музыки. Она человек с высшим образованием, окончила консерваторию.

Но тот, не обращая внимания, поел и ушел с ругательствами. Через некоторое время он вернулся снова и потребовал дать ему его наушники. Мы говорим:

— Вы пришли без них.

А он настаивает, что они были здесь, и начинает сам искать их, находит наушники другого немца и забирает с собой.

Один раз остановились у нас на квартире парикмахер и художник. Художник рассказал мне, что он купил картину, на которой нарисованы святые пророки, и просил меня прочесть, что под ней написано. Надпись была сделана на церковно-славянском языке, и я ее не смогла разобрать. Он спрашивает меня:

— Как вы думаете, дорогая эта картина?

— Видимо, это не картина, а образ.

— Нет, это нарисовано на ткани, это очень старинная картина.

Затем он показал мне четыре книги по истории развития живописи. Я спрашиваю:

— Вы многих художников знаете?

Оказывается, он не знает почти никого из великих мастеров, а эти книги украл в нашей библиотеке в первый же день приезда сюда.

Перед тем как уходить, фашисты разложили вокруг школы костры и перетащили туда все оставшееся оборудование школы, книги из библиотеки. Так погиб весь школьный инвентарь, ценная библиотека в 18 тысяч экземпляров, все ноты и прочее.

Нестерова М. И. — преподавательница Яснополянской школы.

Трудно передать то чувство оскорбления и унижения, которое пришлось испытать людям, побывавшим с немцами. Они топтали и разрушали все советское. Этого не может описать ни одна газета. Те, кто не видел этого, не смогут по-настоящему это понять. Гитлеровская банда — это мразь, это надменность, ограниченная, узкая, кичливая. Они все поганят, им ничего не дорого. Они разрушают все, разрушают гадко и утонченно. Многие не представляли себе, что такое фашисты. Когда я переселялась из деревянного домика в кирпичный, то смогла захватить с собою только самые необходимые вещи. В мою комнату вселились немцы и из окна выбросили мои вещи. Они грабили все, они воровали, они украли у меня даже портфель с деньгами. Слишком больно было испытывать унижение и пошлость. Задаешь себе вопрос: ради чего они все разрушают? Что эти бандиты воровали? — стулья, диваны. Неужели в Германии этого нет? У нас каждый рабочий, каждый колхозник имеет эти вещи, а они тащили все, что попадалось под руки. Они посылали в Берлин в подарок своим женам посылки с лоскутами марли, детскими пеленками. Только посмотреть на них, на эту армию: все они вшивые, белье на них вшивое. Немцы все завшивели, от нашего легкого мороза они отморозили себе ноги и руки. Всюду они старались нас унизить. Представьте себе такую картину: перед вами немецкий солдат; он, абсолютно не обращая на

вас внимания, расстегивает штаны и выбрасывает оттуда вшей прямо на вас. Чувство глубочайшего омерзения и гадливости охватывало нас. Если бы еще раз мы услыхали, что немцы подступают, мы бы уползли ползком. Все лучше, лучше смерть, чем жить хоть один день под игом фашистов. Мы испытали это... Их надо растоптать, уничтожить до конца... И Красная Армия их растопчет, освободит от них всю нашу советскую землю, как освободила Ясную Поляну.

IV

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Сила Красной Армии состоит прежде всего в том, что она ведет не захватническую, не империалистическую войну, а войну отечественную, освободительную, справедливую.

И. В. Сталин.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

(Вечернее сообщение 15 декабря)

В течение 15 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного и Юго-Западного фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, продолжали продвигаться вперед и заняли город Клин, Ясную Поляну — южнее Тулы, Дедилово и Богородицк — юго-восточнее Тулы.

ЧТО УВИДЕЛИ НАШИ ВОЙСКА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

же много десятков лет каждого, кто приближался к этому месту, охватывал необъяснимый трепет. Ясная Поляна — это наша святыня. Весь народ чтит память великого писателя русской земли Льва Николаевича Толстого, который жил и творил здесь и обрел в этих местах смертный покой.

Мы шли к Ясной Поляне с одним из полков генерала Болдина, которому было приказано освободить родину великого Толстого от немецких захватчиков. В лесу и на дорогах шел бой. Орудийные залпы, очереди пулеметов, винтовочные выстрелы сливались в единый гул. Ясная Поляна, в которой жил автор «Войны и мира», стала местом схватки русских с немцами. Кругом валялись трупы немецких солдат, обломки разбитых машин, развороченные танки, орудия и ящики со снарядами. Пылала деревня, подожженная немцами. Плакали женщины и дети над пепелищем. Надо обладать гением Толстого, чтобы описать величие и трагизм этой беспощадной битвы.

Русские всегда останутся русскими. Когда мы увидели

Ясную Поляну, нас охватил трепет. Шагавший рядом со мной лейтенант Василий Зотов воскликнул:

— Ребята, Ясная Поляна!

И ребята рвались вперед, преодолевая глубокий снег, не замечая свистящих пуль. Зотов метров через семь упал, обливаясь кровью. Его подняли бойцы. Он шептал:

— Торопитесь, ребята, там жил Толстой...

Ребята снова рванулись вперед. Они не шли, а бежали. Торопились все. Враг отстреливаясь поспешно отходил за яснополянскую балку.

Ясная Поляна горела. Огнем была объята знаменитая школа, пылала больница. Черный дым валил из окон двухэтажного дома Толстого. Гитлеровские варвары, убегая, не успели захватить свое оружие, машины, танки, боеприпасы, но они нашли время, чтобы поджечь историческую усадьбу...

Не узнать этого величественного исторического места!

Мы идем по аллее. Пахнет пожарищем. На снегу пепел. Кругом все замусорено, загажено, истоптано, изломано. Когда входишь в дом Толстого, не веришь своим глазам. Так и чувствуется, что здесь были дикари, варвары. Стены заплеваны, запачканы, полы сломаны, драгоценная толстовская мебель искалечена, окна разбиты. А ведь здесь жил Лев Николаевич Толстой, чьи книги дороги всему человечеству.

— Мы жестоко отомстим, — тихо сказал красноармеец Болохов, выходя с нами из музея.

«Отомстим!» — повторит вся Красная Армия, весь советский народ.

Старший политрук *П. Трояновский.*

Тула, 16 декабря.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения от 17 декабря.

15 декабря Советское Информбюро сообщило о взятии нашими войсками Ясной Поляны — места жизни и погребения великого писателя, классика русской и мировой литературы Льва Николаевича Толстого.

17 декабря группа научных работников и рабочих музея-усадьбы Л. Н. Толстого, а также местные колхозники и учителя составили акт о чудовищных преступлениях гитлеровских негодяев, надругавшихся над памятью Л. Н. Толстого. В акте отмечается, что с первого же дня своего прихода в Ясную Поляну немцы приступили к планомерному разрушению музея-усадьбы. Фашисты расхитили почти все экспонаты литературного музея, устроили в доме Толстого казарму для офицеров и их денщиков. Все шкафы, в которых прежде хранились архивы, разбиты. Личные вещи Л. Н. Толстого сожжены в печах. Фашистские хулиганы разломали и выбросили соху, которой пахал Толстой. Они покрыли порнографическими рисунками стены музея, превратили знаменитую комнату со сводами, в которой создавалась «Война и мир», в грязный хлев. В комнатах писателя гитлеровцы открыли сапожную мастерскую.

14 декабря, отступая из Ясной Поляны, фашисты, намереваясь скрыть следы своих чудовищных надругательств над величайшим культурно-историческим памятником, подожгли дом Толстого. Усилиями работников музея пожар удалось потушить. Сгорели комнаты, в которых помещались библиотека и спальня Л. Н. Толстого.

В акте перечисляются имена изнасилованных немцами яснополянских колхозниц, а также повешенных и расстрелянных колхозников, бывших учеников знаменитой школы Толстого. Акт подписали: хранитель музея С. И. Щеголев, сторож, бывший кучер Толстого И. В. Егоров, колхозницы яснополянской сельхозартели «Путь Ильича» А. Я. Пудова и В. Я. Зяброва, учительницы школы имени Толстого С. А. Грацианская и Е. В. Соловьева и многие другие свидетели беспримерного фашистского варварства.

АКТЫ КОМИССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКТ № 1.

Комиссии Академии Наук СССР, организованной для составления плана быстрейшего восстановления усадьбы-музея Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», разрушенной фашистскими варварами.

Комиссия работала в составе: *И. И. Минц* — председатель комиссии, член-корреспондент Академии Наук СССР, *С. А. Толстая* — внучка Л. Н. Толстого, директор Государственного музея Л. Н. Толстого, *А. В. Щусев* — академик архитектуры, начальник «Академпроекта» Академии Наук СССР, *И. И. Бодалев* — гражданский инженер, начальник Управления Капитального Строительства Академии Наук СССР, *Б. А. Кондрашев*—профессор архитектуры, *Е. Н. Городецкий* — кандидат исторических наук, *Е. Н. Чеботаревская* — научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого и *Н. С. Родионов* — редактор сочинений Л. Н. Толстого.

Акт составлен в Ясной Поляне 27 декабря 1941 года в присутствии хранителя музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» *С. И. Щеголева*, научной сотрудницы того же музея *М. И. Щеголевой*, технической сотрудницы того же музея *М. П. Маркиной*, преподавательниц школы-десятилетки имени Л. Н. Толстого *С. А. Грацианской, М. И. Нестеровой и Е. В. Соловьевой.*

Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» был организован постановлением Советского правительства от 10 июня 1921 г. С тех пор правительство систематически из года в год проявляло исключительную заботу о Ясной Поляне — месте, где родился, жил и творил свои произведения великий писатель Л. Н. Толстой.

Музей расширялся и усовершенствовался: были созданы два музея — мемориально-бытовой, где жил Л. Н. Толстой, и краеведческо-литературный; к столетию со дня рождения Толстого в 1928 г. была открыта во вновь выстроенных кирпичных зданиях больница-стационар, амбу-

латория, образцовая средняя школа-десятилетка имени Л. Н. Толстого.

Комиссия при своем обследовании Ясной Поляны 26 и 27 декабря путем личного осмотра пострадавших зданий, меморативных памятников, личного опроса граждан, переживших фашистское иго в течение полутора месяцев, и на организованном 27 декабря общем собрании-митинге с участием сотрудников музея, школы, детсада, колхозников и колхозниц яснополянского колхоза «Путь Ильича» установила:

§ 1. Последний показ музея был произведен расположенным в Ясной Поляне частям Красной Армии 28 октября 1941 года. За все время пребывания в Ясной Поляне частей Красной Армии с их стороны никаких посягательств на занятие помещений музея-усадьбы не было. Наоборот, дом Л. Н. Толстого днем и ночью охранялся воинским караулом.

§ 2. 29 октября части Красной Армии отступили из Ясной Поляны, после чего начался артиллерийский обстрел и бомбардировка с воздуха Ясной Поляны фашистами.

Во время бомбардировки осколком фашистской бомбы был убит председатель колхоза «Путь Ильича» Павел Давыдович Орехов.

§ 3. 30 октября в усадьбе появились немецкие фашистские части. Первыми приехали в усадьбу три немецких военных врача, во главе с доктором Шварцем, хорошо говорившим по-русски. Врачи потребовали открытия здания музея и заявили его хранителю, что в зданиях музея будет организован госпиталь. Указание на то, что для госпиталя имеется хорошо оборудованная больница и амбулатория, не помогло.

Фашисты потребовали освобождения от экспонатов и мебели зданий литературного и бытового музея. Вещи из последнего были сдвинуты в беспорядке в одну комнату.

После беглого осмотра дома Л. Н. Толстого на страницах потребованной ими книги записей впечатлений посетителей музея, после записей бойцов и командиров Красной Армии, появилась запись «Drei erste Deutsche im Feldzuge gegen Rußland» («Три первых немца в походе на Россию»).

Занимая помещение под госпиталь, немцы заявили, что госпиталь здесь будет всего 2—3 дня.

Заняв комнаты бытового музея и комнату старшего

сына Толстого Сергея Львовича Толстого, фашисты путем отмычек взломали замки от запертых столов и шкафов; тут же было похищено из шкафа седло Л. Н. Толстого, которым он пользовался при верховой езде до самого своего ухода из Ясной Поляны, и одежды крестьян района Ясной Поляны разных эпох, имеющие этнографическое значение. Эти одежды, а также белье из шкафа С. Л. Толстого были разделены фашистскими офицерами по рукам.

§ 4. 31 октября началось захоронение около могилы Толстого умерших в госпитале фашистов. Место могилы Толстого для устройства кладбища весьма неудобное: могила находится в лесу, где много корней от деревьев, мешающих рыть землю, она находится на расстоянии от усадьбы около одного километра. По дороге на могилу и вокруг дома имеются свободные поляны. Тем не менее кладбище для фашистов, умерших в «госпитале» — доме Толстого, несмотря на протесты сотрудников музея, было устроено именно там, с явной целью надругательства над памятью великого писателя, над культурно-исторической святыней народов Советского Союза и всего мыслящего человечества. Всего вокруг могилы Толстого имеется 75 крестов с фашистской свастикой и с надписями на немецком языке.

Кроме того, при входе на площадку могилы возвышается обледенелая груда непохороненных фашистских трупов.

§ 5. Дворик музея был превращен в скотобойню. На деревьях и уцелевших заборах были развешены туши убитых тут же свиней, коров и пр.

§ 6. Несмотря на наличие рядом с домом запаса сухих дров, на топку печей и на костры были разломаны все загородки, скамейки и пр. На растопку же были разломаны книжная полка из кабинета Л. Н. Толстого, буфетная стойка и много старинных стильных рам от картин и портретов.

§ 7. Кроме вышеупомянутых музейных предметов расхищены фашистами ряд картин и музейных экспонатов. См. приложение № 5.

§ 8. Уничтожен весь хозяйственный инвентарь: повозки, сани, сбруя и др. Из 12 коров, принадлежавших хозяйству музея, спасены сотрудниками 3. Отобраны и угнаны все 4 лошади, уничтожен весь фураж.

§ 9. В деревне 14 ноября фашистами были повешены на перекладине против своего дома яснополянский кол-

Школа имени Толстого после пожара

хозник Николай Иванович Власов (28 лет) и житель ближней деревни Волково, рабочий Косогорского завода, фамилия которого не установлена. Трупы висели 3 дня.

§ 10. Были случаи насилия над женщинами-колхозницами.

§ 11. В Ясной Поляне находились пленные красноармейцы, числом около 20 человек. Они содержались фашистами в запертом, нетопленном помещении — «водокачке», работали по пилке дров. Все они были босые, без шапок, головы обвязаны полотенцами. Их почти не кормили, давали только холодную воду со льдинками. Всех из Ясной Поляны отправили в Орел.

§ 12. В школе помещался штаб одной из фашистских дивизий СС «Великая Германия». При штабе находились два русских белогвардейца: князь Василий Святополк-Мирский и Александр Демидов из Крыма (так они расписались в книге посещений Яснополянского музея). Оба играли крупные роли при штабе, были фактическими руководителями-администраторами по Ясной Поляне.

§ 13. Фашистские бандиты во время их пребывания всячески глумились над местным населением: отбирали все запасы продовольствия, убивали на мясо весь скот, отбирали лошадей, отнимали все теплые вещи, носильное белье,

обувь, особенно валенки, причем отнимали даже на улице, несмотря на стоявшие морозы, снимали с головы проходящих меховые шапки. Возражавших избивали.

§ 14. В деревне фашисты сожгли 3 дома.

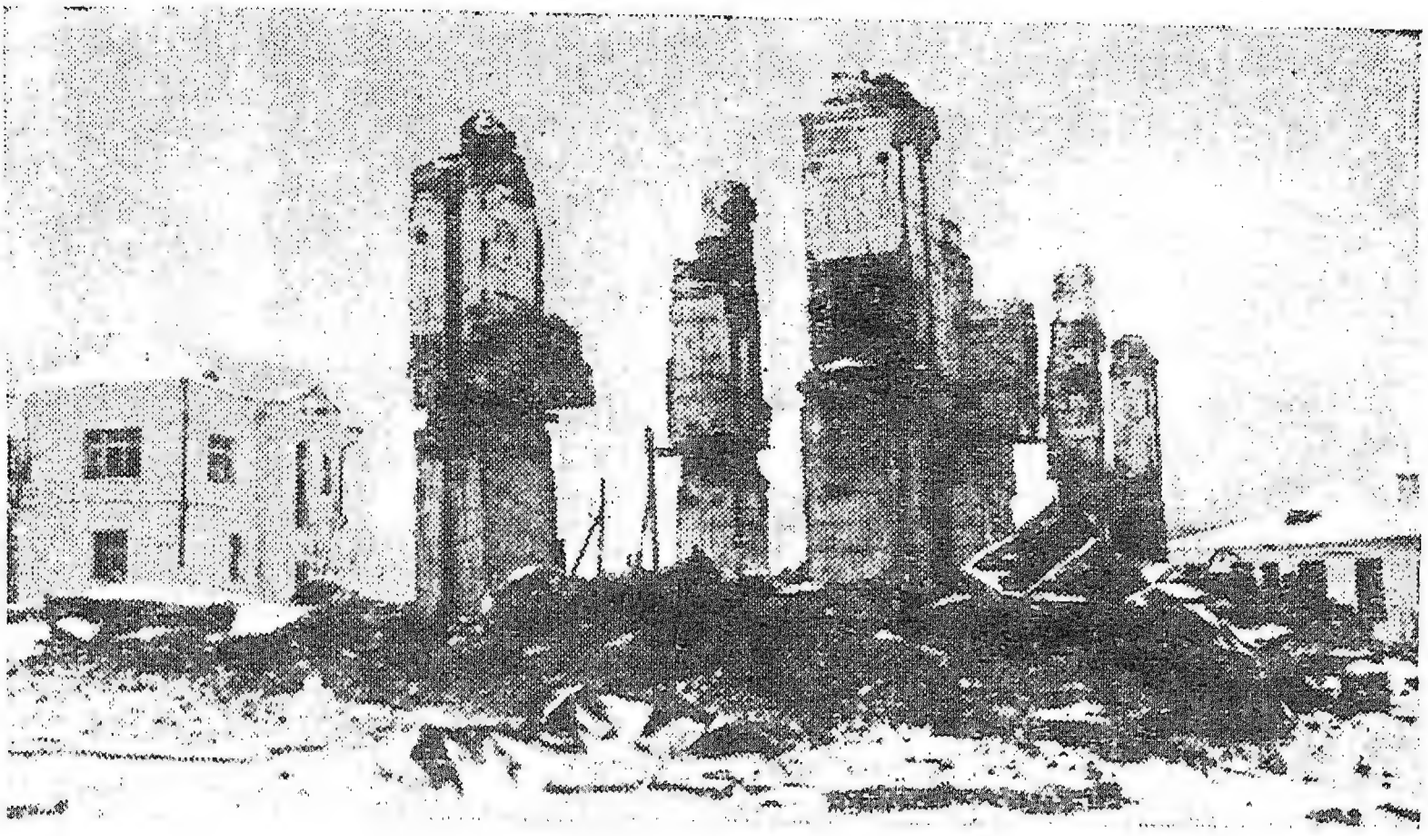
§ 15. Всех школьных работников выгнали из школьных помещений, их приютили в деревне колхозники; бандитами расхищено все их оставшееся имущество. Сейчас школьные работники без крова, так как школа со всеми постройками сожжена.

§ 16. Уничтожена вся школьная библиотека в 18.000 томов, все учебное оборудование (микроскопы, наглядные пособия и пр.). Библиотека в большой своей части сожжена в печах, на разложенных вокруг школы кострах, частью расхищена.

§ 17. Фашистские офицеры и врачи, бывшие в Ясной Поляне, по рассказам школьных и музейных работников, обнаружили полное свое невежество. Имена наших великих писателей Пушкина, Толстого, композиторов и художников—Глинки, Чайковского, Репина, Ге—большинство из них слышат в первый раз. Так, например, про Пушкина они спрашивали: «Что он коммунист? Еврей?» Про Толстого: «Кто он был? Поэт? Коммунист?» После разъяснений, кто были Пушкин и Лев Толстой, они заявили, что таких они не знают и про них не слыхали.

При виде маленького 11-месячного ребенка один из офицеров сказал: «Ну, этот по-русски говорить уже не будет. Скоро все будут говорить только по-немецки, а русские слова будут помнить лишь оставшиеся старики». Во время обеда школьных работников немцы являлись, съедали все, раздевались донага, при всех вытрясали вшей и вели себя вызывающе и нагло (рассказ преподавательницы музыки Соловьевой).

§ 18. 14 декабря началось отступление фашистов из Ясной Поляны. Отступая, они подожгли амбулаторию и все больничные постройки, школу-десятилетку со всеми пристройками. Погибло все оборудование. Бандиты пытались сжечь дом Л. Н. Толстого. После того, как немецкие части очистили усадьбу, вдруг приехали на легковой машине три немецких штабных офицера. Вламываются в дом, у каждого в руках по бачку с горючим, бегут наверх, в трех комнатах — библиотечной, спальне Льва Николаевича и спальне его жены С. А. Толстой — из сена, соломы и деревянных предметов обстановки образуют три костра, об-



Здание Яснополянской амбулатории, сожженной гитлеровцами

ливают все горючим. В спальне Л. Н. Толстого костер был разложен как раз на том месте, где стояла кровать Толстого.

По счастью, все это было сделано наспех, фашисты боялись окружения и поэтому спешили. Не дождавшись конца своей работы, офицеры умчались.

Сейчас же после их отъезда сотрудники музея принялись за спасение дома. Воды не было. Пожарные приспособления немцы уничтожили. С большим трудом удалось добыть воду в старом заброшенном колодце.

§ 19. Комиссия считает необходимым отметить мужественную работу товарищей: хранителя музея С. И. Щеголева, научного сотрудника М. И. Щеголевой, вахтера М. П. Маркиной, ученицы школы К. С. Литвиновой прежде всего, затем сторожей музея товарищей Егорова И. В., Фоконова Д. С., Филатова В. С. и Акимова.

Усилиями сотрудников музея и молодежи, проявивших героическое мужество, пожар был ликвидирован, и дом Толстого был спасен от окончательного уничтожения.

§ 20. План и смету на восстановление разрушенных и поврежденных фашистскими варварами зданий в Ясной Поляне Комиссия в общем определяет в сумме до 1.500 тысяч рублей.

1) К производству ремонта бытового музея (дома Тол-

стого) Комиссия считает необходимым приступить немедленно. Сумма, потребная для его ремонта, не превышает 50 тысяч рублей.

2) На восстановление школы потребуется сумма до 1.200 тысяч рублей.

3) На ремонт детского сада — 20 тысяч рублей.

4) Необходимо немедленно вывезти фашистские трупы с площадки, где похоронен Л. Н. Толстой. Местный колхоз обещал оказать поддержку музею. Нужно отпустить музею 3 тысячи рублей для производства работ по ликвидации фашистских могил.

5) На восстановление и ремонт больницы, амбулатории и служебных помещений необходимо ориентировочно до 200—230 тысяч рублей.

Подробнее см. приложения: акты № 2, 3, 4.

Восстановление нормальной жизни музея-усадьбы Ясной Поляны (экспозиция, восстановление хозяйственного инвентаря) потребует до 150 тысяч рублей. В том числе восстановление экспозиции в обоих музеях до 50 тысяч рублей, восстановление хозяйственного инвентаря — до 100 тысяч рублей.

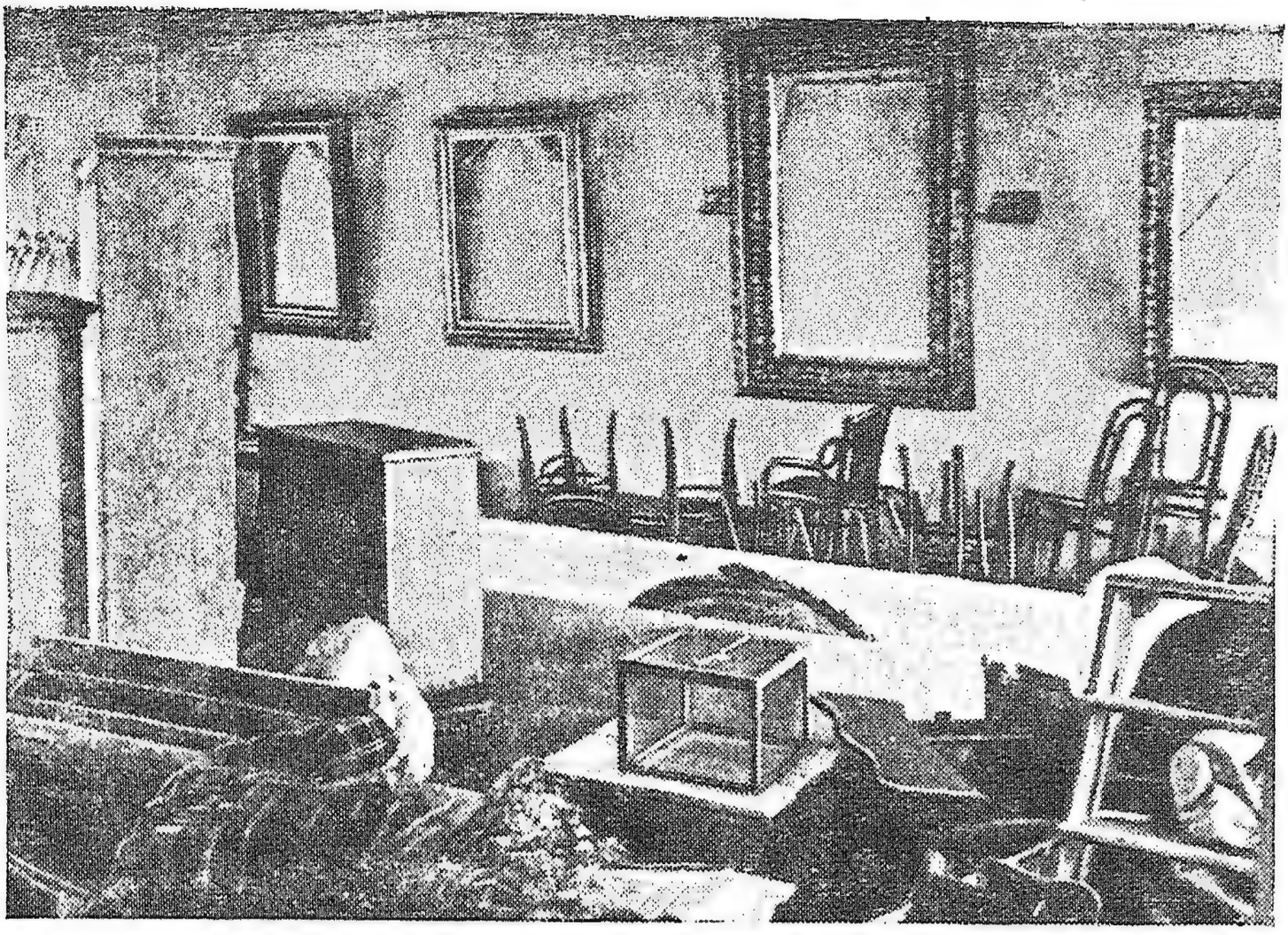
Пред. Комиссии: *Минц И. И.*
Члены Комиссии: *Толстая С. А.*
Чеботаревская Е. Н.
Родионов Н. С.
Щусев А. В.
Бодалев И. И.
Кондрашев Б. А.
Городецкий Е. Н.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

В Комиссию Академии наук СССР по составлению плана восстановления усадьбы-музея Л. Н. Толстого Ясная Поляна, разрушенной фашистскими варварами.

Докладная записка

О настоящем состоянии музея-усадьбы Ясная Поляна и о мерах, требующихся для восстановления экспозиции литературного и бытового музеев в Ясной Поляне после разгрома их германскими полчищами.



Бытовой музей. Зал после пребывания немцев

Бытовой музей.

Вся экспозиция бытового музея нарушена. Экспонаты (мебель из всех комнат, скульптура, картины и мелкие мемориальные предметы) снесены в зал. На зал наложены замки.

Ввиду того что фашистам удалось проникнуть в зал не через опечатанные двери, часть вещей оказалась похищенной.

Похищено: 1) седло, которым пользовался при верховой езде до последних дней своей жизни Лев Николаевич.

2) Круглые стенные часы.

3) Большое количество документальных фотографий, изображавших Л. Н. Толстого в разные периоды жизни.

4) Часть книг из оставшейся меморативной библиотеки.

5) Из монтажа «Переписка Л. Н. Толстого» — 8 подлинных конвертов и писем к Толстому:

1. 219/33. Конверт письма Бегунова к Л. Н. Толстому.

2. 224/99. Конверт письма Albert von Perdeck к Толстому (самое письмо не сохранилось).

3. 206/21. Конверт письма Cosas к Л. Н. Толстому.

4. 212/57. Письмо без конверта девочки Карповой к Л. Н. Толстому из Пятигорска от 12 февраля 1910 г.

5. 220/15. Письмо (без конверта) Петра Беловзорова к Л. Н. Толстому, без даты.

6. 229/100. Письмо (без конверта) Kung к Толстому. без даты.

7. 204/21. Конверт письма Johanes к Л. Н. Толстому.

8. Письмо без конверта (редакция «Die Zeit») к Л. Н. Толстому от 4 сентября 1909 г.

6) Различные мелкие вещи из взломанных шкафов в комнате Софьи Андреевны Толстой.

7) Постельное белье, одеяла и подушки с кровати д-ра Маковицкого и И. В. Сидоркова (живших вместе с Львом Николаевичем Толстым).

8) Собрание старинной одежды яснополянских крестьян.

9) Похищено 150 метров ковровых дорожек.

Кроме того похищены и сожжены:

1. Книжная полка работы Л. Н. Толстого, находившаяся в его кабинете.

2. Оконные шторы в библиотечной комнате, в секретарской, в зале и в комнате Софьи Андреевны Толстой.

3. Буфетная стойка.

Порван диван, на котором родился Л. Н. Толстой. Диван находился в кабинете Л. Н. Толстого.

Почти вся оставшаяся мебель поцарапана, потерта и поломана.

Литературный музей.

Вся экспозиция Литературного музея снята и хранится в бытовом музее в комнате под сводами.

Похищены немцами картины:

Масло:

1. «Въезд в усадьбу Ясная Поляна» — художника Салтанова.

2. «Партизаны в 1812 г.» — художника Петрова.

3. «Изба в Филях» — копия с картины Саврасова.

4. «Переход через Березину» — неизвестного художника.

5. «Левин на сенокосе» — художника Гильберта.

6. «Толстой пашет» — копия с картины И. Е. Репина, работа художника Соломина.

7. «Разгром помещичьей усадьбы» — копия с картины художника Шестопалова.

Акварель:

1. «Дом Волконского» — работа художника Гильберта.
2. «Наташа на балу» — копия с картины Л. Пастернака, работа художника Глебова.
3. «Пьер Безухов» — копия с картины художника Боклевского, работа художника Глебова.
4. «Лев Толстой и Николай II» — работа художницы Н. Ушаковой.
5. «Взятие Малахова кургана» — гравюра времени осады Севастополя.

Несколько увеличенных портретов Л. Н. Толстого с работы Черткова В. Г.

Разбиты скульптуры изображения В. И. Ленина (гипс).

Сожжено несколько старинных стильных рам различных размеров.

Зав. фондами Гос. музея Л. Н. Толстого — *Е. Чеботаревская*

АКТ № 2

Ясная Поляна, 26 декабря 1941 г. Комиссия Академии наук СССР в лице начальника «Академпроекта» академика архитектуры *Щусева А. В.*, начальника УКС *Бодалева И. И.*, профессора *Кондрашева Б. А.*, осмотрев бытовой музей усадьбы Л. Н. Толстого и обследовав состояние его после пребывания немецких войск, установила нижеследующие разрушения отдельных помещений от поджогов и от разрывов бомб:

1. В помещении библиотеки, находящейся во втором этаже (по плану комната № 34), прогорел чистый пол (на 50 процентов), на потолке проломано отверстие на чердак (20 процентов), обгорела и осыпалась штукатурка стен (на 50 процентов), обгорели 2 двери с косяками и наличниками (требуется перешпаклевка и окраска их). Одно полотно двери отсутствует вовсе.

2. В спальне Л. Н. Толстого (комната № 37) прогорел пол (на 50 процентов). Штукатурка испорчена и отбита (на 20 процентов).

3. Выбиты стекла в окнах (на 80 процентов) всего здания.

4. В спальне Софьи Андреевны (комната № 39) прогорели 3 половицы, обгорело окно.

5. Все комнаты дома закопчены. Требуется перетирка и покраска стен и потолков клеевой краской во всем доме, масляной краской окон и дверей.

6. Ввиду перегрева печек от беспрерывной топки они потрескались и требуют проверки и ремонта.

Члены Комиссии Академии наук СССР:

Академик архитектуры *Щусев А. В.*

Начальник УКС *Бодалев И. И.*

Профессор *Кондрашев Б. А.*

АКТ № 3

Ясная Поляна, 27 декабря 1941 г. Комиссия Академии наук СССР в составе начальника «Академпроекта» академика архитектуры *Щусева А. В.*, начальника УКС *Бодалева И. И.* и профессора *Кондрашева Б. А.*, осмотрев здание школы имени Л. Н. Толстого, нашла состояние ее в нижеследующем виде:

1. Пожаром уничтожена вся внутренность здания вместе с крышей. Неповрежденными остались стены.

2. Деревянное здание общежития сгорело полностью.

3. Дом для учителей тоже сгорел полностью, кроме кирпичных стен.

Члены Комиссии Академии наук СССР:

Академик архитектуры *Щусев А. В.*

Начальник УКС *Бодалев И. И.*

Профессор *Кондрашев Б. А.*

АКТ № 4

Ясная Поляна, 27 декабря 1941 г. Комиссия Академии наук СССР в составе начальника «Академпроекта» академика архитектуры *Щусева А. В.*, начальника УКС *Бодалева И. И.*, профессора *Кондрашева Б. А.*, осмотрев амбулаторию и больницу в усадьбе Л. Н. Толстого, установила нижеследующие разрушения:

1. Здание амбулатории сгорело полностью.
2. Здание больницы превращено в конюшню.
3. Общежитие для медперсонала и 3 докторских домика сгорели полностью.

Члены Комиссии Академии Наук СССР:

Академик архитектуры *Щусев А. В.*

Начальник УКС *Бодалев И. И.*

Профессор *Кондрашев Б. А.*

ГИТЛЕРОВСКИМ ВАНДАЛАМ-ГРОМИЛАМ НЕ УДАСТСЯ СКРЫТЬ СВОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ.

(«Правда» № 13 от 13 января 1942 г.)

В своей ноте от 6 января 1942 года Народный Комиссар Иностранных Дел Союза ССР В. М. Молотов довел до сведения всего мира факты грабежа и разбоя немецких оккупантов в музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, факты чудовищного надругательства фашистских варваров над памятью великого писателя.

Пытаясь скрыть от мирового общественного мнения свои преступления и «опровергнуть» достоверные материалы, приводимые в ноте В. М. Молотова, германское информационное бюро выступило с заявлением, которое, однако, выдает гитлеровских разбойников, орудовавших в Ясной Поляне, с головой. В сообщении германского информационного бюро от 9 января говорится: «Музейный инвентарь большевики *полностью* вывезли из Ясной Поляны, так что при занятии этого пункта германскими войсками там не оставалось ничего, кроме стенных украшений, т. е. некоторых картин, исполненных самим Толстым».

До сих пор все культурное человечество знало, что Толстой писал не картины, а романы. Но гитлеровским дурачкам все нипочем. «Изучив» украденные своими головорезами картины, они «узнали» в них руку Толстого. Вот уж поистине невероятная смесь цинизма и невежества, наглости и беспардонного вранья!

По своему обычаю фашистские брехуны тут же забывают, что сами пишут в своем «опровержении». Заявив, что «музейный инвентарь большевики *полностью* вывезли из Ясной Поляны», эти неумные писаки не моргнув глазом утверждают, что «оставшийся в наличии музейный инвентарь сохранен германским командованием...» Точь в точь как баба, которая, не желая отдавать долг, говаривала: «Во-первых, я у тебя горшка не брала, во-вторых, я его отдала, в-третьих, я его разбила...»

ГИТЛЕРОВСКИЕ УГОЛОВНИКИ «ЗАСЫПАЛИСЬ»

Рис. Бор. Ефимова.

Акт, составленный комиссией Академии наук СССР, в которую входили внучка Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна Толстая, академик архитектуры А. В. Щусев, профессор архитектуры Б. А. Кондрашев, хранитель музея в Ясной Поляне С. И. Щеголев, член-корреспондент Академии наук И. И. Минц, заведующая фондами Государственного музея Л. Н. Толстого Е. Н. Чеботаревская, редактор академического издания произведений Л. Н. Толстого Н. С. Родионов, начальник Управления капитального строительства Академии наук инженер И. И. Бодалев и профессор Е. Н. Городецкий, полностью изобличает жуликов из германского информационного бюро. Приводим выдержку из этого акта:

«Заняв комнаты бытового музея и комнату старшего сына Толстого — Сергея Львовича Толстого, фашисты пу-

тем отмычек взломали замки от запертых столов и шкафов; тут же было похищено из шкафа седло Л. Н. Толстого, которым он пользовался при верховой езде до самого своего ухода из Ясной Поляны, и одежды крестьян района Ясной Поляны разных эпох, имеющие этнографическое значение. Эти одежды, а также белье из шкафа С. Л. Толстого, были разделены фашистскими офицерами».

Приводим далее выдержку из приложения № 5 к акту, в котором один за другим перечислены германские «трофеи» в Ясной Поляне:

«1) Седло, которым пользовался при верховой езде до последних дней своей жизни Лев Николаевич.

2) Круглые стенные часы;

3) Большое количество документальных фотографий, изображавших Л. Н. Толстого в разные периоды жизни.

4) Часть книг из оставшейся меморативной библиотеки;

5) Из монтажа «Переписка Л. Н. Толстого» — 8 подлинных конвертов и писем к Толстому... (следует инвентарный перечень этих экспонатов);

6) Различные мелкие вещи из взломанных шкафов в комнате Софьи Андреевны Толстой;

7) Постельное белье, одеяла и подушки с кровати д-ра Маковицкого и И. В. Сидоркова (живших вместе с Львом Николаевичем Толстым);

8) Собрание старинной одежды яснополянских крестьян;

9) Похищено 150 метров ковровых дорожек.

Кроме того похищены и сожжены:

1. Книжная полка работы Л. Н. Толстого, находившаяся в его кабинете.

2. Оконные шторы в библиотечной комнате, в секретарской, в зале и в комнате Софьи Андреевны Толстой.

3. Буфетная стойка.

Порван диван, на котором родился Л. Н. Толстой...»

Пойманные с поличным гитлеровские грабители всячески изворачиваются. Они заявляют, что утверждения о разгроме и разрушениях в Ясной Поляне «опровергают фактические материалы, а именно: свидетельские показания и фотографии». Жулики и шулера выдают себе удостоверение в честности — случай, не имеющий прецедента в уголовной практике.

В сообщении германского информационного бюро нет, конечно, никаких свидетельских показаний. Они и не мо-

гут быть, ибо ведомство Гитлера, носящее название германского информационного бюро, может прибегнуть только к свидетельству того немецкого генерала, который, посетив музей, дал своим офицерам распоряжение украсть картины из Толстовского музея в качестве «сувениров». Но какая цена свидетельству этого главного вора и грабителя, организатора разграбления музея Толстого?!

Акт комиссии Академии Наук устанавливает:

«Похищены немцами картины:

Масло:

1. «Въезд в усадьбу Ясная Поляна» — художника Салтанова.
2. «Партизаны в 1812 г.» — художника Петрова.
3. «Изба в Филях» — копия с картины Саврасова.
4. «Переход через Березину» — неизвестного художника.
5. «Левин на сенокосе» — художника Гильберта.
6. «Толстой пашет» — копия с картины И. Е. Репина.
7. «Разгром помещичьей усадьбы» — копия с картины художника Шестопалова.

Акварель:

1. «Дом Волконского» — работа художника Гильберта.
2. «Наташа на балу» — копия с картины Л. Пастернака, работа художника Глебова.
3. «Пьер Безухов» — копия с картины художника Боклевского, работа художника Глебова.
4. «Лев Толстой и Николай II» — работа художницы Н. Ушаковой.
5. «Взятие Малахова кургана» — гравюра времени осады Севастополя».

Таковы факты о краже воровским войском Гитлера картин, принадлежавших Толстовскому музею, но отнюдь не написанных самим Львом Николаевичем, как «определили» фашистские «специалисты» по искусству.

Что же касается фотографий, которые, по мнению жуликов из игорного дома Гитлер и К°, должны обелить немецких офицеров-воров, то они могут быть представлены разве только из числа украденных из музея. Советские же фотодокументы, запечатлевшие погромные дела гитлеровцев в Ясной Поляне, — это убийственные для гитлеровцев, не-

опровержимые доказательства. Мировое общественное мнение, располагая этими документами, может лишний раз убедиться в том, до какой степени падения дошла гитлеровская Германия в ее походе против культурных завоеваний человечества.

Германское информационное бюро продолжает:

«Что касается толстовских зáмков, то речь идет о двух полностью сохранившихся белых зданиях, из которых главное здание служило музеем». Гитлеровские громилы, пойманные с поличным, видимо, твердо решили превзойти самих себя в отрицании всех очевидных фактов. А факты таковы:

1. Музеем служило не одно, а оба здания, и по указанию германского командования были выброшены, уничтожены и разграблены экспонаты обоих зданий.

2. Несмотря на то, что поблизости находилось прекрасное здание больницы, фашисты расположили свой лазарет не в больнице, а в музее, считая, что это будет лучшим способом подчеркнуть свое варварское презрение к памятникам культуры русского народа.

3. Что касается «полной сохранности белых зданий», то вот что установлено комиссией Академии наук:

«...После того, как немецкие части очистили усадьбу, вдруг приехали на легковой машине три немецких штабных офицера. Вламываются в дом, у каждого в руках по бачку с горючим, бегут наверх, в трех комнатах—библиотечной, спальне Льва Николаевича и спальне его жены С. А. Толстой—из сена, соломы и деревянных предметов обстановки образуют три костра, обливают все горючим. В спальне Л. Н. Толстого костер был разложен как раз на том месте, где стояла кровать Толстого.

По счастью, все это было сделано наспех, фашисты боялись окружения и поэтому спешили. Не дождавшись конца своей работы, офицеры умчались.

Сейчас же после их отъезда сотрудники музея принялись за спасение дома. Воды не было. Пожарные приспособления немцы уничтожили. С большим трудом удалось добыть воду в старом заброшенном колодце...

Усилиями сотрудников музея и молодежи, проявивших героическое мужество, пожар был ликвидирован, и дом Толстого был спасен от окончательного уничтожения».

Приводим выписку из акта № 2 комиссии Академии наук о последствиях пожара:

«§ 1. В помещении библиотеки, находящейся во втором

этаже (по плану комната № 34), прогорела часть пола (на 50 процентов), на потолке проломано отверстие на чердак (20 процентов), обгорела и осыпалась штукатурка стен (на 50 процентов), обгорели 2 двери с косяками и наличниками (требуется перешпаклевка и окраска их). Одно полотно двери отсутствует вовсе.

§ 2. В спальне Л. Н. Толстого (комната № 37) прогорел пол (на 50 процентов). Штукатурка испорчена и отбита (на 20 процентов).

§ 3. Выбиты стекла в окнах (на 80 процентов) всего здания.

§ 4. В спальне Софьи Андреевны (комната № 39) прогорели 3 половицы, обгорело окно».

Таким образом, то, что здания музея не полностью уничтожены, это не вина, а беда фашистских поджигателей, ибо они приложили все усилия, чтобы сжечь музей дотла.

Все сказанное относится не только к музею. Немцы поставили перед собой задачу стереть с лица земли все связанное с именем и памятью великого русского писателя. Немецкие фашисты разрушили, а потом сожгли школу имени Толстого, амбулаторию и больницу имени Толстого, разрубили на мелкие куски и частью сожгли вещи, сделанные руками Толстого, изрубили деревья, посаженные самим Толстым, рвали в клочья и портили мебель Толстого, малевали свою паучью свастику на страницах фамильных альбомов Толстого. Даже краткие выдержки из актов и свидетельских показаний очевидцев и пострадавших рисуют жуткую картину бандитского разгула немцев в Ясной Поляне.

Приводим выдержку из застенографированного рассказа хранителя музея-усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне С. И. Щеголева:

«31 октября. Занимается комната Сергея Львовича Толстого (сына Льва Николаевича). Меня поразила такая вещь: когда так называемый «штабартц», не назвавший своей фамилии, стал требовать освобождения комнаты Сергея Львовича, а я начал отстаивать ее и говорить, что это частная собственность, и комната эта так же дорога для музея, как и остальные комнаты, он спросил меня: «Где он находится?» Я ответил, что Сергей Львович в Москве. Тогда он, не разговаривая со мной, начал взламывать шкафы. При этом я буквально раскрыл от удивления глаза, с какой ловкостью он взламывал шкафы. У всех у них есть отмычки наподобие клещей. В комнате Сергея

Львовича он взял несколько стаканчиков, положил их в карман. Затем, взломав нижний ящик шкафа, он и еще один врач поделили между собой белье Сергея Львовича — простыни, полотенца и другие вещи... Один из офицеров забирает себе три фотографии Л. Н. Толстого меморативного значения. Я начинаю протестовать, говорю, что это меморативная вещь, показываю инвентарный номер, говорю, что отвечаем за эту фотографию. Он посмеялся и преспокойным образом забрал фотографии себе».

Вот простой перечень других преступлений фашистов:

«§ 5. Дворик музея был превращен в скотобойню. На деревьях и уцелевших заборах были развешены туши убитых тут же свиней, коров и пр.

§ 6. Несмотря на наличие рядом с домом запаса сухих дров, на топку печей и на костры были разломаны все загородки, скамейки и пр. На растопку же были разломаны книжная полка из кабинета Л. Н. Толстого, буфетная стойка и много старинных стильных рам от картин и портретов...

§ 8. Уничтожен весь хозяйственный инвентарь: повозки, сани, сбруя и др. Из 12 коров, принадлежавших хозяйству музея, спасены сотрудниками 3. Отобраны и угнаны все 4 лошади, уничтожен весь фураж».

(Из акта № 1 Комиссии Академии наук СССР).

Что осталось от школы и больницы, сожженных фашистами, видно из следующих материалов:

«...Осмотрев здание школы имени Л. Н. Толстого, нашла состояние ее в нижеследующем виде:

1. Пожаром уничтожена вся внутренность здания вместе с крышей. Неповрежденными остались стены.

2. Деревянное здание общежития сгорело полностью.

3. Дом для учителей тоже сгорел полностью, кроме кирпичных стен».

(Из акта № 3 Комиссии Академии наук СССР).

«§ 15. Всех школьных работников выгнали из школьных помещений, их приютили на деревне колхозники; бандитами расхищено все их оставшееся имущество. Сейчас школьные работники без крова, так как школа со всеми постройками сожжена.

§ 16. Уничтожена вся школьная библиотека в 18.000 томов, все учебное оборудование (микроскопы, наглядные

пособия и проч.). Библиотека в большей своей части сожжена в печах, на разложенных вокруг школы кострах, частью расхищена».

(Из акта № 1 Комиссии Академии наук СССР).

«...Осмотрев амбулаторию и больницу в усадьбе Л. Н. Толстого, установила нижеследующие разрушения:

1. Здание амбулатории сгорело полностью.
2. Здание больницы превращено в конюшню.
3. Общежитие для медперсонала и 3 докторских домика сгорели полностью».

(Из акта № 4 Комиссии Академии наук СССР).

Напуганные возмущением всего мирового общественного мнения против нарочитого, дикарского надругательства над памятью величайшего писателя, гитлеровские громилы поспешно заметают следы, заявляя, что «Советы сами минировали парк имения и могилу Толстого. На этом минном поле многие жители нашли свою гибель, так как мины были занесены снегом...»

Неуклюжая увертка изолгавшихся и пойманных с поличным бандитов! За время хозяйничанья немецких оккупантов в районе Ясной Поляны действительно были жертвы среди местного населения. 29 октября был убит фашистской бомбой председатель яснополянского колхоза Павел Давыдович Орехов; 14 ноября фашистами были повешены яснополянский колхозник Николай Иванович Власов и житель ближней деревни Волково, рабочий Косогорского завода, фамилия которого не установлена. Не эти ли люди взорвались на «советских» минах?

Что же касается того, что минное поле было занесено снегом, то в октябре, когда немцы захватили и грабили Ясную Поляну, там никакого снега не было. К тому же через два дня после захвата Ясной Поляны немцы на этом якобы заминированном месте похоронили своих солдат, умерших в госпитале.

Комиссия Академии наук установила:

«31 октября началось захоронение около могилы Толстого умерших в госпитале фашистов. Место могилы Толстого для устройства кладбища весьма неудобное: могила находится в лесу, где много корней от деревьев, мешающих рыть землю, она находится на расстоянии от усадьбы около одного километра. По дороге на могилу и вокруг дома имеются свободные поляны. Тем не менее кладбище

для фашистов, умерших в «госпитале» — доме Толстого, несмотря на протесты сотрудников музея, было устроено именно там, с явной целью надругательства над памятью великого писателя, над культурно-исторической святыней народов Советского Союза и всего мыслящего человечества. Всего вокруг могилы Толстого имеется 75 крестов с фашистской свастикой и с надписями на немецком языке».

Похоронив своих солдат у могилы Л. Н. Толстого, немцы преследовали лишь одну цель: оскорбить национальное чувство русского народа, надругаться над памятью великого русского писателя. Неуклюжая выдумка германского информационного бюро о «русских минах» — это не больше, как неудачная жульническая увертка припертых к стене преступников.

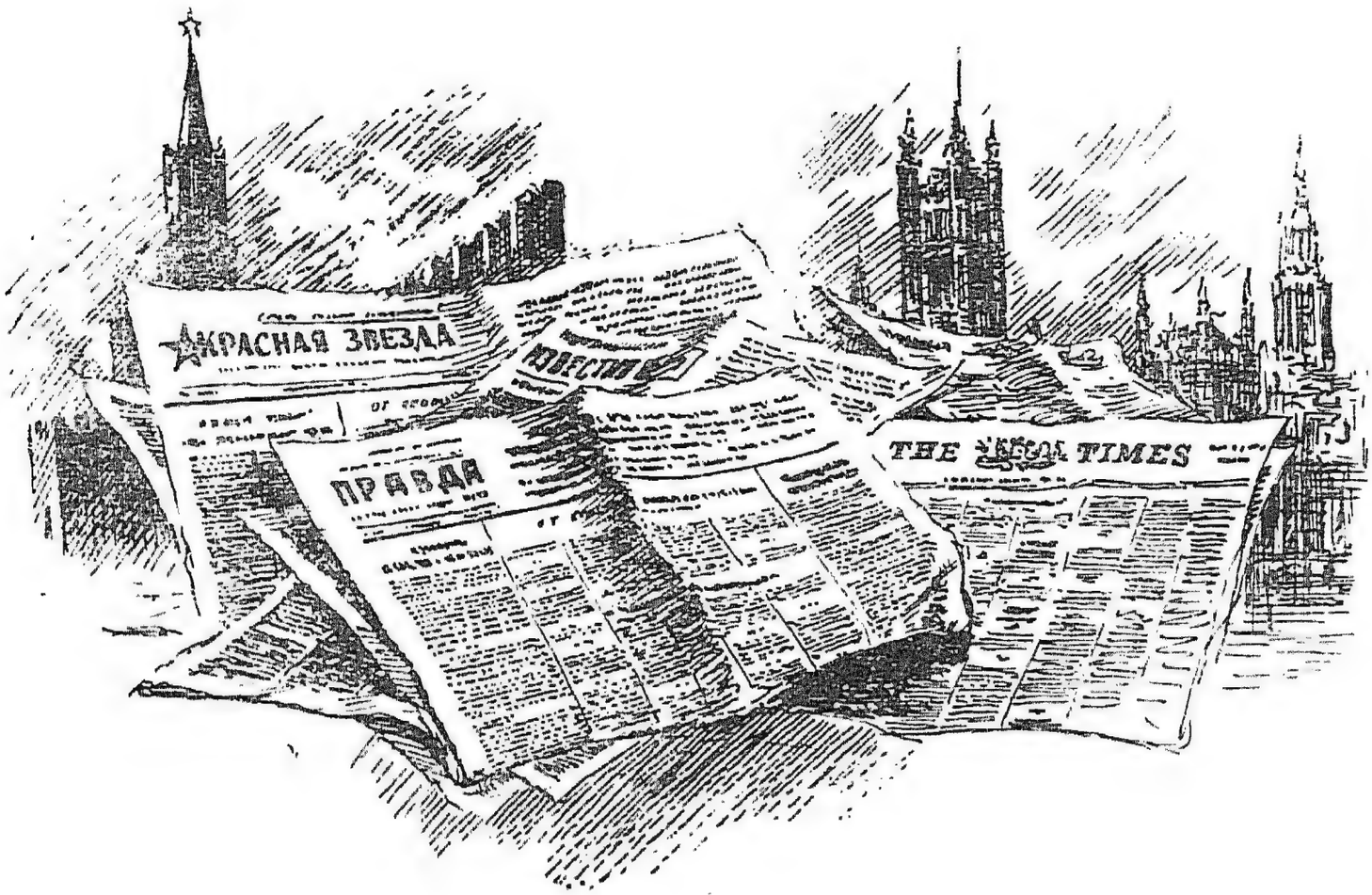
Итак, германское информационное бюро вновь позорно провалилось со своим неуклюжим «опровержением». Бесспорно установлено:

1. Германское командование, выполняя директивы людоеда Гитлера, имело целью при занятии Ясной Поляны разрушить и уничтожить все, что связано с именем и памятью великого классика русской и мировой литературы Л. Н. Толстого. С первой же минуты вступления в Ясную Поляну фашисты начали заранее обдуманный, организованный и планомерный разгром музея-усадьбы. Затем в течение всего времени пребывания в Ясной Поляне они систематически осуществляли свой дьявольский план разрушения. Германские офицеры и солдаты с официального разрешения гитлеровского командования разворовали толстовские реликвии, рубили мебель, уничтожали музейный инвентарь и в заключение подожгли музей.

2. Гитлеровские мерзавцы, надругавшись над могилой великого писателя Л. Н. Толстого, чтимого всем прогрессивным человечеством, сознательно оскорбляли национальное достоинство русского народа, измываясь над честью и национальной гордостью русского человека.

В обвинительном приговоре, который вынесет гитлеровцам культурный мир после разгрома гитлеровской Германии, материалы о чудовищных преступлениях немцев в Ясной Поляне займут свое видное место.

Советское Информбюро



V

ОТКЛИКИ В СССР И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Президент Академии наук СССР
В. Л. КОМАРОВ

...Фашистские оккупанты со всей зверской ненавистью обрушились на советскую культуру. Нет меры, чтобы определить всю глубину подлого варварства и издевательства, совершаемого фашистскими армиями на нашей родной земле; они, не задумываясь, уничтожают ценнейшие памятники русской культуры, учиняют дикие погромы культурных учреждений, сжигают школы, разрушают драгоценнейшие сокровищницы, оставленные нам от наших великих предков. Сердце каждого русского человека с невыразимой болью воспринимает сообщения о гибели под грязными сапогами фашистских бандитов таких бесконечно дорогих всему человечеству памятников, как музей в Ясной Поляне, где жил и творил величайший писатель Лев Николаевич Толстой, или домик гениального Чайковского в Клину. Нет меры нашей глубочайшей ненависти и отвращения к преступному гитлеровскому отродью, оскверняющему великую культуру великого народа! Преступники ответят за свои деяния сполна...

ОБРАЩЕНИЕ УЧЕНЫХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ученые Советской страны обращаются к передовым людям всех стран мира со жгучим протестом против дикого вандализма гитлеровских орд.

Разбойничьи полчища немцев уже давно заставили содрогнуться весь мир перед насилием, которое они учинили в оккупированных странах Европы. Но все это бледнеет перед чудовищными злодеяниями германских варваров в войне против СССР. С хладнокровием и цинизмом профессиональных бандитов немцы, не щадя стариков и детей, убивают и грабят мирных жителей, подвергают изощ-

ренным пыткам пленных красноармейцев, насилуют женщин. Немецкая армия покрыла себя несмываемым позором. Все понятия о воинской чести она цинично растоптала в прах.

Преступный, обдуманный вандализм немецко-фашистских орд с предельной ясностью проявляется в кощунственном надругательстве над святынями русской и мировой культуры. Исторические памятники, известные всему миру и дорогие сердцу каждого советского гражданина, с садистской жестокостью подвергаются уничтожению. В селе Михайловском фашистские мерзавцы разрушили ценнейшие памятники, связанные с именем гениального русского поэта Пушкина. Они надругались над памятником Мицкевича во Львове и над памятником Шевченко в Каневе. С ужасающей наготой злодеяния фашистских варваров обнаружились в городах и селениях, ранее захваченных немцами и ныне освобожденных доблестной Красной Армией. В городе Клин с бессмысленным озверением разграблен и разрушен дом-музей Чайковского, где композитор создавал оперы и симфонии, которые ценит и любит весь мир. В Ясной Поляне памятные места, связанные с жизнью и творчеством гордости русской и мировой литературы Льва Николаевича Толстого, осквернены и разгромлены. Советские ученые разделяют со всем народом боль, негодование и справедливое чувство неукротимой мести, вызванное вестью об этих отвратительных злодеяниях немецких фашистов. Эти злодеяния не случайны. В них претворена вся программа фашистского человеконенавистничества, в них видна вся мера невежества, подлости и одичания, какие годами воспитывал в немецком обывателе обер-бандит Гитлер.

Это его маниакальный бред о физическом истреблении целых народов с их тысячелетней культурой толкал фашистских гангстеров на бессмысленное разрушение памятников национальной культуры. Это тупая и злобная ненависть Гитлера к культуре и искусству, ненависть к идеям гуманизма, свободы и братства народов, воплощенным в творениях Чайковского и Толстого, руководила фашистскими негодяями в их омерзительных бесчинствах в Клину и Ясной Поляне.

Разумеется, не прусским фельдфебелям уничтожить великую культуру русского народа, культуру, давшую миру Пушкина и Лобачевского, Глинку и Чайковского, Толсто-

го и Горького. Советская страна в союзе с великими демократиями мира выжжет огнем и железом фашистскую чуму и обеспечит культурный прогресс человечества, но мы, ученые Советской страны, еще и еще раз обращаем внимание мирового общественного мнения на то, какую смертельную угрозу всем культурным завоеваниям народов несет с собой гитлеризм. Фашизм и культура, фашизм и наука, фашизм и творческий созидающий труд — несовместимы. На полях Советской страны сейчас развертывается историческая битва между силами свободы, культуры, разума и прогресса и самыми реакционными, зверскими и деспотическими силами, какие когда-либо знала мировая история. От исхода этой битвы зависят судьбы мира, судьбы цивилизации, судьбы величайших культурных ценностей, завоеванных человечеством в трудной борьбе на протяжении тысячелетий. Кровавые и позорные деяния фашистских полчищ с непреложностью доказывают, в какую мрачную бездну дикости и озверения хочет бросить народы мира преступный безумец Гитлер.

С чувством глубокого негодования, протестуя против вандализма немецко-фашистских людоедов, ученые Советской страны призывают всех ученых, всех честных людей во всем мире протестовать против такого вандализма гитлеровских головорезов, удвоить свои усилия, теснее сплотиться вокруг СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки для того, чтобы добиться окончательной победы над нацистской Германией.

Академики: *Комаров, Шмидт, Чудаков, Колмогоров, Бах, Степанов, Леон Орбели, Никитин, Деборин, Варга, Мещанинов, Богомолец, Вышинский, Лысенко, Образцов, Ферсман, Митин, Абрикосов, Байков, Бардин, Бернадский, Виноградов, Галеркин, Греков, Державин, Зелинский, Иоффе, Капица, Кирпичев, Кистяковский, Кочин, Кржижановский, Крылов, Миткевич, Мусхелишвили, Наметкин, Обнорский, Обручев, Иосиф Орбели, Павлов, Папалекси, Петрушевский, Поздюнин, Покровский, Порай-Кошиц, Прасолов, Пряшников, Ротштейн, Семенов, Скрябин, Соболев, Сперанский, Тарле, Терпигорев, Толстой, Трахтенберг, Фаворский, Фрумкин, Флопин, Цицин, Чаплыгин, Чижевский, Шенфер, Ширшов, Шолохов, Штерн, Ярославский.*

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Весь мир потрясен известием о варварском разрушении Ясной Поляны — усадьбы Льва Толстого и уничтожении музея П. И. Чайковского, этом неслыханном кощунстве фашистских выродков над светлой памятью гениев человечества, святынями русского народа.

Беспримерны подвиги, совершаемые советским народом в великой борьбе за культуру против ее смертельных врагов. Враг не выдержал сокрушительных ударов нашего народа, враг пятится назад, истекая черной кровью.

Именно поэтому с такой злобой обрушиваются подлые фашистские звери на все, что является славой и гордостью нашего народа, выражением его творческого гения и силы.

Месть, беспощадная месть — вот наш ответ! Месть преступному маньяку Гитлеру, месть каждому немецкому захватчику, осмелившемуся осквернить советскую землю!

Мы призываем советский народ и все свободолюбивые народы, ведущие войну против гитлеризма, удесятерить свои усилия, сражаться с еще большим упорством и мужеством, сделать все, что в силах человека, чтобы приблизить час уничтожения гитлеризма, час справедливого возмездия фашистской Германии за все ее злодеяния.

Коричневая чума, оскверняющая весь мир, будет выжжена каленым железом!

Писатели: *А. Толстой, С. Сергеев-Ценский, И. Эренбург, А. Корнейчук, В. Катаев, В. Василевская, П. Павленко, Е. Петров, Ф. Панферов, А. Фадеев, А. Новиков-Прибой.*

Народные артисты СССР: *Барсова, Михайлов, Козловский, Пирогов, Рейзен, Самосуд, Степанова, Обухова, Неждановa, Москвин, Хмелев, Добронравов, Тарасова.*

Народные артисты РСФСР: *Лилина, Гельцер.*

Заслуженные деятели искусств: *Политковский, Гедике, Кедров.*

Кинорежиссеры: *С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, С. Герасимов, Ф. Эрмлер.*

Заслуженный артист РСФСР *Лемешев,* артист *Б. Чирков,* композитор *Шостакович,* проф. *Козолупов,* художник *Соколов-Скаля.*

К ДЕЯТЕЛЯМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА АНГЛИИ И США

Мы, деятели советского искусства и литературы, обращаемся к Вам, писатели и художники, артисты и музыканты Англии и Соединенных Штатов Америки. Мы обращаемся к Вам, честные люди всех стран, которым дороги культурные богатства человечества. Мы считаем себя обязанными поднять голос гневного обличения современных варваров, совершающих невиданные по своей гнусности злодеяния против прогресса и культуры.

С величайшей любовью сберегает русский народ памятники своей культуры. Места, где жили великие люди, пользуются у нас любовью всего народа. Заповедниками и музеями стали Михайловское — место погребения великого поэта Пушкина, Ясная Поляна, где жил и работал Лев Толстой, домик в Клину, где провел последние годы своей жизни Чайковский, усадьба Тургенева в Лутовиново под Орлом, дом, где родился Чехов в Таганроге... Любовью и почитанием всех народов Советского Союза окружены имена великих писателей Грузии, Азербайджана, Туркменистана — Шота Руставели, Навои, Низами, в честь которых сооружались памятники и создавались музеи.

Мы знаем, что гений Льва Толстого одинаково дорог всему человечеству. Нет ни одной страны в мире, где бы не звучала с покоряющей силой музыка Чайковского, где бы в списке любимых писателей не значилось имя Льва Толстого. Должно быть именно поэтому гитлеровские банды сознательно уничтожали ценнейшие памятники мировой культуры и науки. То, что немцы сделали с памятниками русской культуры — с домиком-музеем Чайковского в Клину, с домом Льва Толстого в Ясной Поляне, с величайшим творением зодчего Растрелли — монастырем в Новом Иерусалиме, с могилой украинского поэта Шевченко, с могилой великого поэта Александра Пушкина в Михайловском, с домиком композитора Римского-Корсакова в Тихвине, беспримерно по своей гнусности и подлости. Немцы в Ясной Поляне разграбили и уничтожили все документы, фотографии и книги, которые хранились в бытовом музее. В комнате, где Толстой создал «Войну и мир», они взломали все шкафы и часть из них перекололи на дрова. Они минировали перед уходом дом

Льва Толстого и подожгли его в трех местах — в библиотечной комнате, в спальне Толстого и в комнате его жены Софьи Андреевны. Они сожгли новую прекрасную школу имени Льва Толстого, а затем и больницу. Для поджога в доме Льва Толстого был сложен огромный костер из дров, соломы и книг, облит керосином и подожжен. На дрова были изрублены стол из буфетной Толстого и личное кресло писателя. В парке были снесены все скамейки, на которых отдыхал и беседовал со своими посетителями Толстой, и тоже сожжены. Та же участь едва не постигла диван, на котором родился Толстой и который с величайшим трудом был спасен сотрудниками музея.

В домике Чайковского в Клину немцы разбили все ящики с музейным имуществом, топили печи нотами и книгами из редчайшей музыкальной библиотеки, отрывали деревянные панели, которые тоже изрубили на топку, разбили бюст Чайковского и растоптали старинные фотографии и гравюры. Боясь выходить ночью на улицу, они превратили одну из комнат музея в уборную. Другую комнату, где великий композитор писал свою 6-ю симфонию, они превратили в гараж для мотоциклов.

В городе Истре немцы взорвали на воздух знаменитый Воскресенский монастырь, известный под именем Нового Иерусалима. Это был один из древнейших памятников русского зодчества, перестроенный в XVIII веке гениальными зодчими Растрелли и Казаковым. В шестидесяти двух залах этого монастыря, превращенного в наши дни в музей, были собраны ценнейшие исторические редкости. Свыше семидесяти тысяч человек посещало ежегодно этот музей. Немцы под сводами этого древнейшего памятника культуры устроили склад боеприпасов, который взорвали при своем отступлении.

Загажен и превращен в хлев дом, где родился Римский-Корсаков в Тихвине. Они не пощадили памяти великого композитора, создавшего мировые музыкальные произведения «Садко», «Шехерезаду», «Сказку о золотом петушке», «Сказание о граде Китеже».

Мы обращаем к вам, люди искусства, свой голос. В наше время, когда варвары втоптали в грязь все понятия человечности и гуманизма, трудно этих варваров убеждать силой слова. Наш русский народ успешно убеждает их ныне силой своего оружия. Но мы хотим, чтобы голос нашего протеста и возмущения прозвучал бы для всех

культурных народов. Мы хотим напомнить им, что пока не скручен, не повален бешеный зверь — фашизм — до тех пор лучшие ценности человечества находятся под угрозой истребления и уничтожения.

На пепелищах своих разрушенных памятников культуры все мы, деятели русского советского искусства, клянемся отдать все свои силы на уничтожение подлого зверя, для которого не существует никаких национальных ценностей, никакой культуры других народов. Лев Толстой и Чайковский останутся жить в веках, даже если бы варвары уничтожили отдельные памятники их жизни и творчества. Но вандалы, которые топят партитурами Чайковского печи и поджигают дом Толстого, будут прокляты в веках.

Мы глубоко уверены, что народы Америки и Англии в полной степени разделят наш гнев по поводу изуверского разрушения лучших памятников великой русской культуры.

Писатели: *А. Толстой, М. Шолохов, К. Федин, А. Новиков-Прибой, Джамбул, Вл. Лидин, Ш. Дадиани, Лео Киачели, Г. Табидзе, И. Абашидзе, Г. Леонидзе, И. Мосашвили, С. Муканов, М. Ауэзов, А. Фадеев.*

Народные артисты СССР: *В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова, В. В. Барсова, Н. С. Козловский, А. А. Хорава, А. А. Васадзе, М. Д. Михайлов, А. С. Пирогов, М. О. Рейзен, С. А. Самосуд, С. М. Михоэлс, Халима Насырова, Куляш Байсеитова.*

Народный артист РСФСР *Ю. Файер*, артистка *О. В. Лепешинская*, артист *А. Мессерер*, народная артистка Узбекской ССР *Тамара Ханум*, народный артист Грузинской ССР *Д. Андгуладзе*, народные артистки Грузинской ССР *Е. Сохадзе, Н. Вачнадзе*, народный артист Грузинской ССР *Ш. Гамбашидзе.*

Композиторы: *Д. Шостакович, Мухтар Ашрафи, Д. Нурпеисов, Д. Аракишвили, Г. Киладзе;* народный артист РСФСР профессор *А. Гольденвейзер.*

Заслуженный деятель искусств художник *И. Грабарь*, заслуженный художник *М. Тоидзе*, народный скульптор Грузинской ССР *Я. Николадзе*, скульптор *С. Какабадзе*, президент Академии архитектуры *В. Веснин*, кинорежиссер *М. Ромм*, кинорежиссер *М. Чиаурели.*

А. В. Щусев

ПОЕЗДКА КОМИССИИ ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ НАУК

в декабре 1941 г. в Ясную Поляну

С возвышенности, на которой стоит железнодорожная станция, открывается широкий вид на зимний пейзаж и на дорогу в Ясную Поляну. Дорога вьется по опушке смешанного леса почти до самых ворот усадьбы Толстых.

Две крупные оштукатуренные и выбеленные каменные башенки фланкируют вход в усадьбу. Широкая аллея идет оттуда через плотину пруда, подымаясь в гору до самого дома; она живописно обрамлена покрытыми пушистым снегом деревьями. Темнозеленые ветки больших елей как бы протягивают навстречу путнику свою опушенную снегом хвою.

Вокруг усадьбы старый парк, на фоне которого вырисовываются силуэты зданий. Вся местность вокруг, холмистая, покрытая лесом и фруктовыми садами, является частью лесной древней засеки, охранявшей Московское государство от набегов кочевников с юга. Могила Л. Н. Толстого—простой земляной холм среди зеленого окружения, над живописной, поросшей мелкой зеленью балкой.

Здесь все дышит памятью великого писателя земли Русской, и я лично пожалел, почему я, молодой тогда еще архитектор, не набрался храбрости и не приехал в эту гостеприимную усадьбу повидать и послушать Л. Н. Толстого.

А он, говорят, любил архитектуру, чувствовал ее красоту и значение, как его великий собрат Виктор Гюго, и мог бы дать много новых мыслей молодому пытливому уму русского зодчего.

Но лучше поздно, чем никогда, и я был очень доволен, что принял участие в поездке Комиссии Академии наук особенно еще и потому, что мы явились первыми москвичами, попавшими в Ясную Поляну через две недели по отступлении оттуда германских войск. Стоял там особый полк «Великая Германия» из армии генерала Гудериана, и

чувствовали себя эти части, видимо, неплохо, так как жарко топили печи не только дровами, но и мебелью музея, который, уезжая, они подожгли.

Тотчас по нашем приходе в усадьбу администрация музея во главе с т. Щеголевым показала нам музей и могилу Толстого. Музей был очищен от сора неприятельского постоя, но мебель была свалена еще в кучи, и обгорелые комнаты библиотеки и спален Толстых зияли дырами в полах и потолке второго этажа.

Могила Л. Н. Толстого была окружена 75 могилами немецких солдат, но сама могила была не тронута. Видимо, враг не успел из-за спешки отступления нанести большой вред самой усадьбе, он ее только разорил и обесчестил.

Но все остальное культурное окружение, как школа, общежитие, дома-квартиры учителей и врачей, больница и пр., было жестоко изуродовано и уничтожено пожаром, устроенным немцами при своем отступлении.

Нам, трем строителям, членам Комиссии, — мне, профессору Кондрашеву и инженеру Бодалеву пришлось тщательно обследовать, записать, экономически и технически расценить те разрушения, которые мы застали; этому делу мы посвятили почти все время своего двухдневного пребывания.

Часть Комиссии, во главе с внучкой писателя Софьей Андреевной Толстой и членом-корреспондентом Академии Наук Минц, были заняты обследованием всех разрушений музея и обстоятельств, сопровождавших полуторамесячный постой врага в Ясной Поляне.

Труды Комиссии детально описаны. От поездки я вынес светлую память о месте, где провел бóльшую часть своей жизни Толстой, где он творил свои бессмертные произведения, а зимний снежный пейзаж, освещенный на второй день нашего пребывания яркими лучами декабрьского солнца, предвещавшего суровые морозы, мне, как художнику, а особенно моему глазу, дал много незабываемых картин русской природы с яркими полосами синих теней на глубоком снегу, среди которого там и сям попадались покинутые врагом остовы то разбитых тракторов и автомобилей, то брошенные бензиновые бачки и прочее военное имущество, подходить к которому для осмотра не рекомендовалось из-за опасности возможного взрыва поставленных неприятелем мин.

10 апреля 1942 г. Москва.

«Таймс», 29 декабря 1941 г.

Дом Толстого в Ясной Поляне уничтожен германскими захватчиками. Корреспондент сообщил нам, что даже деревья в парке уничтожены. Поврежден дом Чехова, а также дом, где жил самый знаменитый русский композитор — Чайковский. Возможно, что любимые деревья Толстого использованы на дрова для германских войск.

Мы обычно говорим о немецком «варварстве» и «бесцельных разрушениях», которые совершают немцы и которым они обучили своих союзников (если таковое обучение понадобилось). Уничтожение домов Толстого, Чехова и Чайковского не бесцельно, и это не варварство. Это сознательный акт, совершенный по соображениям, которых не понял бы ни один варвар. Пора уже оправдать гуннов, готов и вандалов от незаслуженного обвинения в том, что они напоминают современных немецких захватчиков. Немецкие захватчики несравненно хуже гуннов.

Кровожадные варвары старых времен могли бы сжигать открытые города, убивать безоружных мужчин, женщин и детей. Если бы на пути встретилась библиотека, варвар сжег бы ее. Но осквернение памятника гению — не варварство. Это гнуснее, чем слепая ярость разрушения, так как здесь тщательно избрана жертва и наносится удар по духу. Ни слова «цивилизованное варварство», ни «варварство цивилизации» не могут передать этого извращенного доведения цивилизованного сознания до степени утонченного варварства. Это — сознательное, теоретически обоснованное зверство. Варвар не знал бы, что дома Толстого, Чехова и Чайковского являются самыми чувствительными местами, ударив по которым можно нанести тяжелую рану русскому народу. Обладая наследием интеллектуальной культуры, немцы знали это, и это наследие они превратили в орудие изощренной жестокости. В этом заключается гнусность.

Как выразился один автор письма в редакцию, это — дьявольская дикость. И действительно, эта изощренность является скорее дьявольской, чем человеческой. Тут — не

материальный ущерб, который является единственной целью варварского нападения и главной целью всякой войны. Здесь — прямой удар по человеческой душе с целью сломить эту душу и прочнее обратить всех побежденных в абсолютное рабство, которое должно превратиться в темную ночь для всех народов.

Русские знают, против какого зла они борются, и они еще ожесточеннее сражаются, мстя за духовную рану, которую изощренная гнусность нанесла их национальной гордости.

Из того, что произошло в России, все свободные народы могут твердо убедиться в необходимости избавить человечество от этого разврата, который хочет поработить душу.

ИЗ ПИСЕМ, ПРИСЛАННЫХ В ВОКС

Дэсеймсон, писательница, председатель лондонского Пен-клуба

Я могу только выразить советским писателям мою глубокую скорбь и возмущение по поводу разрушения германской армией усадьбы Толстого со всеми содержавшимися в ней сокровищами, которые принадлежат русскому народу и всему миру. Самое худшее — это то, что люди, совершившие эти гнусные разрушения, не просто варвары, не знающие, что они делают; они очень хорошо понимали, что разрушают большую культуру и памятник величайшему писателю. Каждый писатель цивилизованного мира испытает горечь и стыд при виде этого акта.

О'Кэсей, английский поэт и драматург

Уничтожение старого дома Толстого — грустное событие для всех нас, еще более грустное для советского народа и самое грустное для немцев. Безумие могло бы быть единственным оправданием подобного акта бессмысленной жестокости. Я думаю, что они не были настолько безумными, чтобы полагать, что уничтожение дома великого человека уничтожит самого великого человека. Очень тяжело поверить, что человеческие существа могли совершить что-либо подобное, потому что

великие люди, подобные Толстому, оправдывают существование человека. Жестокость и зверства там, где жил и мыслил великий человек, — непростительный грех. Но не безумие вызвало эти отвратительные акты разрушения. Они явно были совершены совершенно сознательно. Это — страшный приговор. Толстой с его гордым сердцем всегда с нами. Великий русский брат всех людей, через твой разоренный сад и сожженный дом мы протягиваем руки и приветствуем тебя!

Эти люди — генерал, полковник и все остальные, кто совершил все эти преступления, умрут бесславно неоплаканными, а великий гений будет жить как знамя всех народов.

Чувства моей глубокой симпатии с советским народом. Пусть как можно скорее Красная Армия выбросит со своей земли всех этих дикарей, которые пришли калечить, сжигать и убивать людей, которым они никогда не будут равны, и уничтожать вещи, к которым они недостойны прикасаться.

Вальтер Деламар, английский поэт

Трудно подыскать слова, чтобы выразить ужас и презрение, когда узнаешь о подобном вандализме. Эти поступки свидетельствуют о преступности и злобе, и поэтому они очень опасны. Я лично скорблю при мысли о потере для России и для всех нас таких неоценимых сокровищ.

Томлинсон, английский писатель и журналист

Я мог бы сказать многое русским и моим собратьям писателям и поэтам России по поводу осквернения усадьбы Толстого немцами и уничтожения ее сокровищ, но это были бы выражения не для печати. Не будь жестокой действительности, нельзя было бы поверить, что европейцы могут осквернить Ясную Поляну, где жил один из величайших европейцев всех времен. Имя Толстого известно в Англии так же, как и в России. Он и Чехов пользуются уважением и любовью английских писателей, и возможно, что русские даже не знают, как глубоки эти чувства. Поэты и писатели России — это люди того же масштаба, что и представители нашей шекспировской эпохи, и мы знаем это. Трудно сказать,

смогут ли когда-нибудь немцы смыть этот ужасный позор, которым гитлеровцы запятнали историю германского народа.

Александр Каун, профессор славянской литературы Калифорнийского университета

Осквернение дома Толстого возмутило Америку и сплотило человечество против варварства.

Генрих Манн
5 февраля 1942 г.

Намеренное разрушение памятников культуры показывает то предельное варварство, в которое назад отбросил Гитлер своих немецких рабов. Под властью своих мерзких тиранов они потеряли благоговение перед своими собственными мастерами культуры, это сделало их способными посягнуть на Толстого, Чехова, Чайковского. Их подлые преступления не могут меня более удивлять, но мое возмущение и презрение выросло безгранично.

Лион Фейхтвангер
4 февраля 1942 г.

Нацистское движение было с самого начала чудовищным восстанием варварства против разума. Оно началось арестами и убийствами интеллигентов и сожжением книг. Также и сражающаяся в Советском Союзе армия варваров, естественно, продолжает свою деятельность в духе тех, кто ее послал. Они уничтожают все памятники великой русской культуры, которые им встречаются. Эти глупцы по-детски думают, что они могут убить самый дух, когда разрушают дом. Они не понимают, что дух книги продолжает жить и тогда, когда они уничтожают дом композитора и рукопись музыкального произведения. Развалины, которые они оставляют за собой, не стыдят великих мертвецов. Они остаются только памятником стыда самих разрушителей.

Элизабет Хилл,
профессор литературы Кембриджского университета (Англия)

Очень рада, что Вы издаете черный список злодеяний нацистов, разрушающих памятники культуры, и включаете в Ваш сборник искренние свидетельства возмущения цивилизованного мира этим вандализмом.

Неруда, поэт Латинской Америки,
председатель Союза писателей в Чили
Мексико, 31 января 1942 г.

Преступление, совершенное нацистами в отношении музея Толстого, — это варварство против всемирного культурного наследия и подтверждает неизбежность сплочения всех народов вокруг героической Красной Армии против общего врага.

Хуан Маринельо,
профессор испанской литературы Гаванского университета
Гавана, 31 января 1942 г.

Разрушение музея Толстого и музея Чехова является новым и решающим доказательством злобного отношения нацизма к подлинной культуре. Все свободные и честные люди в мире должны протестовать против этого варварского нападения.

Ева Кюри

Я — первая из иностранцев, посетившая после бегства немцев из Ясной Поляны места, где родился, жил и работал Лев Толстой. Не знаю, найдется ли уголок, более дорогой сердцу русского человека. Декретом Ленина Ясная Поляна была объявлена государственной собственностью вскоре же после революции. Тогда было решено превратить поместье в музей и сохранить в нем все точно в таком же виде, как это было во времена Толстого. В России имеются три других музея имени Толстого, памятники ему, и многие улицы во всех городах страны названы его именем. Даже маленькая железнодорожная станция, где в скромном домике ее начальника скончался писатель, была переименована советским правительством, получив название «Лев Толстой».

Немцы хозяйничали в Ясной Поляне в течение 45 дней, и те мерзости, которые они натворили там, вызвали волну негодования по всей России. Почти каждый раз, когда я спрашивала у командиров, или у простых бойцов Красной Армии, или у рабочих на заводе, что мне посмотреть в СССР, ответ гласил: «Поезжайте в Ясную Поляну, и, когда вернетесь в Америку и Англию, расскажите всем, что сделали немцы с домом Толстого».

Моими спутниками в этой поездке были Софья Андреевна Толстая, внучка писателя, и профессор Минц из Академии наук, которым было поручено восстановить поврежденный немцами исторический дом.

Еще издали мы увидели парк и огородное хозяйство, а слева открылось взору трагическое зрелище, обычное почти для всех деревень, освобожденных от немцев: школа на холме без крыши, без окон; ее печальные стены почернели от пламени; сожженный учительский дом; сожженный госпиталь. Мы подъехали к воротам. На двух белых колоннах по обе стороны ворот эсэсовцы вырезали гитлеровскую паучью эмблему. Затем мы проехали к белому домику по чудесной аллее, обсаженной прямыми высокими елями.

Большинство драгоценных книг и документов музея было эвакуировано из Ясной Поляны за две недели до вторжения немцев, а оставшиеся экспонаты после прихода немцев были собраны хранителем музея и его сестрой в одну единственную комнату. Я осмотрела пустую комнату, в которой был написан роман «Анна Каренина». Фашистские офицеры превратили ее в харчевню. Я была в тихой спокойной комнате с выбеленными стенами и очаровательными круглыми сводами: Толстой в течение семи лет работал здесь над «Войной и миром» — книгой, которую теперь перечитывают все русские. Затем я поднялась наверх. В спальне Толстого, в его маленькой библиотеке и в комнате его жены были выбиты все окна и зияющие отверстия временно заложены соломой. На полу виднелись огромные дыры, выжженные пламенем, и вокруг них — обуглившееся дерево. В этих комнатах немцы сложили костер, который должен был уничтожить весь дом.

Все это произошло во время суматохи, предшествовавшей отходу гитлеровцев. Рано утром огромное пламя охватило главные здания Ясной Поляны. Первой загорелась школа, затем учительский дом, госпиталь, приют, а затем уж и дом Толстого. Чтобы быстрее справиться со своей «работой», три немца сели в автомобиль и объезжали дом за домом, на ходу поджигая их. Предварительно они уничтожили все противопожарное имущество, которое имелось в распоряжении музея, и здание было спасено лишь благодаря отчаянным усилиям сотрудников музея. Покидая Ясную Поляну, «победители» пытались запугать этих людей, заявив им, что здание минировано. Но русские не испугались и, как только немцы уехали, тут же начали бороться с огнем. Им удалось спасти драгоценное белое здание. С тех пор каждый житель в Ясной Поляне трудится над тем, чтобы стереть все следы гнусного по-

ругания. Нужно убрать огромные горы грязи, оставленной немцами, груды пустых бутылок и битого стекла, вывеску «Казино», прибитую к двери комнаты графини Толстой, где офицеры играли в карты, нужно, наконец, выбросить из земли трупы восьмидесяти трех немцев, цинично похороненных подле уединенной могилы писателя. Когда сестра управляющего музеем пришла просить германских офицеров выбрать в обширном поместье любое другое место для кладбища, ей нагло ответили: «Солдаты Германии безусловно заслужили право быть похороненными рядом с вашим Толстым». Об этом осквернении памяти великого писателя бесстыдно говорят 83 погребальные дощечки, торчащие вокруг великой могилы.

Есть нечто драматическое в борьбе двух армий над местом вечного покоя гениального художника. Борьба, которая велась снарядами и зажигательными бомбами, велась также пером и чернилами в кожаной книге, заведенной для записи впечатлений посетителей Яснополянского музея. Когда я переворачивала страницы этой книги, заполненной русскими людьми, выражающими свое обожание и восхищение талантом Толстого, я внезапно увидела немецкие фамилии наверху страницы, под следующей фразой: «30 октября 1941. Первые три немца в русской кампании». Ниже следовали другие немецкие имена с наглым добавлением: «Мы из великой Германии». Там же развязно расписались белогвардейские прохвосты, прибывшие сюда с немецкими оккупантами. А затем уже шли фамилии бойцов и командиров Красной Армии, освободивших Ясную Поляну. Они выражали свое негодование против захватчиков, свое преклонение перед Толстым и неуклонную решимость уничтожить врагов культуры — фашистов.

Толстой, который с таким гениальным мастерством описал разгром наполеоновского вторжения в Россию, превосходно нарисовал бы сцены, происходившие несколько недель тому назад вокруг его дома, его могилы и его любимой маленькой деревни.

Во время германской оккупации тела двух русских крестьян в течение четырех дней висели на главной площади Ясной Поляны. Трудно придумать более жестокое оскорбление памяти великого мирового писателя!

Москва, 21 января 1942 г.

«Интернациональная литература» № 1—2, 1942, стр. 236—237.

ИЗ «КНИГИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ» ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ ЗА ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Очень рад, что смог посетить музей имени Л. Н. Толстого. Учиться жить надо у великих людей!

Красноармеец *Савищев*
9 июля 1941 г.

Выполнил свое искреннее желание посетить усадьбу и музей имени великого писателя Льва Николаевича Толстого. Получил огромное удовлетворение от посещения. Как был прост по внешности Лев Николаевич, как проста его была жизнь и обстановка, в которой он жил. А простота — признак мудрости.

В. П. Васильев
Калуга, 9 июля

Мы, командиры и красноармейцы Красной Армии, посетив усадьбу (музей) великого классика мировой литературы Льва Николаевича Толстого, выражаем самые наилучшие пожелания Академии наук СССР сохранять и дальше столь неоценимое богатство Л. Н. Толстого.

Воентехник 1-го ранга *Ив. Ал. Чурбанов*
29 июля

Великое волнение переживается, когда посещаешь дом и место творчества мировых сокровищ литературы и философии глубочайшего мыслителя и покоряющего весь мир художника слова и вечную гордость русского народа.

Военврач академик *И. Бурденко*
8 августа

С большим волнением и восторгом осмотрели усадьбу, где прожил и творил великий человек Лев Толстой. Еще с большей энергией будем бороться за ту счастливую жизнь, о которой мечтал сам Толстой. Спасибо сотрудникам музея.

Группа выздоравливающих бойцов
(подписи) 16 августа

С затаенным дыханием, с приподнятым чувством любви и уважения к Великому Русскому писателю Льву Николаевичу, осмотрел музей, и в душе остались самые лучшие чувства; и все это так живо представлено: жизнь, работа, быт Великого человека.

Батальонный комиссар *(подпись)*
24 августа

Наконец-то посчастливилось посетить Ясную Поляну. Поражен великой простотой, в которой жил и творил Великий Толстой.

Инженер *Мескин*
26 августа

Личный состав В. С. П. № 93, посетив музей Ясная Поляна, уносит с собою воспоминания о Великом соотечественнике Л. Н. С большим вниманием осмотрели все реликвии, относящиеся к его жизни и деятельности.

Нач. ВСП № 93 *(подпись)*
6 сентября

Группа бойцов Красной Армии в дни Отечественной войны посетила дом величайшего русского писателя Л. Н. Толстого. В нашей памяти останется надолго своеобразно проведенная жизнь этого человека — простота в обычаях и неутомимость в работе.

Благодарим правительство, что сохранило этот замеча-

тельный памятник о жизни Л. Н. Толстого, жизнь которого может служить нам примером.

В. Дьячков
6 сентября

Спасибо партии и правительству за сохранение этого величайшего исторического памятника.

Генерал-майор *(подпись)*
Военный комиссар *(подпись)*
7 сентября

Я, Яковлев Иван Матвеевич, инженер по образованию, посетив этот дом в дни войны, восхищен, горю желанием ценою своей жизни сохранить это великое место памяти Л. Н. Толстого. Итак, за Толстого!

Яковлев
14 октября

Drei erste Deutsche im Feldzuge gegen Rußland 1941.

30/10. 41. (три подписи)

(Перевод: Три первых немца в походе на Россию.)

Wir sind von fern Deutschland (четыре подписи)

[С 2 XI 41 г. по 6 XI 41 г. — 30 немецких подписей]

(Перевод: Мы из далекой Германии.)

Василий Святополк-Мирский Feldposter 29985
6 ноября

Александр Демидов из Крыма
6 ноября

10 немецких подписей
до 7 ноября

Жаль, что часть этой сволочи унесла ноги.

Группа командиров Красной Армии.
19/12 41 г.

Мы, бойцы, командиры и политработники Н-ского артиллерийского полка, глубоко возмущены надругательством двуногих зверей фашистов над памятью великого русского писателя. В ответ на издевательство их над национальной культурой русского народа мы даем клятву жестоко отомстить этим варварам и не жалеть своей крови и жизни для победы над врагом человечества и мировой культуры.

Просим правительство убрать трупы немецких варваров, оскверняющих своим соседством прах величайшего мыслителя человечества.

От имени группы бойцов, командиров и политработников
Пом. комполка *(подпись)*
Политрук *(подпись)*
19 декабря

Группа лейтенантов инженерных войск РККА, посетившая дом-музей Льва Толстого с целью разминирования, крайне возмущена варварством германской армии, осквернившей память великого русского писателя. Разгром дома-музея лишний раз свидетельствует о полной потере человеческого облика немецких солдат и офицеров.

(Подписи)
19 декабря

Пребывание фашистских варваров в Ясной Поляне оставило неизгладимые в памяти тяжелые следы зверского отношения фашистов к культуре в СССР. Разрушение музея Л. Н. Толстого, сожжение школы имени Л. Н. Толстого взывают о мести фашизму со стороны всего прогрессивного человечества. Красная Армия на подступах к Туле и Москве уже нанесла фашистским варварам сокрушительный удар и продолжает дальше уничтожать зарвавшееся немецкое зверье. Командиры и бойцы РККА и среди них выпускники Яснополянской средней школы имени Л. Н. Толстого воздают по заслугам озверелым «социал-националистам» — самой наглой и оголтелой диктатуре финансового капитала.

Выражаю большую благодарность сотрудникам музея за большую работу, выполненную ими по охране музея

имени Л. Н. Толстого. Надеюсь, что после разгрома врага правительство СССР восстановит красавицу дважды краснознаменную Яснополянскую среднюю школу имени Л. Н. Толстого.

Помкомбат 773-го саперного батальона 3-го ранга,
бывший директор Яснополянской средней школы им. Л. Н. Толстого,
кандидат педагогических наук *Телегин*
3 января 1942 г.

Миллионы проклятий варварам XX века! Смерть фашизму — разрушителю культуры, опоганившему память великого русского художника слова!

Комиссия по очищению территории могилы Л. Н. Толстого
от трупов фашистской грабьармии
(Подписи)
8 января

Мы, воентехники связи, имели счастье посетить родину великого классика литературы Л. Н. Толстого, мы глубоко возмущены теми безобразиями, которые наделали немцы, надругавшись над этим великим памятником. Уверены, что под руководством партии и вождя товарища Сталина он будет быстро восстановлен, а миллионы трудящихся, проходя мимо и убедившись воочию, отомстят немцам за надругательство. Мы с своей стороны обещаем, если понадобится, и отдать свою жизнь.

(Подписи)
9 января

Tolstoi est essentiel à la vie de tous les habitants du monde.— Ayant vu Iasnaia Poliana le 19 janvier 1942 je souhaite du plus profond de mon coeur que plus jamais les allemands, nos ennemis communs, ne touchent à la maison de l'écrivain, du genie.

Curie

19 janvier 1942.

Перевод:

Толстой важен человечеству всего мира. Увидев Ясную Поляну 19 января 1942 года, я от глубины своего сердца желаю, чтобы немцы, наши общие враги, никогда уже больше не прикасались к дому гениального писателя.

Кюри
19 января 1942 г.

Надругательство над памятью великого гуманиста не пройдет даром современным варварам. Человечество отплатит им презрением и ненавистью, а доблестная Красная Армия уничтожит их физически.

Старший лейтенант *Л. Шестов*
19 января

Мы, бойцы воинской части НКВД, посетив исторический музей Льва Николаевича Толстого после разгрома немецких гадов, обещаем, что ни один фашистский гад за посмеяние над творчеством Толстого не уйдет с русской земли.

(Подпись)
1 февраля

Я, политрук Арутюнян Арташа Михайлович, посетил чудесный старинный дом великого творца «Войны и мира», «Анны Карениной» и др. Да, побывав здесь, чувствуешь веяние великого человека. Этот уголок ценен каждому культурному человеку как великий памятник русской и мировой человеческой культуры.

11 февраля

Нет сил выразить всю ненависть к современным гуннам, опоганившим место, где жил и творил величайший русский писатель Л. Н. Толстой.

Приложим все усилия, чтобы отомстить за эти и другие издевательства над честью нашего народа. Выражаю глубокую благодарность сотрудникам музея, самоотверженно отстоявшим большинство экспонатов музея.

Младший лейтенант *Адров*
5 февраля 1942 г.

Возмущаться не стоит. Фашистская сволочь и падаль не могла поступить иначе, как надругаться над великим рус-

ским памятником, что они и сделали. Мы знаем, недалек момент, когда эта звериная грабьармия погибнет от нас, советских русских людей.

Иначе мы поступить не можем. Уничтожать беспощадно это зверье — долг человека.

Командующий Н-ской частью вместе с группой товарищей части
(семь подписей)
17 февраля

Проезжая на фронт, не могу не заехать сюда. В Ленинграде я знал одного командира орудия, который командуя кричал:

— За «Войну и мир» — огонь!

— За «Анну Каренину» — огонь!

Его так и убило за Толстого.

Итак, на войну за «Войну и мир»!

Лейтенант *Захарченко*
21 февраля

Отомстим за варварство германских фашистов полным уничтожением коричневой чумы.

Полковник *Садовский*
Старший батальонный комиссар *Тютровский*

Посетив музей, можно сказать о нем и о вынесенных после посещения впечатлениях много. Но здесь ясно одно: здесь русский дух, о котором писал Толстой, и этот дух победить нельзя.

Старший лейтенант *С. А. Кривенков*
5 мая

...Я видел и знаю, как бьются наши бойцы. В них горит такая же неугасимая жажда жизни, какая была и у Толстого. Сквозь все века, сквозь всю историю человечества пройдет слава о народе русском, о его гениях и героях, и не бывать немцам никогда у нас хозяевами. Уже поднимается зеленая трава на могилах, где лежали эти мер-

завцы, и скоро на всей нашей земле не останется следа от их пребывания. Зато Толстой будет жить и переживет века.

Специальный корреспондент окружной красноармейской газеты «Фрунзенец» Среднеазиатского военного округа
В. М. Дьяченко
19 мая

От Дуная до Москвы, от Москвы до самого края родины буду отстаивать свою родную землю и творения Л. Н. Толстого.

Пограничник *Г. Кириллюк*
24 мая

Побывав в музее Л. Н. Толстого, мы, командиры Красной Армии, еще раз убедились в величии русского народа, русской культуры и ее представителя Л. Н. Толстого. Скоро снова в бой мстить за поругание наших священных мест, и мы отомстим!

Группа командиров Красной Армии, старший политрук *Муртищев*
11 июня

Следы варварства, произведенные проклятыми фашистами, возбуждают жгучую ненависть и порыв драться с еще большим ожесточением до полного и окончательного уничтожения немецких фашистов.

Подпись
4 июля

За издевательства и разбой немецких оккупантов — вперед до полного разгрома!

Воентехник 2-го ранга *Кузьменко*
Лейтенант *Потапов*
Лейтенант *Омельченко*
Старший лейтенант *Лебедь*
4 июля

Теперь ясно можно представить всю титаническую работу, сделанную Толстым для русского народа. Тот, кто видел это прекрасное России, тот не может не любить свою родину.

Красноармеец *Лаврентьев*
16 июля

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР

(принятое на заседании президиума с участием действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР, находящихся в г. Казани)

г. Казань. 15 января 1942 г.

О ВАНДАЛИЗМЕ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Президиум Академии наук СССР, заслушав сообщение о работе Комиссии Академии, выезжавшей в Ясную Поляну для выяснения характера и степени разрушения музея-усадьбы Л. Н. Толстого фашистскими варварами за время оккупации ими Ясной Поляны, и ознакомившись с представленными Комиссией материалами, отмечает, что фашистские захватчики за короткое пребывание их на территории Ясной Поляны еще раз разоблачили перед всем миром свой вандализм, произведя беспримерное разграбление музейных ценностей, находившихся в усадьбе Л. Н. Толстого Ясной Поляне, являющихся достоянием русской и мировой культуры.

Произведенным Комиссией Академии наук СССР расследованием установлено, что фашистские варвары цинично глумились и издевались над национальным чувством русского народа. Всем своим поведением фашистские вандалы-громилы, разграбившие и разрушившие Ясную Поляну, выразили свою звериную ненависть к памятникам мировой культуры, каким является Ясная Поляна, в которой жил и творил великий классик русской и мировой литературы Л. Н. Толстой.

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Утвердить акт Комиссии Академии наук СССР, устанавливающий факт и размеры ограбления и разрушения музея-усадьбы Л. Н. Толстого Ясная Поляна, произведенных фашистскими захватчиками. Акт Комиссии представить в Совет Народных Комиссаров Союза ССР.

2. Немедленно приступить к восстановлению и реставрации музея-усадьбы Л. Н. Толстого Ясная Поляна.

Для этой цели немедленно отпустить необходимые средства на первоочередные мероприятия, а также предусмотреть в бюджете Академии наук СССР на 1942 год необходимые ассигнования для полного восстановления музея. Работы по восстановлению и реставрации закончить к 1 мая 1942 года.

3. Обязать руководство музея-усадьбы Л. Н. Толстого Ясная Поляна обеспечить показ музея с 1 мая 1942 г.

4. Считать необходимым создание в музее раздела экспозиции о разгроме Ясной Поляны фашистскими варварами.

5. Просить народных комиссаров здравоохранения и народного просвещения принять меры к восстановлению сожженных фашистскими захватчиками школы и больницы при усадьбе Ясная Поляна.

6. За самоотверженную работу по тушению пожара, организованного фашистскими захватчиками при их бегстве из Ясной Поляны, выразить благодарность хранителю музея С. И. Щеголеву, научному сотруднику музея М. И. Щеголевой, вахтеру М. П. Маркиной, ученице школы К. С. Литвиновой и сторожам И. В. Егорову, Д. С. Фоконову, В. С. Филатову и Акимову.

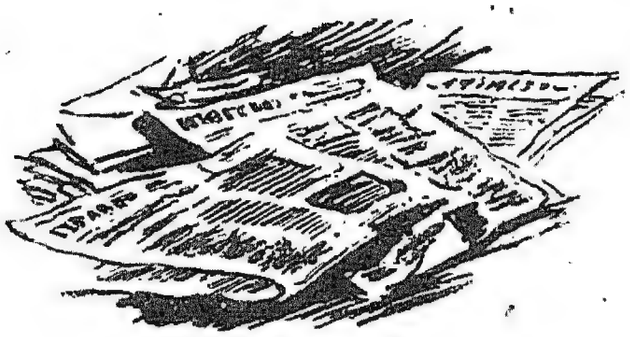
7. Предложить Комиссии Академии наук СССР выделить из числа принимавших участие в тушении пожара в Ясной Поляне особо отличившихся и премировать их.

Для премирования выделить в распоряжение Административно-хозяйственного управления Академии наук СССР в г. Москве (т. Файланда) 20 тысяч рублей.

Вице-президент Академии наук СССР
академик *О. Ю. Шмидт*

Вице-президент Академии
наук СССР академик
Е. А. Чудаков

Секретарь президиума
Академии наук СССР *П. А. Светлов*



VI

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Ясная Поляна открыта снова. Гитлеровские мерзавцы разгромлены и изгнаны из Ясной Поляны нашей родной, нашей славной, нашей любимой героической Красной Армией. Ясная Поляна живет, здравствует. Живет и здравствует, бессмертно будет жить великая слава великого гения Льва Николаевича Толстого.

В. Г. Жаворонков

Секретарь Тульского Обкома ВКП(б)
31 мая 1942 г.

Из «Книги впечатлений» посетителей Ясной Поляны в день открытия восстановленного дома-музея Л. Н. Толстого

ОТКРЫТИЕ ДОМА-МУЗЕЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Этот день, весенний и яркий, с ажурной листвой берез, с бодрящим ветром, вдвойне радостен. Сегодня цветут не только черемуха, лютики, фиалки, сегодня зацвели и ярко вспыхнули чувства народные, глубокие и величавые, чувства беспредельной любви и уважения к бессмертному гению Л. Н. Толстого.

Ясная Поляна и Лев Толстой связаны неразрывно. В Ясной Поляне он родился и вырос, создавал бессмертные произведения, вошедшие в историю мировой литературы. Гнев и боль вскипают в сердце при мысли о том, что несколько месяцев тому назад орда гитлеровцев топтала газоны любимого писателем парка, что чужие руки срывали со стен фамильные фотографии, ломали и портили личные вещи гения, что двуногие скоты превратили дом-музей в конюшню, а отдельные его комнаты — в уборные. Доблестная Красная Армия вышвырнула вандалов из Яснополянского заповедника. И, словно после первой весенней грозы, умывшаяся и освеженная Ясная Поляна засверкала краше прежнего.

Людно сегодня здесь. На торжественное открытие музея-усадьбы приехали: академики Ем. Ярославский, Митин, Цицин, Бушинский, члены-корреспонденты Академии наук СССР Минц и Юдин, внучка Л. Н. Толстого С. А. Толстая, бывший личный его секретарь Н. Н. Гусев, писатели: лауреат Сталинской премии Бородин, Шишков, Куприянов, профессор Тимофеев, руководящие работники областных организаций, делегации тульских фабрик и заводов, яснополянские колхозники, бойцы, командиры, политработники Красной Армии.

Советский народ горячо любит и глубоко ценит своего великого писателя. И были понятны слезы яснополянской пионерки, стоящей у зеленой могилы с букетом свежей сирени, волнение бывалого командира, разглядывающего лю-

бимую скамейку Льва Николаевича, понятно, почему так блестели глаза у молодого оружейника, смотревшего на вход, ведущий в знаменитую «комнату под сводами», где создавалась бессмертная эпопея «Война и мир». И всех присутствующих охватывало в эти минуты одинаковое всепобеждающее чувство, которым полны сейчас русские сердца: отомстить за нашего Толстого, за нашу культуру, за нашу вольную и прекрасную родину, стереть с лица земли ужас и позор человечества — фашизм!

* * *

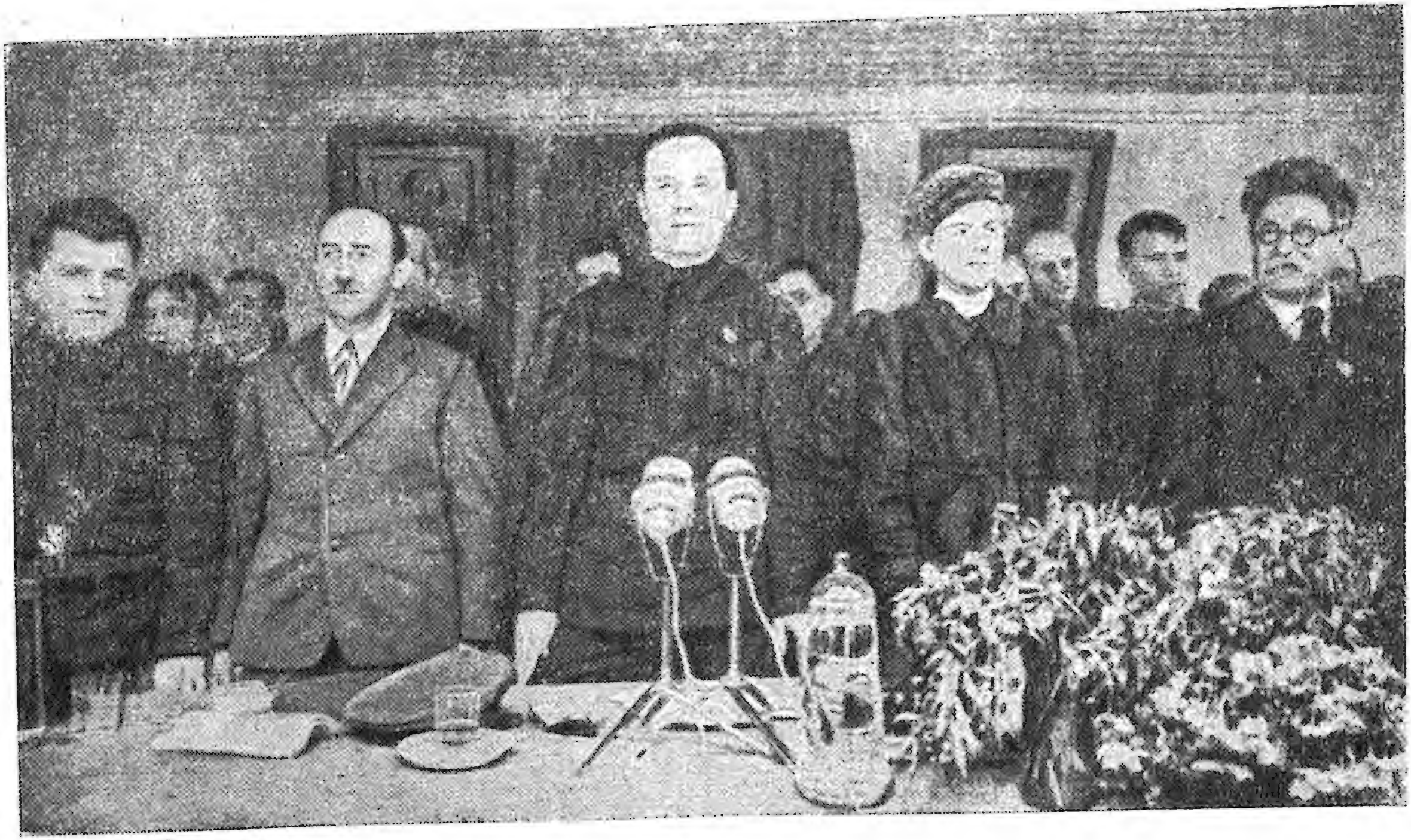
Терраса дома-музея превращена в большую импровизированную трибуну. 1 час 30 минут. В глубокой тишине секретарь обкома ВКП(б) т. В. Г. Жаворонков открывает торжественный митинг. Он говорит о всемирно-историческом значении Яснополянского музея, о неслыханном варварстве немецких грабителей, которые в своей звериной злобе ко всему, что дорого советскому человеку, уничтожают на захваченных территориях все материальные и культурные ценности.

«Лев Николаевич Толстой, гениальный творец прекрасных и бессмертных произведений, и в этой Великой отечественной войне многомиллионного и многонационального советского народа выступает вместе с нами против гитлеровских банд, выступает как великий боец, как великий патриот, — говорит т. Жаворонков. — Красная Армия громит и уничтожает фашистских людоедов. Недалек тот час, когда над всеми территориями, которые ныне временно оккупированы немецкими захватчиками, будет победно и гордо развеваться наше славное, непобедимое красное знамя».

Свою вступительную речь т. Жаворонков заканчивает здравицей в честь советского народа, большевистской партии, советского правительства, гениального полководца товарища Сталина.

Слово предоставляется члену президиума Академии наук СССР академику Митину.

«Толстой — это целая эпоха мировой культуры, — говорит он. — Толстой — гениальный художник, отразивший в своих произведениях с исключительной силой, чувством и искренностью стремления и чаяния широких народных масс. В произведениях Толстого получила замечательное отражение русская жизнь со всеми ее противоречиями.



Президиум митинга в Ясной Поляне

Слева направо: Председатель Тульского Облисполкома Н. И. Чмутов, академик М. Б. Митин, секретарь Тульского Обкома ВКП(б) В. Г. Жаворонков, директор Музея Л. Н. Толстого С. А. Толстая-Есенина, академик Ем. Ярославский

Толстой является любимейшим писателем всего культурного человечества. Фашистские громилы в своем диком невежестве и фельдфебельской надменности учинили свои зверства над Ясной Поляной. Но русский народ, народы всего Советского Союза, их культура, Лев Толстой с его произведениями будут жить, они бессмертны, а фашистская нечисть будет уничтожена».

Тов. Митин говорит о той колоссальной работе, которая проведена по восстановлению Ясной Поляны. Он читает решение президиума Академии наук СССР, в котором объявлена благодарность работникам музея тт. Щеголеву, Щеголевой, Маркиной, Егорову, Филатову, Акимову, Фоконову, Кондауровой, Васильевой, ученице Яснополянской школы Клавдии Литвиновой, бывшему служащему музея Кулеву, оказавшим большую помощь в спасении музейного имущества, положившим много труда при восстановлении музея.

На трибуне — член ЦК ВКП(б) академик Ем. Ярославский, тепло встреченный присутствующими. Он произносит яркую волнующую речь:

«В звериной злобе напали на нашу страну, на наши мирные поля, на наши города и села фашистские громилы, мечтающие уничтожить нашу свободу, честь и самую жизнь. Но враги забыли историю нашего народа. Они забыли, что уже не раз многочисленные полчища пытались поработить нашу родину. Но наш многомиллионный народ поднимался каждый раз на борьбу, беспощадно уничтожал врага, выгонял его из нашей страны. И то, что враги осквернили Ясную Поляну, то, что они глумились над памятью Льва Николаевича Толстого, — это только одна из черт неслыханного варварства фашистской банды. Они осквернили Ясную Поляну, думая, что у нас нехватит сил выгнать их отсюда. Враги жестоко просчитались! Мы выгнали их с этого священного места, мы выгоним их со всей нашей прекрасной земли».

Тов. Ярославский говорит о самоотверженной работе туляков, вписавших в историю борьбы с фашизмом много славных боевых страниц, покрывших себя неувядаемой славой. Свою проникновенную речь он заканчивает словами:

«Народ, который дал миру таких передовых писателей, как Лев Толстой и Максим Горький, народ, который дал миру величайших полководцев, величайших ученых, вели-

Митинг в Ясной Поляне 24 мая 1942 г.

чайших деятелей искусства, народ, который дал миру Ленина и Сталина, — этот народ никому не победить!»

С горячими речами выступили на митинге лауреат Сталинской премии Бородин, писатель-орденоносец Вяч. Шишков, внучка Льва Николаевича С. А. Толстая, стахановец оружейного завода т. Щербачев, политрук-орденоносец т. Сизов.

Под долго несмолкающую овацию принимается приветственное письмо великому вождю народов товарищу Сталину.

Митинг закончен. Секретарь обкома ВКП(б) т. Жаворонков режет алую ленточку. Музей открыт. Он принимает сегодня своих первых экскурсантов. Хранитель музея С. И. Щеголев ведет гостей по комнатам. Всех охватывает чувство волнения. Вот библиотека. Она особенно сильно пострадала от немецких варваров. Здесь прогорел потолок, обрушилась стена. Но все это уже в прошлом. Сейчас помещение библиотеки полностью реставрировано, приведено в порядок.

Гости осматривают рабочую комнату писателя, комнату жены его Софьи Андреевны, спальню и кабинет Льва Николаевича.

Тов. Щеголев с гневом рассказывает о том, как немецкие оккупанты, в поисках удобной постели, вытащили знаменитый диван, на котором родился Лев Николаевич. Работники музея решительно потребовали возвращения дивана.

«Бросьте этот старый толстовский хлам, — презрительно сказал один из офицеров и, обращаясь к т. Щеголеву, добавил с усмешкой: — Возьмите свою «ценность»...»

Гостиная. Столовая. Историческая комната «под сводами», где рождалась «Война и мир». Эту комнату фашисты превратили в уборную, покрыли стены ее нецензурными рисунками и надписями. Скоты! Они посмели опоганить священную комнату, где трудился гений! Эти звери способны на любые преступления. Ведь они с одинаковой жестокостью разрушали памятники вековой культуры прекрасной Франции, солнечной Греции, мужественной Норвегии и других оккупированных ими стран.

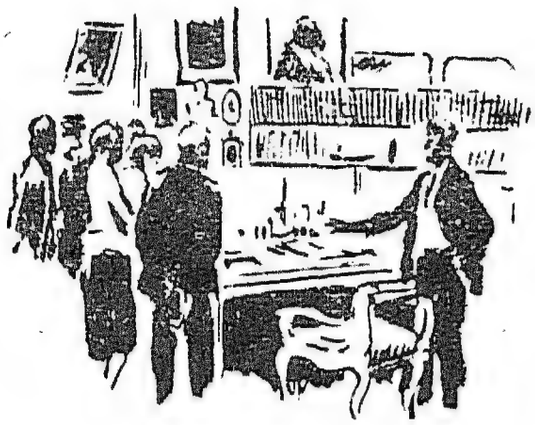
Начинается осмотр литературного музея. Гости знакомятся с материалами, относящимися к работе Толстого над «Войной и миром», «Анной Карениной», «Хаджи-Муратом», «Воскресением» и другими произведениями.

Внимательно осматривают экскурсанты новый отдел музея, где собраны материалы, уличающие немецких фашистов в их неслыханном варварстве. Фотографии, зарисовки художника Волкова, различные документы убедительно рисуют черные дни Ясной Поляны, мерзкие дела гитлеровских вандалов. Мы помним зверства гитлеровцев в Ясной Поляне! Мы отомстим за эти зверства!

До позднего вечера продолжалось торжество в Ясной Поляне. Это был настоящий народный праздник, который показал, что у нашего народа на вооружении не только превосходные танки, самолеты, пушки, минометы, но и одухотворенное, страстное слово писателя, разящее, уничтожающее врага так же метко, как и пуля снайпера. Такой народ непобедим!

З. Дмитриева
Ал. Матов

«Коммунар», орган Тульского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся, № 121, 26 мая 1942 г.



СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От составителей 3
Из ноты Народного Комиссара Иностранных дел товарища В. М. Молотова 4
И. И. Минц. Фашистские вандалы-громилы в Ясной Поляне. . 5
Проклятье и месть фашистским варварам. Передовая статья газеты «Правда» от 21 декабря 1941 г. № 353 13

I

ТОЛСТОЙ И ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Е. Н. Чеботаревская. Ясная Поляна. Исторический очерк . . 19
С. А. Толстая-Есенина. Толстой об Ясной Поляне 31
С. Л. Толстой. Ясная Поляна в творчестве Л. Н. Толстого . . 92

II

ЯСНАЯ ПОЛЯНА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Э. Е. Зайденшнур. Ясная Поляна в годы советской власти . . 109
Постановление президиума ВЦИК о Ясной Поляне 125
Постановление Совнаркома СССР от 27 августа 1939 г. 127
Е. Н. Чеботаревская. Музей-усадьба «Ясная Поляна» 128

III

ФАШИСТЫ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фашисты — душители культуры. Беседа с сотрудниками музея-усадьбы «Ясная Поляна» 143
Стенограмма выступлений преподавателей Яснополянской средней школы имени Л. Н. Толстого 159

IV

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

От Советского Информбюро. Вечернее сообщение 15 декабря . 169
П. Трояновский, старший политрук. Что увидели наши войска в Ясной Поляне 169

Стр.
От Советского Информбюро. Из вечернего сообщения от 17 декабря 171
Акты комиссии Академии наук СССР 172
Гитлеровским вандалам-громилам не удастся скрыть своих преступлений в Ясной Поляне («Правда» № 13 от 13 января 1942 г.) 184

V

ОТКЛИКИ В СССР И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Отклики в СССР 195
Отклики за границей 204
Из «Книги впечатлений» посетителей Ясной Поляны за время Отечественой войны 211
Постановление президиума Академии наук СССР от 15 января 1942 г. 219

VI

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

З. Дмитриева и Ал. Матов. Открытие дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне 223

Редакторы: *А. А. Белкин. П. И. Кушнер*

☆

Оформление книги
Л. Юркевича
Заставки — иллюстрации,
буквицы и концовки
А. Ермолаева

Подписано в печать 28 октября 1942 г. А 61692. Объем 14½ п. л. 40 т. зн. в 1 п. листе. Тираж 10 000 экз. Цена 8 руб. Заказ № 569.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

52-53 E

10.36

Ак р

5885